Дивер Джеффри

Слеза дьявола

Сокращение романов, вошедших в этот том, выполнено Ридерз Дайджест Ассосиэйшн, Инк. по особой договоренности с издателями, авторами и правообладателями. Все персонажи и события, описываемые в романах, вымышленные. Любое совпадение с реальными событиями и людьми – случайность.

Глава первая

9.00

Копатель в городе.

С виду он такой же, как вы, такой же, как я.

Как все прочие, он идет по зимним улицам, съежившись от декабрьской сырости.

Не высокий и не низкий, не полный и не худой. Если вы посмотрите ему в глаза, то отметите не их разрез или цвет, а лишь то, что они как бы не совсем человеческие. Если же Копатель перехватит ваш взгляд, то его глаза, возможно, будут последним, что вы увидите в жизни.

Он в длинном черном или темно-синем пальто, никто не замечает, как он проходит мимо, хотя видят его многие. На улицах Вашингтона полно людей – утренний час пик. Копатель в городе, в последний день старого года.

В руке у него пакет из магазина «Фреш-Филдс». Лавируя между парочками, одинокими прохожими и семейными группами, он продолжает путь. Впереди он видит станцию метро. Ему приказано быть там ровно в девять утра. И он там будет. Копатель никогда не опаздывает.

На него налетает мужчина, улыбается:

– Извините.

Но Копатель не смотрит на него.

«Не позволяй… *щелк*… Не позволяй никому увидеть твое лицо».

Это Дюпон-серкл, средоточие денег, искусства, молодости и шика. На Копателя не обращают внимания, и это одна из причин, по которой он так отлично делает свое дело.

«Ты лучший», – говорит тот, кто ему приказывает.

В 8.59 Копатель подходит к эскалатору, заполненному спускающимися в преисподнюю людьми. Он скользит рукой в пакет и кладет палец на спусковой крючок. Другой рукой он прижимает пакет из магазина к груди, обхватив нечто, что можно принять за батон хлеба. На самом деле это тяжелый глушитель, набитый искусственной ватой и звукопоглощающими резиновыми прокладками.

Копателю хочется супа, но он не обращает внимания на голод. Потому что он… *щелк*… лучший.

Часы подают сигнал. Девять утра.

Он нажимает на спуск.

Поток пуль устремляется в стоящих на эскалаторе, и, сраженные, они валятся вперед. Паф-паф-паф автомата заглушают стоны и жуткий лязг пуль, ударяющихся в металл и кафель. Когда пули попадают в людей, звук гораздо тише.

Все озираются, не понимая, что происходит.

Копатель тоже озирается. Все морщат лбы. И он морщит.

Никто не понимает, что открыта стрельба. Людям кажется, что кто-то упал и началась цепная реакция. Сотня пуль выпущена в считанные секунды.

Копатель опускает пакет с горячими гильзами. В нем маленькая дырочка, через которую вылетали пули.

– Остановите эскалатор! Разве не видите – они давят друг друга!

Копатель смотрит. Внизу все выше груда извивающихся тел. Кто-то жив, кто-то мертв, кто-то силится выбраться из-под растущей кучи у подножия эскалатора.

Копатель отступает в толпу, идет по забитым людьми проходам. На Копателя не обращают внимания.

Пока он идет – медленно, не бежать, никогда не бежать, – он думает о мотеле, где перезарядит оружие, набьет глушитель колючей искусственной ватой и устроится в удобном кресле с бутылкой воды и чашкой супа. Он посидит, отдыхая, часов до трех, и, если тот, кто ему приказывает, не даст отбой, он наденет длинное не то черное, не то темно-синее пальто и выйдет в город. И проделает все еще раз.

Ведь сегодня канун Нового года. И Копатель в городе.

В то время как кареты «скорой помощи» неслись к Дюпон-серкл и спасатели разбирали страшную гору тел на станции метро, Гилберт Хейвел шел к зданию Городского совета, расположенному в трех километрах от станции. Остановившись, он открыл конверт и в последний раз перечитал письмо:

Мэр Кеннеди,

Конец грянет. Копатель действует и его ни остановить. Если не заплотите он снова убъет – в четыре, 8 и в Полноч.

Мне есть нужно $20 миллион долларов наличными, и вы их положете в сумку и оставете в трех километрах южней Трассы 66 на Западной Стороне от Кольцевой. Посреди Поля. Заплотете для меня Деньги к 1200 часам. Один я есть знающий как остановить Копателя. Если меня ###### арестуют, он будет убивать дальше. Если меня убьют, он будет убивать дальше.

Если вы мне не верете, то некоторые пули Копателя были в черной краске.

Один я это знаю.

Совершенный план, решил Хейвел. Предусмотрен каждый возможный ответный ход полиции и ФБР. Как в шахматной партии. Подбодренный этими мыслями, он вернул письмо в конверт, закрыл его, но не запечатал и продолжил свой путь.

Он прошел мимо входа и задержался у газетного автомата. Подсунув под него конверт, Хейвел ушел. На углу он остановился у телефона-автомата и набрал номер.

– Муниципалитет. Служба безопасности, – ответили ему.

Хейвел поднес к трубке диктофон и нажал кнопку «ПУСК». Компьютерный голос произнес: «Конверт перед зданием. Под автоматом с „Пост“. Прочитайте его сейчас. В нем о стрельбе в метро».

Он повесил трубку и, перейдя через улицу, выбросил магнитофон в урну.

Хейвел зашел в кафе и сел в кабинку у окна – оттуда было хорошо видно автомат и служебный вход в здание. Он хотел убедиться, что конверт заберут. Не успел он снять пиджак, как его забрали.

К Хейвелу подошла официантка. Он заказал кофе и, хотя было еще рано, сандвич с бифштексом – самое дорогое блюдо в меню. Почему бы и нет? Он вот-вот станет очень состоятельным человеком.

– Пап, расскажи о Лодочнике.

– О Лодочнике? – переспросил Паркер Кинкейд девятилетнего сынишку. – Конечно. Что ты хочешь знать?

Кухня дома Паркеров в Фэрфаксе, штат Виргиния, благоухала ароматами готовящейся праздничной еды.

Робби был светленьким, с голубыми, как у матери, глазами.

– Ну, – начал мальчик, – я знаю, что он умер…

– Так и есть, – подтвердил отец и этим ограничился.

«Никогда не говорите детям больше, чем они хотят знать». Одно из правил «Руководства для родителей-одиночек» Паркера Кинкейда; сия настольная книга существовала исключительно в его воображении, однако он обращался к ней каждый день.

– Просто там, на улице… бывает, похоже на него. То есть, когда я туда смотрю, я как будто его вижу.

– И что мы делаем, когда так кажется?

– Я достаю щит и шлем и, если темно, включаю свет.

Паркер не садился. Обычно при серьезных разговорах с детьми он предпочитал смотреть им прямо в глаза. Но когда возникала тема Лодочника, терапевт рекомендовал Паркеру стоять, чтобы мальчик чувствовал себя в безопасности под защитой сильного взрослого. А Паркер Кинкейд и вправду внушал ощущение безопасности: он был под метр девяносто ростом и в свои сорок лет находился почти в такой же хорошей форме, как в студенческие годы.

– Давай посмотрим. Шлем и щит при тебе?

– Вот они.

Мальчик похлопал себя по голове и поднял левую руку с воображаемым щитом.

– Мои тоже при мне. – Паркер повторил жесты сынишки. Они вышли на заднее крыльцо.

– Видишь те кусты? – спросил Робби.

Паркер окинул взглядом пол-акра своего участка в тридцати километрах от Вашингтона. На задворках его владений пышно разрослись форзиция, японский стелющийся виноград и плющ. Если прищуриться, в этих кустах и вправду просматривались очертания человека.

– Страшновато, – признал Паркер. – Но ты же знаешь, что Лодочник был очень давно. Как давно все случилось?

– Четыре года назад, но…

– Разве это не длинный срок?

– Думаю, очень длинный.

– Вот такой? – Паркер вытянул руки в стороны.

– Может, да.

– А по-моему, еще длинней. – Паркер вытянул руки еще дальше. – Как та рыба, что мы поймали в озере Браддок?

– Она была во-от такая длинная, – заулыбался мальчик. Он пробежал через кухню, поднял руку, вернулся и поднял вторую. – Во-от такая!

– Такой бывает акула! – воскликнул Паркер. – Нет, кит! Нет, знаю – Мазурка Хохластик!

Сказочная тварь из книги «Будь у меня зоопарк». Робби и Стефи любили доктора Сууса. Паркер прозвал детей Ктошами – так звали существ из «Гортон слышит Ктоша», самой-самой любимой их сказки.

– Давай вырубим завтра все эти кусты?

– А ты дашь мне пилу? – спросил мальчик.

– Посмотрим.

– Отлично!

Робби побежал наверх, забыв на время о Лодочнике. Вскоре Паркер услышал тихие пререкания между Робби и его сестрой Стефани – о том, в какую компьютерную игру играть.

В дверь позвонили. Паркер подошел и распахнул ее.

Его одарила улыбкой красивая женщина. Под светлыми, ровно подстриженными волосами качались серьги-кольца. Ее загар был безупречен.

– Ну, здравствуй, – протянул Паркер.

Поглядев ей через плечо, он с облегчением заметил, что двигатель бежевого «кадиллака», стоявшего на подъездной дорожке, не заглушён. За рулем Ричард читал «Уолл-стрит джорнел».

– Привет, Паркер. Только что приземлились в Даллесе. На Санта-Крусе было великолепно. Я только на минутку.

– Прекрасно выглядишь, Джоун. Дети наверху… – Он обернулся их кликнуть: – Робби, Стефи! Мама приехала.

Грохот на лестнице. Ктоши вывернулись из-за угла и подбежали к Джоун. Она улыбнулась, но Паркер видел: она раздражена тем, что он их позвал.

– Мама, ты вся черная! – заметила Стефи.

– Где ты была, мама? – спросил, нахмурив брови, Робби.

– На Карибах. Разве папа не говорил?

Быстрый взгляд на Паркера. Да, говорил. Джоун не понимала, что детей расстроило не это его сообщение, а то, что ее не было в Виргинии на Рождество.

– Хорошо отметили праздник? – поинтересовалась она.

– Я получила в подарок футбольный мяч, и новый выпуск игры «Братья Марио», и еще все-все мультики про Уоллеса и его пса Громита…

– Очень мило. А мои подарки получили?

– Угу. Спасибо, – поблагодарила Стефи.

Девочка была безукоризненно вежлива, но куклы Барби в пышных платьицах больше не вызывали у нее интереса.

– Папа сходил поменял мне рубашку на нужный размер, – сообщил Робби.

– Я просила его поменять, если не подойдет, – поспешила сказать Джоун.

– Мы с тобой на Рождество даже по телефону не поговорили, – сказала Стефи.

– Ах, – ответила Джоун дочери, – оттуда, где мы отдыхали, было так трудно дозвониться. – Она взъерошила волосы Робби. – А сейчас нам с Ричардом надо ехать. Нужно забрать Элмо и Сейнта из собачьей гостиницы. Бедненькие собачки целую неделю просидели в клетках.

– У нас сегодня вечером будет праздник, а еще мы посмотрим фейерверк по телику, – сообщил Робби.

– Просто замечательно. Мы с Ричардом пойдем в оперу.

– Подожди. – Стефи побежала вверх по лестнице.

– Детка, у меня совсем нет времени. Мы…

Девочка вернулась через секунду с новым футбольным снаряжением.

– Какая красота, – сказала Джоун. Не представляя, что с ней делать, она неловко держала одежду.

«Сначала Лодочник, теперь Джоун…» – подумал Паркер. Как прошлое вторгается в настоящее. А почему бы и нет? В конце концов, канун Нового года. Время оглянуться назад.

– Я заскочила всего на минутку поздороваться и поговорить с вашим папой. Завтра, когда приеду вас навестить, привезу подарки с Карибов.

Она с облегчением вздохнула, когда дети, обрадованные обещанием подарков, побежали наверх, в комнату Стефи.

Уже не улыбаясь, Джоун повернулась к Паркеру:

– Паркер, я не должна была этого делать. – Она полезла в сумочку.

«О нет, – подумал он, – она приготовила мне рождественский подарок, а у меня для нее ничего нет». Но тут он увидел у нее в руке пачку бумаг.

– В понедельник их мог бы доставить и судебный курьер.

– Но я хотела поговорить с тобой, пока ты не успел наломать дров.

Документ был озаглавлен «Ходатайство об изменении порядка опеки». Удар ниже пояса.

– Джоун, – в отчаянии начал он, – ты не…

– Я хочу их, Паркер, и я их получу. Давай обойдемся без ненужной борьбы. Мы можем все продумать.

– Нет, – прошептал он.

– Четыре дня с тобой, пятницы и выходные – со мной. Возможно, и понедельники – в зависимости от наших с Ричардом планов. У тебя будет больше времени на самого себя.

– Однозначно, нет.

– Они мои дети… – начала Джоун.

– Технически.

Паркер имел исключительное право опеки на четыре года.

– Паркер, жизнь у меня теперь наладилась. Со мной все в порядке, – заметила она рассудительным тоном. – Я снова устроилась на работу. Я замужем.

За окружным чиновником, который, согласно «Вашингтон пост», в прошлом году чудом избежал суда по обвинению во взятках. С этим самым Ричардом Джоун спала последний год семейной жизни с Паркером.

Стараясь, чтобы, не дай бог, не услышали дети, Паркер яростно прошептал:

– Ты чужая для Робби и Стефи с того самого дня, как они появились на свет. – Он потряс документами. – Ты хоть немного о них подумала? О том, как это на них отразится?

– Им нужна мать.

Нет, подумал Паркер. Это Джоун нужны новые игрушки. Несколько лет назад ее занимали лошади. Потом призеры-веймаранеры – немецкие охотничьи собаки. Антиквариат. Дома во все более и более престижных районах.

– Чего ради тебе приспичило?

– Мне нужна семья.

– Заведите с Ричардом детей. Ты молодая.

Но Паркер знал, что заводить детей Джоун не захочет. Как ни любила она ходить беременной – это ее безумно красило, – она оказалась неспособной заниматься младенцами. Едва ли женщине стоит иметь детей, если, кроме себя, она вокруг ничего не видит.

– Ты же совершенно не годишься в матери.

– Вот те на! Да ты научился показывать зубы. Ну, может, тогда я и не годилась. Но все это в прошлом.

– Я буду бороться, Джоун. Ты это знаешь.

Она раздраженно выпалила:

– Я приеду завтра в десять с работницей социальной службы, пусть поговорит с детьми.

– Джоун… Погоди хотя бы до будущей недели. Какая-то незнакомая женщина будет разговаривать с ними в праздник? Нелепо. Они хотят видеть тебя.

– Паркер, – вышла из себя Джоун, – она свое дело знает и не расстроит их. Ну, мне пора. Из-за праздника собачья гостиница скоро закроется. Бедные щеночки… Да брось ты, Паркер! Это не конец света.

Нет, именно что конец, подумал он.

Мэр Джеральд Кеннеди посмотрел на листок бумаги.

Мэр Кеннеди,

Конец грянет. Копатель действует и его ни остановить.

К листку была прикреплена фэбээровская справка, озаглавленная «Приложенный документ – копия. РАСМЕТ 12/31».

РАСМЕТ, подумал Кеннеди. Расстрел в метро. Он вспомнил, что в Бюро любят подобные акронимы. Кеннеди в который раз перечитал письмо и взглянул на сидевших напротив – привлекательную блондинку и высокого, худощавого, седого мужчину.

– Вы уверены, что за расстрелом стоит этот тип?

– То, что он написал про окрашенные пули, подтвердилось. Мы уверены, что письмо от преступника, – ответила женщина.

Дверь распахнулась – вошел молодой чернокожий мужчина в двубортном итальянском костюме и овальных очках. Кеннеди жестом пригласил его к столу и представил:

– Уэнделл Джеффриз, мой старший помощник.

Женщина-агент кивнула:

– Маргарет Лукас.

Мужчина вроде как передернул плечами:

– Кейдж.

– Они из ФБР, – добавил Кеннеди.

Джеффриз кивнул – мол, и так ясно. Кеннеди подвинул письмо к помощнику. Джеффриз прочел его.

– Значит, он повторит расстрел?

– Видимо, да, – ответила женщина.

Кеннеди посмотрел на агентов. Кейдж работал в штаб-квартире ФБР на Девятой улице, а Лукас исполняла обязанности главного

спецагента окружного вашингтонского отделения. Ее начальник находился в отъезде, и поэтому дело о расстреле в метро вела она. Кейдж был постарше и, видимо, имел в Бюро хорошие связи. Лукас же была помоложе и казалась более циничной и энергичной. Кеннеди уже три года занимал пост мэра округа Колумбия и держал город на плаву, опираясь на цинизм и напор, а не на опыт и связи. Его радовало, что Лукас вела это дело.

– Ублюдок даже грамотно писать не умеет, – пробормотал Джеффриз, перечитав письмо.

Кеннеди взглянул на часы. Было десять с небольшим.

– Двенадцать ноль-ноль… полдень, – задумчиво протянул он. – Через два часа мы должны заплатить откупные.

– Вам придется сделать заявление, Джерри. И скоро, – заметил Джеффриз.

– Знаю. Что вы предпринимаете для его поимки? – спросил Кеннеди агентов.

Лукас ответила сразу:

– Проверяем тайных осведомителей и тех, кто имеет контакты с террористами. Пока впустую, и я считаю, что это не характерный террористический почерк. Мы также проверяем номера всех машин, припаркованных у Городского совета на момент, когда мы узнали о письме. Проверяем и квитанции на парковку автомобилей, стоявших утром у Дюпон-серкл. Прочесываем зону передачи денег у Кольцевой и все близлежащие отели, многоквартирные и частные дома.

– Не слышу в вашем голосе оптимизма.

– Откуда ему взяться?

Кеннеди прочел письмо еще раз. Странно, что у психа такой хороший почерк.

– Нужно платить?

Лукас взглянула на Кейджа и ответила:

– Мы считаем, что, если вы не заплатите отступного или до четырех дня какой-нибудь осведомитель не укажет нам точного местонахождения Копателя, мы не сможем этого Копателя остановить. Я не советую вам платить. Просто прогнозирую, что случится, если не заплатите.

– Двадцать миллионов долларов, – задумчиво пробормотал Кеннеди.

Дверь без стука отворилась, и в кабинет вошел высокий мужчина лет шестидесяти. Член Палаты представителей Пол Ланир. Пожав руку мэру, он представился агентам ФБР.

– Пол возглавляет Комитет управления округом Колумбия, – сказал Кеннеди.

Хотя Федеральный округ Колумбия обладал определенной автономией, Конгресс недавно взял власть над его кошельком и выдавал деньги скупо, как родитель – непутевому чаду на карманные расходы.

Ради Ланира Лукас еще раз высказала свое мнение.

– Вы уверены, что хотите платить? – спросил Ланир. – Это может быть неправильно понято – как заискивание перед террористами.

Кеннеди посмотрел на Лукас. Она заметила:

– Тут стоит подумать. Уступишь одному вымогателю, появляются новые.

– Что вы можете предпринять для его поимки, если мы заплатим? – уточнил Кеннеди.

– Наши специалисты оснастят сумку с деньгами радиопередатчиком. Попытаемся проследить преступника до укрытия. Если повезет, возьмем обоих – его и стрелка, этого Копателя.

– Если повезет, – скептически повторил Кеннеди.

– Мы не можем дать вам гарантий, – твердо заявила она.

– Конечно, не можете. – Кеннеди встал, подошел к окну и посмотрел на усыпанные коричневыми листьями деревья. Синоптики обещали вечером первый большой снегопад в этом году, но пока было тепло.

Мэр вернулся к столу и посмотрел на часы. Двадцать пять минут одиннадцатого. Настольная лампа освещала письмо. Кеннеди показалось, что листок бумаги раскален добела.

Член Палаты представителей Ланир заявил:

– Значит, так – мы не платим. Будем проводить жесткую линию. Не уступаем террористам. Мы…

– Я заплачу, – возразил Кеннеди.

– Подождите, – заметил Ланир. – Не горячитесь.

– Я вовсе не горячусь, – оборвал его Кеннеди. – Я размышляю с той минуты, как получил вот это. – Он показал на раскаленное письмо.

– У вас нет права принимать подобное решение. Это сфера полномочий Конгресса, – возразил Ланир.

– Нет, это исключительное право округа, – заметил Кейдж. – По пути я связывался с генеральным прокурором.

– Но финансы контролируем мы, – огрызнулся Ланир, – и я не собираюсь давать «добро».

Кеннеди вопросительно взглянул на Джеффриза.

– Можно использовать наш кредит на дискреционные расходы, – ответил тот.

– Джерри, это нелепо, – заметил Ланир. – Никогда не договаривайтесь с террористами. Разве вы не читаете рекомендаций Государственного департамента?

– Не читаю. Мне никто их не присылает. А теперь, агент Лукас, ступайте и остановите его.

Сандвич был вкусным. Но не супер. Гилберт Хейвел решил, получив деньги, съесть настоящий бифштекс. Он допил кофе и продолжил наблюдение за зданием Городского совета.

Шеф полиции округа приехал и быстро укатил. Репортеров и съемочные группы завернули назад. Затем двое явных агентов ФБР – мужчина и женщина – вошли в здание. Определенно, это была операция ФБР. Что ж, он знал, что так и будет. Пока что ничего неожиданного.

Хейвел взглянул на часы. Пора возвращаться в укрытие, звонить в вертолетную чартерную компанию. Нужно было очень многое подготовить. Как забрать двадцать миллионов, было тщательно продумано, а как затем ускользнуть – продумано еще тщательнее.

Хейвел заплатил по счету, надел пальто и шляпу. Выйдя из кафе, он пошел переулком к Пенсильвания-авеню, где ему предстояло сесть на автобус.

Гилберт Хейвел вышел из переулка и свернул на улицу. Загорелся зеленый свет. Хейвел ступил на перекресток. Внезапно слева надвинулось что-то темное. «Черт, он не видит меня! Он не...» – мелькнуло в голове у Хейвела.

Водитель автофургона пролетел на красный. Тормоза взвизгнули, и автофургон врезался в Хейвела, передним крылом прижал его к припаркованной машине и раздавил, как сверчка. Водитель выпрыгнул и в шоке уставился на пострадавшего.

– Вы сами не посмотрели! Я не виноват!

Помешкав немного, он торопливо залез в автофургон. Выжав полный газ, он дал задний ход, и Хейвел плюхнулся на асфальт. Фургон быстро укатил прочь.

К Хейвелу подбежали двое мужчин. Один нагнулся пощупать пульс.

– Мертв? – спросил второй.

– Да уж, – ответил первый, – мертвее не бывает.

Маргарет Лукас лежала на холме и обозревала Кольцевую. Мимо мчался бесконечный поток машин.

Она снова посмотрела на часы и подумала: «Где же ты?»

– Шумит, как вода, – заметил Кейдж.

– Что?

– Поток машин.

Он лежал на животе рядом с ней. Расположились они на Гэллоуз-роуд – Висельной дороге – да, «Висельной». Ирония столь очевидная, что никто из агентов не шутил на эту тему. Поле просматривалось на сотню метров. Где же террорист? Его ждут двадцать миллионов баксов, а он их не берет.

– Где же он? Почему опаздывает? – пробормотал другой голос.

Он принадлежал мрачному мужчине лет тридцати с выправкой и стрижкой военного. Ленард Харди работал в полиции округа Колумбия и был в команде, поскольку не иметь с собой копа от округа было бы неприлично. В обычной ситуации Лукас возразила бы против чужака, но Харди она немного знала – его часто посылали в отделение ФБР округа Колумбия. До тех пор пока он вел себя как обычно – тихо сидел и не беспокоил старших, – она не была против его присутствия. Холеной рукой с идеально подстриженными ногтями он делал заметки для рапорта шефу окружной полиции и мэру.

– Есть что? – Лукас шепотом спросила Тоуба Геллера, молодого кудрявого агента в джинсах и ветровке.

У тридцатилетнего Геллера было лицо жизнерадостного мальчишки, который приходит в восторг от любой штуковины, набитой микросхемами.

– Момент, – ответил он и бросил взгляд на один из трех стоявших перед ним портативных мониторов.

Если бы в радиусе ста метров от сумки с деньгами появилось живое существо крупнее енота, система слежения засекла бы его.

Когда мэр приказал выплатить вымогателю деньги, наличные не сразу попали к месту назначения. В гараже без вывески рядом со штаб-квартирой ФБР Геллер переложил их в два специальных рюкзака. Парусина рюкзаков казалась вполне обычной, но на самом деле была пронизана нитями оксидированной меди и представляла собой антенну, сигнал которой передавался на спутник Глобальной системы местоопределения.

Геллер также поменял бумажные стяжки на сорока пачках стодолларовых банкнот на стяжки собственного изготовления. В них были вделаны сверхтонкие передающие пластины. Если даже преступник переложит деньги из рюкзаков, Геллер сможет отследить их в радиусе ста километров.

Сумку поместили на поле точно в том месте, которое было указано в письме. Агенты ретировались, и началось ожидание.

– Где же ты? – задумчиво бормотала Лукас. – Где?

– Хм-м. – Арделл кивнул блестящей бледной лысой головой и взглянул на Лукас: – Вызывал пост «чарли». С дороги в лес никто не сходил.

Лукас вздохнула. Она ошиблась – подумала, что преступник будет подбираться к деньгам с запада, через рощу, тянувшуюся вдоль скоростного шоссе.

– Пост «браво»? – справилась она.

Арделл, очень долго проработавший тайным агентом, вел себя терпеливее остальных участников засады. За все это время он ни на сантиметр не переменил положения своего мощного тела. Он запросил самый южный наблюдательный пост.

– Ничего. Только подростки на джипе.

Прошло еще какое-то время. Детектив Харди строчил заметки. Геллер стучал по клавиатуре. Кейдж ерзал, а Арделл лежал не шелохнувшись.

Лукас спросила у Кейджа:

– Жена очень злится, что ты работаешь в праздник?

Кейдж пожал плечами – его любимый жест. Старший агент штаб-квартиры ФБР, Кейдж часто работал вместе с Лукас. Обычно и с ее начальником, главным спецагентом вашингтонского отделения ФБР. Но сейчас тот был в отпуске в бразильских джунглях, и дело повела Лукас.

Она переживала из-за того, что Кейдж, Геллер и Арделл сегодня работали. Вечером их ждали подруги или жены. А вот что Лен Харди был здесь, ее только радовало – у него имелись серьезные причины занять себя на праздники.

У самой Лукас в Джорджтауне был уютный дом, заполненный антикварной мебелью, вышивками и лоскутными одеялами собственной работы. У нее имелись также беспорядочная коллекция вин, около пятисот книг, тысяча с лишним компакт-дисков и нечистокровный лабрадор Жан-Люк. В этом доме было бы приятно провести праздничный вечер, но за три года, что Лукас в нем прожила, она ни разу этого не сделала.

Она посмотрела на часы. До следующего расстрела чуть больше трех часов. Затрещал головной телефон – голос называл ее имя.

– Говорите, – сказала она в микрофон, узнав голос заместителя директора ФБР.

– У нас проблема. Недавно у Городского совета водитель задавил пешехода и скрылся. Белого мужчину, тот погиб на месте. При нем никаких документов – только ключи от квартиры и кое-какие деньги. Полицейский, занявшийся этим делом, слышал о шантаже и, поскольку наезд произошел у Городского совета, подумал, что, возможно, сбитый как-то связан с тем письмом.

Она моментально поняла:

– Сравнили отпечатки? Мертвого мужчины с теми, что на письме?

– Да. Письмо написал он.

Лукас припомнила пару фраз. Что-то вроде: «Если меня убьют, он будет убивать дальше. Ничто не остановит Копателя».

– Вы должны найти стрелка, Маргарет, – сказал заместитель директора. – Вы должны найти его за три часа.

Глава вторая

13.15

«Настоящее?» – задумался Паркер Кинкейд.

Склонившись над листком бумаги, он разглядывал его в лупу – мощную, с десятикратным увеличением. Джоун заглянула несколько часов тому назад, но он все еще пребывал в смятении от ее появления и попытался отвлечься, занявшись работой. Письмо на пожелтевшей бумаге, которое он изучал, было заключено в конверт из тонкого прозрачного пластика. Выглядело оно как настоящее, но Паркер Кинкейд не привык поддаваться первому впечатлению.

Ему страшно хотелось потрогать документ, ощутить фактуру бумаги и легкую выпуклость чернил. Он, однако, не рискнул извлечь письмо из конверта: малейшие частички жира с его пальцев начали бы разъедать тонкую бумагу, что было бы катастрофой – ведь письмо могло стоить порядка пятидесяти тысяч долларов. Если, понятно, оно было настоящее.

Стефи у себя наверху играла в «Нинтендо». Робби на полу у ног Паркера возился с фигурками из «Звездных войн». В подвальном кабинете было уютно: деревянные панели, травянисто-зеленый ковер. На стенах висели сотни документов в рамках – наименее ценная часть коллекции Паркера. Письма Вудро Вильсона, Ф.Д. Рузвельта, Бобби Кеннеди и живописца Старого Запада Чарльза Расселла. Одна стена была отдана подделкам, которые разоблачил Паркер. Но его любимой была стена прямо напротив его рабочего места: на ней красовались рисунки и стихи Ктошей.

В комнате царила тишина. Обычно Паркер включал радио, но он не хотел, чтобы Робби услышал специальные репортажи о расстреле в метро, тем более после того, как вспомнил про Лодочника.

– Что это? – поднявшись с пола и поглядев на письмо, спросил Робби.

– Знаешь, кто такой Томас Джефферсон?

– Третий президент Соединенных Штатов.

– Верно. Кое-кто считает, что это письмо написал он. Меня попросили проверить, правда ли это.

Объяснить Робби и Стефи, чем он зарабатывает на жизнь, в свое время оказалось трудно. Объяснить не техническую сторону работы эксперта, а то, зачем люди подделывают письма и документы и пытаются выдать их за настоящие.

– О чем оно? – поинтересовался мальчик.

– Это письмо Джефферсона к старшей дочери.

Паркер не сказал сыну, что письмо было о второй дочери Джефферсона, Мэри. Она умерла от послеродовых осложнений, как и жена Джефферсона за несколько лет до того.

«По возвращении в Вашингтон живу, как во тьме, – все время вижу перед собой Полли верхом на лошади…»

Паркер, дипломированный эксперт по документам, старался подавить грусть, какую будили в нем эти слова Джефферсона, и оставаться беспристрастным аналитиком. Сосредоточься, говорил он себе, хотя мысли об отце, потерявшем ребенка, постоянно его отвлекали.

Он только собрался поместить письмо под микроскоп, когда в дверь опять позвонили.

О нет! Снова Джоун, так он и знал. Забрала своих собак и приехала еще больше осложнять ему жизнь.

Паркер соскользнул с табурета и поднялся по лестнице. Он был взбешен и твердо решил, что Ктоши, вопреки мамочке, весело встретят Новый год. Он рывком распахнул дверь.

– Привет, Паркер.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить имя высокого седого мужчины, агента ФБР. Он не видел его несколько лет.

– Кейдж?

Сопровождавшую Кейджа женщину Паркер не знал.

– Как поживаешь? Не ожидал меня увидеть?

Агент почти не изменился, лишь немного поседел и усох.

Краем глаза Паркер заметил, что в прихожей возник Робби со своей сообщницей Стефи. Они подобрались поближе к двери и глазели на Кейджа и его спутницу.

Паркер повернулся и наклонился к детям:

– Разве вас не ждет наверху, в ваших комнатах, что-то очень-очень важное?

– Нет, – ответила Стефи.

– А я думаю, да. Ну-ка, живо наверх. Дайте папе поговорить со знакомыми.

Паркер закрыл за собой дверь и, повернувшись к гостям, рассмотрел женщину. Лет тридцати с небольшим, лицо узкое, кожа гладкая. Совсем не загорелая, не то что Джоун. Она протянула ему сильную руку с длинными пальцами:

– Маргарет Лукас, заместитель главного специалиста вашингтонского отделения. Можно нам на минутку войти?

– Не возражаете, если мы постоим тут? Дети…

– О чем разговор, – ответил Кейдж за двоих и кивнул на дверь: – Подрастают.

– Да уж. Так в чем дело, Кейдж?

Агент кивнул Лукас.

– Нам нужна ваша помощь, мистер Кинкейд, – торопливо сказала она.

– Смотришь новости, Паркер? – спросил Кейдж.

– Понятно, вас привели убийства в метро.

– Да, – подтвердила его догадку Лукас. – Стрелок убил двадцать три человека. Тридцать семь ранены. Шестеро детей получили тяжелые травмы.

– Но я-то здесь при чем? Я в отставке.

– Вы по-прежнему занимаетесь экспертизой документов, – заметила Лукас. – Ваше имя фигурирует в «Желтых страницах», у вас есть сайт в Интернете.

– Экспертизой гражданских документов. Криминалистикой я не занимаюсь.

– Кейдж говорил мне, что вы шесть лет возглавляли отдел экспертизы документов. По его словам, вы лучший специалист в стране, – не сдавалась Лукас.

Какие усталые у нее глаза, подумал Паркер.

Пап, расскажи о Лодочнике.

– Паркера выдвигали на главного специалиста восточного района, но он отказался, – добавил Кейдж.

Лукас подняла светлые брови.

– Это было давным-давно, – заметил Паркер.

– Да, – согласился Кейдж. – Но ты ведь не заржавел?

– Кейдж, ближе к делу.

– Пытаюсь тебя вымотать, – сказал седеющий агент.

– Не получится.

– Но ведь я чудотворец. Помнишь? – Кейдж обратился к Лукас: – Паркер, знаете ли, не просто разоблачал подделки. Он выслеживал людей по тому, что они написали, где купили бумагу, ручки и прочие мелочи. Лучший спец в своем деле.

Паркер подумал о Ктошах, о предстоящем празднике, о бывшей жене. Он открыл было рот, чтобы послать тощего Кейджа и мертвоглазую Лукас куда подальше, но та его опередила.

– Послушайте, – сказала она напрямик, – преступник и его соучастник, стрелок, действуют по такой схеме: стрелок расстреливает толпу из автоматического оружия каждые четыре часа, пока город не заплатит. Мэр хотел заплатить, и мы принесли деньги, но преступник не появился. Почему? Потому что он мертв.

– Так уж ему повезло, – заметил Кейдж. – Шел забрать двадцать миллионов, а его расплющило автофургоном.

– Почему стрелок не взял деньги? – спросил Паркер.

– Потому что его единственное задание – убивать, – объяснила Лукас. – К деньгам он не имеет никакого касательства. Преступник выпустил стрелка в город и велел не останавливаться, пока не получит специального приказа. Таким образом, схвати мы преступника – у него были бы все шансы добиться выгодной для себя сделки с правосудием в обмен на то, что он остановит стрелка.

– Вот от нас и требуется найти этого самого стрелка, – подытожил Кейдж.

Дверь за спиной Паркера начала открываться.

– Застегните пиджак, – торопливо попросил он Лукас.

– Что? – нахмурилась та.

Паркер рывком запахнул ее пиджак, прикрыв большой пистолет на поясной кобуре.

– Не хочу, чтобы он видел оружие, – шепнул Паркер.

Он обнял сынишку за плечи:

– Привет, Ктош. Как дела?

– Я выигрывал, и тогда Стефи спрятала пульт.

Паркер обернулся и крикнул:

– Стефи, разве пульт не должен найтись через пять секунд? Четыре, три, две…

– Нашелся! – раздалось сверху.

Робби весело побежал вверх по лестнице. Паркер заметил, что Лукас проводила мальчика взглядом до площадки второго этажа.

– Как его зовут? – спросила она.

– Робби.

– Нет, как вы его назвали?

– А-а, Ктош. Я дал детям прозвища из книжки доктора Сууса. – Паркер повернулся к Кейджу: – Послушай, мне жаль, но я действительно не могу вам помочь.

– Ты ведь понимаешь, в чем тут загвоздка? – спросил Кейдж. – Единственное связующее звено, единственный «ключ» – письмо шантажиста.

– Отдайте на анализ в отдел исследования материальных свидетельств.

Тонкие губы Лукас сделались еще тоньше.

– Понадобится – так и сделаем. И выпишем из Квонтико психолингвиста. И направим агентов во все компании по производству писчебумажных принадлежностей. Но…

– Но мы надеялись, что ты возьмешься за это дело, – вставил Кейдж. – Мог бы взглянуть на письмо и сказать нам, что и как, никто другой этого не скажет. Может, где жил шантажист, где стрелок собирается нанести очередной удар.

Паркер тем временем представил себе, что произойдет, узнай Джоун про его участие в расследовании.

– У нас ничего нет, – сердито произнесла Лукас. – Ни единой зацепки. И времени – до четырех, а то этот псих снова начнет стрелять. В прошлый раз пули попали в детей…

– Я вынужден попросить вас уйти. Желаю удачи.

Кейдж пожал плечами и взглянул на Лукас. Та протянула Паркеру визитку:

– Номер сотового внизу… Послушайте, если у нас возникнут вопросы, можно, по крайней мере, вам позвонить?

Паркер поколебался:

– Можно.

Затем он сказал: «До свидания», вернулся в дом и закрыл дверь.

На лестнице стоял Робби.

– Кто они, папа?

– С этим дядей я когда-то вместе работал.

– У нее был пистолет? У этой тети?

– Ты его видел?

– Да.

– Тогда, значит, был.

– А с ней ты работал?

– Нет, только с дядей.

– Ой, папа, а она красивая.

Паркер чуть было не сказал: «Для тети-полицейского». Но промолчал.

– Оружие, – бросила Маргарет Лукас. – Мне нужны данные по оружию стрелка.

– Будут с минуты на минуту, – отозвался Арделл.

Они сидели в оперативном центре на пятом этаже штаб-квартиры ФБР.

Кейдж прошел мимо Лукас, шепнув:

– Молодцом!

Лукас промолчала. Она поймала свое отражение в одном из огромных настенных видеоэкранов с увеличенным изображением письма шантажиста и подумала: «А молодцом ли?» Она надеялась, что да. Лукас отправила отпечатки пальцев преступника в основные базы данных по всему миру. Два десятка агентов искали свидетелей. Проверялись сотни номерных знаков. По всей стране агенты выуживали информацию у осведомителей. В Городском совете проверяли входящие и исходящие звонки за последние две недели.

Зазвонил телефон. Лен Харди потянулся к трубке, но Кейдж его опередил. Детектив Харди скинул куртку и щеголял в белой рубашке в тонкую коричневую полоску, коричневом галстуке и отутюженных брюках. Хотя он вместе во всеми лежал на поле в северной Виргинии, на нем не было ни пылинки, да и прическа сохранилась в нетронутом виде. Харди скорей походил не на детектива, а на подтянутого иеговиста с душеспасительными брошюрами наготове.

Кейдж повесил трубку:

– Получил все данные. Оружие – «узи». Глушитель набит искусственной ватой. Вручную, не промышленным способом.

Лукас сказала Арделлу:

– Пусть кто-нибудь проверит сайты с инструкциями по сборке самодельных глушителей. Может, получится установить электронные адреса последних пользователей.

Агент позвонил и доложил:

– Над этим уже работают технические службы.

Лукас обратилась к Кейджу:

– У меня возникла идея. Мы можем задействовать парня из отдела кадров, он изучает почерк тех, кто приходит устраиваться, и пишет на них характеристики.

– Не стоит, – произнес голос у них за спиной.

Лукас обернулась и увидела мужчину в кожаной летной куртке. На шее у него болталась бирка посетителя, а в руках он держал большой «дипломат».

– Меня впустил Арти – все еще помнит после стольких-то лет, – сообщил Паркер Кинкейд. Арти был дежурным на служебном входе.

– Здравствуйте, мистер Кинкейд. Так чего нам не стоит делать? – спросила она.

– Нельзя охарактеризовать личность по почерку.

Лукас не понравилась его безапелляционность.

– Мне казалось, многие это делают.

– Многие и по картам гадают. Пустая трата времени. Мы сосредоточимся на другом.

– Хорошо.

Лукас дала себе слово, что постарается не возненавидеть этого человека.

– Паркер, познакомься с Тоубом Геллером. Нынче вечером он у нас компьютерщик и связист в одном лице. Мы перехватили его на пути в Нью-Хэмпшир, где он собирался покататься на лыжах.

Подтянутый агент с готовностью улыбнулся:

– За праздничные сверхурочные я согласен на все, – и пожал Паркеру руку.

Кейдж кивком указал на другой стол:

– Ч. П. Арделл. Никто не знает, что означают буквы «Ч. П.», полагаю, даже он сам.

– Когда-то знал, – лаконично заметил Ч. П.

– А это Лен Харди, связной от Полицейского управления округа.

– Рад познакомиться, сэр, – произнес детектив.

– Можно без «сэра». Вы криминалист? Следователь?

Харди смешался:

– Вообще-то я из статистики.

– Итак, где письмо? – спросил Кинкейд у Лукас.

– В отделе идентификации. Я хотела проверить, вдруг на нем найдутся еще отпечатки.

Кинкейд нахмурился, но не успел открыть рот, как Лукас добавила:

– Я дала указания использовать только лазер. Никакого нингидрина.

Он поднял брови:

– Вы занимались криминалистикой?

– Помню из учебного курса.

– Что это такое? Нин… – поинтересовался Харди.

– Нингидрин используют, чтобы проявить на бумаге отпечатки пальцев, – пояснила Лукас.

– Однако, – закончил за нее Кинкейд, – он уничтожает следы от нажима при письме.

Лукас позвонила в отдел идентификации. Лаборант ответил, что других отпечатков на документе не обнаружено и курьер доставит им письмо. Лукас сообщила это всем остальным. Паркер кивнул.

– Почему ты передумал и пришел? – спросил Кейдж.

Паркер помолчал и ответил:

– Помните, вы упоминали о детях, которых ранили в метро? Один ребенок умер.

– Слышала, – таким же серьезным тоном заметила Лукас.

– Я здесь с одним условием, – продолжал Кинкейд. – Никто, кроме нашей временной группы, не должен знать, что я участвую в этом деле. Если мое имя всплывет, я ухожу на любой стадии расследования.

– Как вам будет угодно, мистер Кинкейд, однако…

– Просто Паркер.

В разговор вступил Кейдж:

– Будь по-твоему. Но можно узнать – почему?

– Дети. Я получил право опеки над ними четыре года назад, когда развелся с женой. Одна из причин, по которой именно я получил это право, – я работаю дома и не занимаюсь ничем таким, что способно поставить под удар их или меня. Похоже, жена хочет теперь оспорить постановление об опеке. Ей нельзя знать об этом деле.

– Нет проблем, – заверил его Кейдж. – Станешь кем-нибудь другим. Кем тебе хочется?

– Окрестите меня хоть Джоном Смитом, хоть Томасом Джефферсоном, только скройте мое настоящее имя. Джоун появится

завтра утром с подарками для детей и намерена подвергнуть их перекрестному допросу. Если она выяснит, что в канун Нового года я отправился на расследование дела…

– Что вы сказали детям? – спросила Лукас.

– Что знакомый угодил в больницу. Отвратительно было врать.

Вспомнив чудесного сынишку Паркера, Лукас пообещала:

– Сделаем все возможное.

– Вопрос стоит иначе, – поправил Паркер, глядя ей в глаза. – Или вы полностью меня конспирируете, или я ухожу.

– Все будет сделано, – сказала она.

Арделл, Геллер и Харди согласно кивнули.

– Прекрасно, – сказал Паркер и снял куртку. – Итак, каковы наши планы?

Лукас рассказала о ходе расследования. По выражению лица Кинкейда она пыталась понять, одобряет ли он ее действия. Затем сообщила:

– Мэр собирается выступить по телевидению с обращением к стрелку. Хочет теперь предложить деньги ему. Надеемся, стрелок выйдет с нами на связь.

Кейдж продолжил:

– Затем Тоуб проследит его путь от сумки с деньгами до берлоги-укрытия. Оперативная группа Джерри Бейкера в боевой готовности.

Кинкейд обвел взглядом центр управления операцией – море телефонов, компьютеров, рабочих столов. Его глаза остановились на мониторе с изображением письма шантажиста.

– Можно оборудовать кабинет для меня в другом месте? – спросил он.

– Где бы вам хотелось?

– Наверху, – рассеянно отозвался он, не отрывая глаз от светящегося письма.

Паркер прошелся по лаборатории криминалистического исследования документов, осматривая столь хорошо знакомые ему принадлежности и оборудование. Два бинокулярных лейтцевских стереомикроскопа с оптоволоконной подсветкой, самая последняя модель спектрального видеокомпаратора Фостера–Фримена, оснащенная лазерным щупом Роуфина. Электростатический детектор и тонкослойный газохроматограф для анализа чернил и мельчайших частиц.

Паркер включил несколько аппаратов и постарался отогнать от себя мысли о разговоре с детьми час назад. Он сказал, что должен навестить в больнице знакомого, и спросил, с кем бы они хотели остаться.

– С миссис Кавано! – ответили они в один голос.

Миссис Кавано приходила сидеть с детьми по вторникам, когда Паркер играл по соседству в покер и обычно выигрывал. Она же играла с Ктошами в «Монополию» и великодушно проигрывала.

– Ты ведь вернешься до двенадцати? – спросил Робби.

– Постараюсь изо всех сил, – пообещал он.

– Папа, а твоему знакомому понравится, если я напишу ему открытку и пожелаю здоровья? – спросила Стефи.

Паркер подумал, что лучше бы он их побил.

– Все в порядке, детка. Думаю, ему будет приятнее, если ты сегодня повеселишься.

Дверь распахнулась, прервав ход его тягостных мыслей, и в лабораторию вошел худощавый агент с зачесанными назад светлыми волосами.

– Джерри Бейкер, – представился он, подходя к Паркеру. – А вы Паркер Кинкейд.

Они обменялись рукопожатиями.

– Вы эксперт-оперативник? – спросил Паркер.

– Верно.

– Сколько ребят в нашем распоряжении?

– Тридцать шесть наших и четыре дюжины из Полицейского управления округа, – ответил Бейкер.

Паркер нахмурился:

– Нужно больше.

– Это сложно, – заметил Кейдж. – Из-за праздника в городе тысяч двести гостей. Большинство агентов министерств юстиции и финансов обеспечивают безопасность на дипломатических и правительственных приемах.

– Очень плохо, что это пришлось на сегодняшний вечер, – пробормотал Лен Харди.

Паркер коротко рассмеялся:

– Преступник намеренно выбрал нынешний вечер, потому что знал – нам будет не хватать людей.

Паркер открыл «дипломат». Там лежали наипервейшие инструменты его ремесла, а также фигурка Дарта Вейдера из «Звездных войн».

– Да пребудет Сила с тобой, – произнес Кейдж.

Паркер извлек обернутую в черную бархотку лейтцевскую лупу с двенадцатикратным увеличением. Эту лупу Джоун купила в лондонском антикварном магазине ему в подарок на вторую годовщину их свадьбы.

Харди углядел в паркеровском «дипломате» книгу. Заметив его интерес, Паркер дал ее детективу. «Задачи и головоломки. Том 5». Харди передал книгу Лукас.

– Мое хобби, – объяснил Паркер.

– Ее автор обожал головоломки. Его так и прозвали – Мастер Головоломок, – сказал Кейдж.

– Здесь собраны упражнения на широту и остроту мышления, – уточнил Паркер. Заглянув Лукас через плечо, он прочитал: – «Есть три монеты общим достоинством семьдесят шесть центов. Монеты отчеканены в США в последние двадцать лет, все находятся в обращении, и одна из них не цент. Спрашивается – какого достоинства эти монеты?»

– Постойте, одна монета должна быть центом, – произнес Кейдж.

Харди уставился в потолок. Паркер задался вопросом, так ли педантично тот мыслит, как следит за собственной внешностью. Подумав, Харди спросил:

– Это не юбилейные монеты?

– А какая разница? Ведь достоинство у юбилейных монет то же.

Лукас, казалось, думала совсем о другом.

– И каков ответ? – спросил Кейдж.

– Пятьдесят центов, четвертак и цент.

– Погодите, – возразил Харди, – вы сказали, что цента там не было.

– Этого я не говорил. Сказано было, что одна из монет – не цент. Полдоллара и четвертак не центы, но третья – цент.

– Надувательство, – проворчал Кейдж.

– Как все просто, – удивился Харди.

– Задача всегда проста, если знаешь ответ. И в жизни так же, верно? – заключил Паркер.

Лукас перевернула страницу и прочла:

– «Три ястреба воровали у фермера кур. Однажды он увидел, что все три сидят на крыше курятника. В ружье у фермера был всего один заряд, а ястребы сидели далеко друг от друга, поэтому он мог убить лишь одного из них. Он прицелился в того, что сидел слева, и пристрелил его. Рикошета не было. Спрашивается – сколько ястребов осталось на крыше курятника?»

– Ну, это же очевидно, – заметил Арделл.

– Может, в простоте-то вся хитрость, – предположил Кейдж. – Думаешь, ответ должен быть сложным, а он лежит на самой поверхности. Одного пристрелили – два осталось. Вот и все.

Лукас заглянула в конец книги:

– Где же ответы?

– Их нет. Подсказанный ответ – это не ответ.

Паркер посмотрел на часы. Где же письмо?

Лукас вернулась к задаче, вникла в нее. У Лукас было красивое лицо. Джоун обладала сногсшибательной красотой – высокие скулы, полные бедра. Маргарет Лукас была подтянутей. Джинсы плотно облегали ее узкие мускулистые бедра.

Папа, а она красивая. Для тети-полицейского…

В лабораторию вошел молодой служащий.

– С чем пожаловал, Тимоти? – спросил Кейдж.

– Мне нужен агент Джефферсон.

Паркер собрался было переспросить: «Кто-кто?» – но его спас Кейдж:

– Том Джефферсон?

– Да, сэр.

– Вот он. – Кейдж показал на Паркера.

Тот лишь на миг замешкался, взял конверт и четко расписался в получении: «Т. Джефферсон», сымитировав подпись президента.

Тимоти ушел, Паркер подмигнул Кейджу. Тот сказал:

– Захотел остаться неизвестным? Оп-ля! Изволь.

– Но как…

– Я же твержу тебе, что я чудотворец.

Копатель стоит в сумерках у мотеля – 33.99 в сутки, номер с кухонькой, бесплатное кабельное телевидение, есть свободные номера.

Отвратительный район. Напоминает Копателю… *щелк*… что? Нет, не Бостон. Уайт-Плейнс… *щелк*… пригород Нью… Нью-Йорка.

Он стоит у зловонного мусорного бака, наблюдает, как люди идут туда-сюда, и смотрит на вход в мотель. Так велел тот, кто ему приказывает. Люди проходят мимо по тротуару. Копателя никто не видит.

«Если кто-то посмотрит тебе в лицо – убей, – говорил тот, кто ему приказывает. – Никому не позволено видеть твое лицо. Запомни».

«Запомню», – ответил Копатель.

Он глядит на часы. Прошло четверть часа – можно войти в мотель.

Поесть супа, перезарядить оружие, по новой набить глушитель. Он научился этому осенним днем в прошлом году. В прошлом ли? Они сидели на бревнах, и тот, кто ему приказывает, учил его перезаряжать оружие и набивать глушитель, а вокруг лежали красивые разноцветные листья. Потом он практиковался в стрельбе из «узи», падали листья и ветви. Он помнит запах горячей мертвой листвы.

Открывает дверь, входит. Звонит в службу передачи телефонных сообщений. От того, кто ему приказывает, сообщений не поступало. Копателю кажется, что ему чуть-чуть грустно: тот не связывался с ним с самого утра. Кажется, что грустно, хотя он не совсем представляет себе, что такое грусть.

Сообщений нет. Это значит – он должен набить глушитель свежей ватой, перезарядить обойму, подготовиться и снова выйти на задание. Но сперва он поест вкусного горячего супа и посмотрит телевизор.

У каждого документа свое лицо. Письмо шантажиста, лежащее перед Паркером, было дерганым и резким. Паркер, однако, подошел к его изучению так же, как к любой другой задаче, – без предубеждения.

Мэр Кеннеди,

Конец грянет. Копатель действует и его ни остановить. Если не заплотите он снова убъет – в четыре, 8 и в Полноч.

Мне есть нужно $20 миллион долларов наличными, и вы их положете в сумку и оставете в трех километрах южней Трассы 66 на Западной Стороне от Кольцевой. Посреди Поля. Заплотете для меня Деньги к 1200 часам. Один я есть знающий как остановить Копателя. Если меня ###### арестуют, он будет убивать дальше. Если меня убьют, он будет убивать дальше.

Если вы мне не верете, то некоторые пули Копателя были в черной краске.

Один я это знаю.

Паркер осмотрел помещенный в чехол из поливинила конверт. На нем тем же почерком было выведено:

«Мэру – Жизнь и Смерть»

Паркер натянул резиновые перчатки, беспокоясь скорее не о своих отпечатках, а о том, как бы не загубить мельчайшие частицы, которые, возможно, имеются на бумаге. Развернул лейтцевскую лупу и

обследовал слой клея на клапане конверта. Тонкие бороздки, оставленные машиной для нанесения клея, были нетронуты.

– На клее нет слюны, – заметил Паркер. – Он не запечатал конверта.

Лукас покачала головой:

– Слюна нам не нужна. Мы взяли кровь из тела и проверили по базе данных ДНК. Ничего.

– Что вы проверили кровь шантажиста – это я догадался, – спокойно сказал Паркер. – Но я надеялся, что Копатель лизнул конверт.

– Дельное соображение. Я об этом не подумала.

Не так самоуверенна, чтобы не признать своей ошибки, отметил Паркер. Он снова посмотрел на письмо и спросил:

– Откуда и почему именно «Копатель»? Давайте проверим, не фигурирует ли Копатель в файлах поведенческих моделей.

Лукас согласилась, и Кейдж позвонил в Квонтико.

– Имеется какое-нибудь описание стрелка? – спросил Паркер.

– Никакого, – ответил Кейдж. – Словно он призрак. Никто не видел ни оружия, ни вспышек.

– В час пик?! – удивился Паркер. – Никто ничего не видел?

– Он был там, потом исчез, – сказал Арделл.

– Как привидение, – добавил Харди.

Паркер взглянул на детектива – ладно скроен, подтянут, красив, на пальце обручальное кольцо: казалось бы, все признаки благополучия налицо, но в облике сквозит подавленность.

Снова склонившись над письмом, Паркер несколько раз перечитал его. *Конец грянет*... Он придвинул мощную лампу. Поговори со мной, мысленно попросил он листок. Выдай свои тайны.

Паркеру хотелось знать, не пытался ли шантажист изменить почерк. Многие преступники пробуют его изменить, но заставить руку писать иначе очень сложно. Когда почерк подделывают, эксперты, как правило, замечают «дрожь» – неровность линий на письме. Здесь подобного не наблюдалось – автор письма писал своим настоящим почерком.

Следующим этапом исследования анонимки обычно бывало сравнение данного документа с образцами уже известных. Надлежало направить агентов с копией письма в различные государственные архивы, чтобы они перелопатили все картотеки в поисках его почерка. К сожалению, в большинстве учреждений анкеты заполнены либо на машинке, либо от руки, но печатными буквами («Заполнять разборчиво, печатными буквами»). Письмо шантажиста было написано обычным рукописным шрифтом. Даже такой опытный эксперт, как Паркер, не мог сопоставить рукописный шрифт с написанным печатными буквами.

Впрочем, одна причина, по которой, возможно, стоило порыться в картотеках, все же существовала. Почерк имеет общие и индивидуальные характеристики. Общие – это элементы чистописания, привитые в школе по определенной методике. Раньше имелось много методик обучения чистописанию, и эксперт мог на основании документов сузить круг поисков подозреваемого до конкретного региона. Но эти методики, например витиеватое «дамское перо», канули в Лету, сохранилось лишь несколько, в первую очередь система Занера–Блосера и метод Палмера. Однако они были слишком общими, чтобы установить по ним писавшего.

А вот индивидуальные характеристики у всех разные. Они заключаются в свойственных только одному человеку мелких штрихах – причудливых завитушках, сочетании печатных букв и курсива, всяких добавочных закорючках и росчерках вроде поперечной палочки в написании цифры 7.

Паркер продолжал изучать письмо через увеличительное стекло, пытаясь понять, отмечен ли почерк его автора отчетливыми индивидуальными характеристиками. В конце концов он кое-что обнаружил – точку над строчной буквой «i».

Как правило, точки над «i» и «j» ставят, ткнув ручкой в бумагу, а если пишут быстро – то росчерком, в котором от точки идет хвостик вправо. Но в этом письме над строчной «i» стояла необычная точка – ее хвостик шел вертикально вверх, так что она напоминала по форме падающую каплю. Такую же точку Паркер видел много лет тому назад – в серии угрожающих писем одной женщине от маньяка-преследователя, который в итоге ее прикончил. Убийца писал собственной кровью. Паркер окрестил необычную точку «слезой дьявола» и включил ее описание в один из изданных им учебников.

– Кое-что нашел, – сообщил он.

– Что? – спросил Кейдж.

Паркер объяснил.

– «Слеза дьявола»? – переспросила Лукас. Она наклонилась над столом. – Она как-то связана с тем преступником?

– Нет, нет. Того давно казнили. Но это может помочь нам выяснить, где наш шантажист жил в детстве. Если мы сузим область поисков до одного округа, можно будет покопаться в местных архивах.

Харди усмехнулся:

– По такой мелочи вы можете найти человека?

– Конечно. Именно мелочи обычно и выводят на след.

Паркер поместил письмо под сканер спектрального видеокомпаратора. В этом приборе применяются разные источники излучения, от ультрафиолетового до инфракрасного, что позволяет эксперту восстановить зачеркнутые фрагменты текста. Паркера интересовало, что было вымарано перед словом «арестуют».

– Что видишь?

– Скажу через минуту. Кейдж, не стой над душой.

– Уже двадцать минут четвертого, – напомнил агент.

– Спасибо, я и сам умею определять время по часам. Дети научили.

Паркер подошел к электростатическому детектору. ЭСД используют для проверки документов на наличие контурного текста – бороздок, которые остаются на бумаге, если писали на листках, лежавших поверх исследуемого документа. По телевизору показывают, как детектив, чтобы проявить контурный текст, заштриховывает лист карандашом. На самом деле так легко этот текст совсем уничтожить. ЭСД, работающий по принципу фотокопировального устройства, способен выявить надписи, сделанные на десятом листке из лежавших поверх документа.

Паркер пропустил письмо через детектор, снял пластиковую пластинку и тщательно осмотрел. Пусто. Тогда он попробовал конверт. При виде тонких серых линий у него замерло сердце.

– Получилось! – воскликнул он. – Кое-что у нас есть.

Лукас наклонилась к Паркеру, и он ощутил слабый цветочный аромат. Духи? Нет, не в ее стиле. Вероятно, ароматизированное мыло.

– Преступник что-то написал на листке, который лежал на конверте, – пояснил Паркер.

Держа пластинку обеими руками, он поворачивал ее в разные стороны, чтобы текст проступил яснее.

– Пусть кто-нибудь записывает. Первое слово – прописная «М», строчная «е», пропуск. Затем строчные «ркл». Все.

Кейдж записал буквы на листе отрывного блокнота.

– Что это означает?

Паркер уже знал ответ:

– Первое место преступления.

– Точно. Прописная «М» со строчной «е» – «Метро». Станция «Дюпон-серкл», – сказала Лукас.

– Ну, конечно! – воскликнул Харди.

Задача всегда проста, если знаешь ответ.

– Тут ниже еще что-то есть. Можете разобрать? – спросил Паркер.

Лукас наклонилась:

– Всего три буквы. Строчные «тел».

– Телефонная компания, телефонная связь? – предположил Кейдж.

– Нет-нет, – возразил Паркер. – Обратите внимание, как расположены эти буквы по отношению к «Ме... ркл». Если он писал в колонку, то «тел» приходится на начало строки. Это...

– Отель, – выпалила Лукас. – Место следующего расстрела.

– Верно.

– Или мотель, – высказался Харди.

– Не думаю, – заметил Паркер. – Стрелку нужно скопление народа. Сегодня вечером все собираются в банкетных залах отелей.

– И он, вероятно, пойдет пешком или поедет в общественном транспорте, – добавила Лукас. – А мотели расположены по окраинам. Полагаться на автомобиль сегодня не стоит из-за пробок.

– Отлично, но в городе сотни две отелей. Как сузить круг поиска? – спросил Кейдж.

– Я бы занялся самыми большими. – Паркер кивнул Лукас: – Вы правы – теми, поблизости от которых есть остановки городского транспорта.

Джерри Бейкер положил на стол «Желтые страницы»:

– Только округ Колумбия?

Паркер подумал:

– Он шантажирует округ, а не Виргинию. Я бы ограничился округом.

– Согласна, – произнесла Лукас. – А также, исходя из расположения букв, отметаем отели, в названии которых слово «отель» на последнем

месте, как в «Балтимор-отель». Заодно исключаем дешевые гостиницы и пансионы.

Кейдж и Харди присоединились к Арделлу и Бейкеру. Все склонились над справочником, отыскивая подходящие точки. Через десять минут они располагали списком из двадцати двух отелей.

– Прежде чем посылать туда своих людей, – предложил Паркер, – позвоните и выясните, не празднуют ли там нынче вечером дипломаты или политики. Такие отели можно сбросить со счета.

– Вооруженные телохранители? – подхватила Лукас.

– И Секретная служба в придачу.

Но даже без этих отелей сколько еще остается?

Много. Очень много. Слишком много вариантов ответа.

Три ястреба воровали у фермера кур…

Глава третья

14.45

Ему припудрили лоб, вставили в ухо микронаушник, включили слепящие лампы.

Сквозь яркий свет мэр Джерри Кеннеди едва различал лица в затемненной студии новостей Даблью-пи-эл-ти, расположенной совсем рядом с Дюпон-серкл. Здесь были его жена Клэр, его пресс-секретарь и Уэнделл Джеффриз.

– Три минуты, – объявил режиссер.

Кеннеди отмахнулся от гримерши и поманил к себе Джеффриза:

– ФБР давало о себе знать? Хоть как-нибудь?

– Никак. Ни единым словом.

Кеннеди не мог поверить. Операция шла уже несколько часов, а федералы связались с ним всего раз – был короткий телефонный звонок от какого-то окружного полицейского по имени Харди, который передал просьбу агента Маргарет Лукас обратиться к убийце по телевизору. Эта Лукас, со злостью подумал Кеннеди, даже не удосужилась сама ему позвонить. Судя по голосу Харди, федералы, можно сказать, заклевали полицейского. Тот ничего не знал о ходе расследования, или, что вероятней, ему приказали держать язык за зубами. Мэр попробовал связаться с Лукас, но ему заявили, что та занята и не может взять трубку. Кеннеди был в бешенстве.

– Черт возьми, я хочу сделать что-нибудь помимо этого. – Он махнул рукой в сторону камеры. – Можно подумать, столицы просто не существует, а я сижу и не желаю и пальцем пошевелить.

– Слышали комментарий Даблью-ти-джи-эн? – шепотом спросил Джеффриз.

Слышал. Популярная радиостанция только что прошлась по нему: дескать, Кеннеди и его команда клялись очистить улицы от преступников, а между тем согласились заплатить террористам многомиллионный выкуп.

– Мне придется проплатить заказные передачи, Джерри, другого выхода нет.

Помощник, как всегда, был прав.

– Сделай что нужно, – согласился Кеннеди.

Джеффриз склонился к уху мэра и прошептал, обводя рукой телестудию:

– Помните, если убийца смотрит сейчас телевизор, ваше обращение может поставить точку в этой истории. Может, он соблазнится на деньги, и его схватят. Делу конец, и вы становитесь героем.

Кеннеди не успел ответить – сверху раздался голос:

– Одна минута.

У Копателя новая сумка. Ярко-красная, блестящая, рождественская, на ней щенята с ленточками на шее. Такой сумкой он мог бы гордиться, хотя точно не знает, что это значит – «гордиться». Он много чего точно не знает – с тех пор как год назад пуля пробила ему череп.

Странно как приходят слова. Странно как…

Копатель сидит в удобном кресле в номере мотеля, рядом на столике – стакан воды и пустая картонная плошка из-под супа. Он смотрит телевизор. Рекламу. Что-то мельком возникает на экране, будит странное воспоминание.

Он тогда смотрел рекламу – щенята едят щенячий корм, как щенята на сумке, – и тот, кто ему приказывает, взял Копателя за руку и повел на долгую прогулку. Он сказал ему, что, когда Рут будет одна, Копатель должен разбить зеркало, выбрать осколок подлиннее и всадить ей в шею.

«Ты хочешь сказать»… – произнес Копатель и замолк.

«Я хочу, чтобы ты разбил зеркало, выбрал осколок подлиннее и всадил в шею Рут».

Копатель все сделал, как ему приказали.

Сейчас Копатель сидит в своем номере, держит на коленях сумку со щенятами и смотрит на пустую плошку из-под супа.

По телевизору начинают показывать новую программу. Он вслух читает с экрана:

– «Специальный репортаж». Хм-м. Это…

Щелк. Это что-то знакомое.

На экране появляется человек, Копатель видел его на снимках. Идут слова: «Вашингтон, округ Колумбия. Мэр Джеральд Д. Кеннеди». Он говорит, Копатель слушает.

Добрый вечер, сограждане вашингтонцы. Вы все уже знаете о чудовищном преступлении на станции метро «Дюпон-серкл». В настоящее время убийца или убийцы еще не задержаны. Но хочу вас

заверить – наша полиция и федеральные власти делают все возможное, чтобы не допустить повторения подобной трагедии.

Я обращаюсь к лицам, ответственным за эту кровавую бойню, и прошу их от чистого сердца – пожалуйста, свяжитесь со мной. Нам необходимо возобновить контакты, чтобы продолжить диалог. Давайте откажемся от насилия в последний вечер уходящего года и договоримся, с тем чтобы положить конец смертям и увечьям. Мы можем…

Скучно… Копатель выключает телевизор. Реклама собачьего корма с хорошенькими щенятами нравится ему гораздо больше. И реклама автомобилей.

Копатель вызывает службу передачи телефонных сообщений, набирает свой код. Женский голос отвечает, что на его имя новых сообщений не поступало. Значит, пришло время сделать так, как велел тот, кто ему приказывает.

Он берет перчатки с бороздками на тыльной стороне пальцев. И запах приводит на ум что-то из прошлого, что именно – он не помнит. Он надевает перчатки из латекса, когда вставляет патроны в обойму «узи». Он носит кожаные перчатки, когда открывает двери, нажимает на спуск и смотрит, как люди падают, словно листья в лесу.

Копатель застегивает темное пальто. Он кладет оружие в сумку со щенятами, туда же опускает заряженные обоймы.

Выйдя из номера, Копатель тщательно, как положено, запирает дверь на ключ. Копатель все делает так, как положено. Ешь суп. Запри дверь. Найди новую яркую сумку для покупок. Такую, на которой щенята.

«Почему со щенятами?» – спросил Копатель.

«Так надо», – ответил тот, кто ему приказывает.

Ясно. Такую он и купил.

Сидя в сером вращающемся кресле, которое много лет тому назад он же и реквизировал у другого отдела, Паркер Кинкейд шесть раз перечитал документ. Тщательно изучил синтаксис – последовательность предложений, грамматические обороты, общие конструкции. Начал проступать образ автора письма – внутренний мир того, чье тело лежало в морге ФБР.

– Вот и он, – произнес Тоуб Геллер, подавшись к монитору. – Психолингвистический портрет из Квонтико.

«Данные говорят о том, что неизвестное лицо – иностранец, но проживает в Америке два или три года. Недостаточно образован. Коэффициент умственного развития равняется 100 пунктам плюс-минус 11. Содержащиеся в документе угрозы не имеют аналогов, зафиксированных в базах данных. Однако язык документа содержит угрозы, связанные с обогащением путем шантажа и актами терроризма. Рекомендуется считать это лицо крайне опасным».

Геллер распечатал копию и передал Паркеру. Тот скомкал листок и выбросил его в мусорную корзину.

– Что… – начала Лукас, но Паркер ее оборвал:

– Они правы лишь в одном – этот тип и вправду крайне опасен. Никакой он не иностранец, а его умственный коэффициент зашкаливает за 160.

– С чего ты взял? – поинтересовался Кейдж, указывая на письмо шантажиста. – Мой внук и то пишет грамотней.

– Был бы он глуп, – заметил Паркер, – все было бы не так страшно. – Он постучал пальцем по фотографии преступника. – Европейские корни – да, но, вероятно, в четвертом поколении. Блестящий ум, прекрасное образование в частной школе, думаю, большой опыт работы с компьютером. Да, и еще – законченный тип социопата.

– А это вы с чего взяли? – не без ехидства спросила Лукас.

– Оно мне рассказало, – ответил Паркер, указав пальцем на письмо.

– Но иностранцы именно так и разговаривают, – возразил Кейдж, – «я есть знающий», «заплотете для меня».

– «Я есть знающий» и «заплотете для меня», разумеется, звучит на иностранный манер. – Паркер указал на фрагменты текста. – Сочетание формы глагола «быть» с причастием настоящего времени характерно для центральноевропейских языков и языков с германо-индоевропейской корневой основой. Скажем, для немецкого, чешского или польского. А вот сочетание «заплатить для меня» в этих языках не встречается. Их носители скажут так, как говорим мы, – «заплатить мне». Такая предложная конструкция более свойственна языкам азиатским. Он понатыкал «иностранные» фразы, чтобы нас одурачить.

– Не знаю… – начал Кейдж.

– Посмотрите, как он попытался это сделать, – стоял на своем Паркер. – Все обороты собраны кучно, словно он решил подбросить ложные «ключи» одним махом и двигаться дальше. Если б его родным языком и вправду был иностранный, он проявил бы больше последовательности. Взгляните на последнее предложение – он возвращается к нормальной английской конструкции: «Один я это знаю». И никаких тебе «Я есть знающий».

– А как быть с часами? – спросил Харди. – Он потребовал выкуп к двенадцати ноль-ноль. Так обозначают время в Европе, а из американцев – только военные.

– Еще одна обманка. До этого он называет часы по-нашему, там, где пишет, когда Копатель нанесет новые удары: «…в четыре, 8 и в Полноч».

– Ну, – высказался Арделл, – пусть он и не иностранец, но все равно тупой. Полюбуйтесь, сколько ошибок.

– Липа, – ответил Паркер.

– Но самая первая строчка, – возразила Лукас. – «Конец грянет». Он имел в виду «Конец грядет», но…

– Как раз эта ошибка не выдерживает проверки логикой. Бывает, говорят «суть да дело», хотя правильно говорить «суд да дело», но в этом есть своя логика. Однако «конец грянет» – чистой воды бессмыслица, и грамотность тут ни при чем.

– А как быть с орфографическими ошибками? – спросил Харди. – С прописными буквами и знаками препинания?

– С орфографией? – переспросил Паркер. – Взгляните на предложение «…его ни остановить». «Ни» и «не» – омонимы, слова, которые произносятся одинаково, но пишутся по-разному. Здесь должно было стоять «не». Большинство людей делают такие омонимические ошибки, когда быстро пишут, например набирают текст на компьютере или печатают на машинке. При этом они автоматически исходят из звучания слова, а не из написания. На письме от руки такие ошибки бывают редко. Что до прописных букв, их неверно используют, лишь когда для этого есть какие-то логические основания, скажем когда речь идет о таких категориях, как искусство, любовь или ненависть. Порой при обозначении рода занятий, должности или титула. Нет, автор письма просто хочет внушить нам, что он глуп, но он вовсе не глуп.

– Он, похоже, сперва неправильно написал слово «арестуют» и зачеркнул его. Что вы думаете? – спросил Харди.

– Выглядит именно так. А знаете, что он написал сначала? Я проверил текст в инфракрасном излучении.

– И что?

– Просто каракули. Ничего он не написал, он только хотел нам внушить, будто затрудняется написать это слово.

– Но зачем он любой ценой хотел нас уверить в собственной глупости? – спросила Лукас.

– Чтобы заставить нас искать либо тупого американца, либо иностранца чуть поумней. И чтобы мы все время его недооценивали. Конечно, он очень умен. Чего стоит одно место, где он велел оставить деньги.

– Место? – переспросила Лукас.

– Вы имеете в виду Гэллоуз-роуд? – подхватил Арделл. – Чего же в этом такого умного?

– Ну... – воззрился на агентов Паркер. – Вертолеты.

– Какие еще вертолеты? – спросил Харди.

– Разве вы не проверяете заказы на вертолеты?

– Нет, – ответила Лукас. – Не видим смысла.

– Поле, где следовало оставить деньги, неподалеку от какой-то больницы, верно?

– От фэрфакской больницы, – утвердительно кивнул головой Геллер.

Лукас выругала себя за недогадливость.

– Там есть площадка для вертолетов. Преступник выбрал это место, чтобы группа наблюдения привыкла к мельтешению вертолетов. Он заказал вертолет, намереваясь приземлиться, забрать деньги и улететь.

– Я об этом даже и не подумал, – с горечью признался Харди.

– Никто из нас не подумал, – заметил Арделл.

– У меня есть приятель в Федеральном управлении гражданской авиации, – сказал Кейдж. – Попрошу-ка его позвонить туда-сюда.

Паркер поднял глаза на часы:

– Обращение Кеннеди к чему-нибудь привело?

Лукас набрала номер, с кем-то переговорила и положила трубку.

– Было шесть звонков. Все от психов. Ни один не знал о крашеных пулях.

Дверь распахнулась, и появился Тимоти, тот самый курьер, что доставил письмо.

– Я принес материалы от коронера.

Лукас взяла отчет и передала Харди, чтобы тот зачитал вслух. Детектив прочистил горло и начал:

– «Белый мужчина примерно сорока пяти лет. Рост – метр восемьдесят шесть. Вес – семьдесят восемь килограммов. Особые приметы отсутствуют. Из ювелирных изделий одни наручные часы „Касио“ с будильником. – Харди поднял глаза: – Обратите внимание: будильник поставлен на четыре, восемь и полночь. – И вернулся к отчету: – Одежда. Синие джинсы без обозначения фирмы. Ветровка из синтетического волокна. Рабочая рубашка из универмага „Джей-Си Пенни“. Нижнее белье марки „Жокей“. Хлопчатобумажные носки. Кроссовки из универмага „Уол-март“. Сто двенадцать долларов, немного мелочи. Кирпичная крошка в волосах. Грязь под ногтями. Содержимое желудка: кофе и говядина (вероятно, дешевый стейк), поглощенные в последние восемь часов». Вот и все.

Харди прочитал еще одну памятную записку, приложенную к отчету коронера:

– О сбившем его автофургоне никаких данных. – Он взглянул на Паркера. – Просто злость берет. У нас внизу преступник, но он ничего не может нам рассказать.

– Он-то нет, – возразил Паркер, – а вот письмо может.

Он выключил проектор и вернул письмо на смотровой стол.

Кейдж посмотрел на свои часы и натянул пальто.

– Осталось всего сорок пять минут. Пойдем-ка лучше, – он кивнул на дверь, – поможем проверить отели.

Паркер отрицательно покачал головой:

– Думаю, нам нужно поработать здесь. С письмом. Мы еще не все выяснили.

– У них там каждый человек на счету, – упорствовал Кейдж.

На секунду повисло молчание. Затем Паркер поднял глаза и произнес ровным голосом:

– Не думаю, что нам удастся своевременно его обнаружить. В сорок пять минут мы не уложимся. Как ни прискорбно, но мы используем наши возможности наилучшим образом, если останемся здесь и продолжим работать над письмом.

– Вы хотите сказать, что готовы смириться с жертвами? – спросил Арделл.

Паркер подумал и произнес:

– Пожалуй, да. Да.

– А ты что думаешь? – обратился Кейдж к Лукас.

Она посмотрела на Паркера, их глаза встретились.

– Я согласна с Паркером. Остаемся здесь и продолжаем работать.

Лен Харди подошел к Лукас и попросил:

– Позвольте мне хотя бы пойти помочь с отелями.

Она посмотрела на его открытое молодое лицо.

– Мне жаль, Лен, но я не могу тебе этого разрешить.

– Агент Кейдж прав. У них там каждый человек на счету.

Лукас жестом предложила Харди пройти с ней в угол лаборатории.

– Расскажите, что вас гонит отсюда.

– Хочется делом заняться, – ответил детектив. – Знаю, я тут на третьих ролях. Всего лишь из Управления, всего лишь из исследований и статистики.

– Вы здесь всего лишь связной. Этим исчерпываются ваши обязанности.

– Связной? Здесь я просто-напросто стенографист.

– Вы ведь сами вызвались? Поэтому к нам и попали.

– Да, сам.

– Из-за жены?

– Эммы? – Он вздохнул и уперся взглядом в пол. – Понимаете… тяжело.

– Оставаться дома?

Он кивнул.

– Понимаю, – со всей искренностью ответила Лукас.

И правда, появись в этот день в качестве офицера связи из Полицейского управления округа не Лен Харди, а любой другой детектив, Лукас мигом бы отправила его назад в штаб-квартиру полиции. Она не терпела межведомственных схваток за сферы компетенции. Эта операция находилась полностью в ведении ФБР. Но Лукас знала про тайну Харди – его жена пребывала в коме после того, как ее джип занесло и он врезался в дерево. Харди несколько раз приходил в местное отделение Бюро за статистическими данными о преступности в округе Колумбия и познакомился с ее помощником. Лукас нечаянно услышала, как он с горечью рассказывал тому о жене и ее страшной травме.

У него, похоже, было мало знакомых, как и у самой Лукас. Она изменила своему правилу и поговорила с ним на личные темы – об Эмме. Несколько раз они ходили выпить кофе в соседний парк. Он чуть-чуть приоткрылся, но, как и Лукас, не давал воли чувствам.

– Хочется делом заняться. Я хочу найти этого типа.

Лукас понимала, что на самом-то деле он ищет Бога или Судьбу.

– Лен, я не могу отправить на операцию человека, который… – она подыскала щадящее слово, – который думает о другом.

Ищет смерти, имела в виду она.

Харди разозлился, однако кивнул и вернулся за стол.

Бедняга, подумалось ей. Но, зная его ум, присущие ему чувство достоинства и стремление во всем достичь совершенства, она верила, что он переживет эту чудовищную трагедию. Правда, выйдет из нее другим человеком. Да, другим.

Как в свое время стала другой и сама Лукас.

В свидетельстве о рождении Маргарет Жаклин Лукас говорилось, что она появилась на свет в последний день ноября 1963 года. Однако в глубине души она знала, что родилась пять лет тому назад, когда закончила академию в Квонтико и получила назначение в вашингтонское отделение ФБР. Однажды утром она шла на службу – кольт «питон» удобно закреплен на бедре, под мышкой – папка с документами, – и вдруг ее озарило: да ведь я подмененное дитя, меня подкинули при рождении взамен похищенной девочки, как в детской сказке. Джеки Лукас работала библиотекарем на полставки в исследовательском центре в Квонтико, была модельером-любителем, шила лоскутные одеяла, вязала кружева, коллекционировала вина и в местных забегах на пять километров всегда приходила к финишу первой. Но этой женщины давно не существовало на свете, ее место заняла спецагент Маргарет Ж. Лукас – блестящий криминалист, следователь и «опекунша» тайных осведомителей. Теперь же, в отсутствие непосредственного начальника, она руководила расследованием самого громкого дела в истории Вашингтона.

– Эй, – вторгся в ее размышления мужской голос. К ней обращался Паркер Кинкейд: – С лингвистическим разбором закончено. Сейчас я хочу заняться физическим анализом документа, если у вас нет других предложений.

– Это ваша игра, Паркер, – отозвалась она.

Сперва он изучил бумагу, на которой было написано письмо. Размер листа – пятнадцать на двадцать три сантиметра, соответствующий конверт. Самый стандартный размер, который ровным счетом ничего не говорил Паркеру о происхождении листа. Состав бумаги тоже был самый обычный.

– Нет, бумага нам не поможет, – наконец заключил он. – Стандартного типа. Водяные знаки отсутствуют, установить производителя невозможно. Поглядим на чернила.

Он осторожно взял документ и поместил под один из двух микроскопов. По бороздкам, оставленным на бумаге пишущим инструментом, нерегулярным пробелам и неровному цвету Паркер определил, что писали дешевой шариковой ручкой.

– Такие ручки продаются по тридцать девять центов.

– И? – спросила Лукас.

– Установить место приобретения невозможно. Ими торгуют едва ли не в каждом недорогом магазине.

Паркер начал извлекать письмо из-под микроскопа, но остановился, заметив нечто любопытное. Часть листа оказалась выцветшей. Весьма интересно. Он пригляделся.

– Видите, как выцвел уголок? Думаю, из-за того, что бумага, да и конверт тоже частично обесцвечены солнцем.

– Где, у него дома или в магазине? – спросил Харди.

– Могло быть и там и там, – ответил Паркер. – Но, учитывая когезию бумажной массы, я думаю, что бумага до самого недавнего времени находилась в конверте.

– Значит, окна магазина должны выходить на юг.

Верно, подумал Паркер. Умница. Он это упустил.

– Почему? – спросил Харди.

– Потому что сейчас зима, – объяснил Паркер. – Падай солнечный свет с востока и запада, у него не хватило бы яркости обесцветить бумагу.

Он подошел к шкафу и достал из него предметный лоток и несколько листов гладкой лабораторной бумаги. Держа письмо за уголок, он провел по нему кисточкой из верблюжьего волоса, чтобы снять микроэлементы. Таковых практически не оказалось, что его не удивило. Бумага – один из лучших абсорбентов, она поглощает вещества, которые на нее попадают, и те, как правило, накрепко увязают в ее волокнах.

Из своего «дипломата» Паркер извлек большой шприц и с помощью иглы вырезал из письма и конверта несколько крохотных кружочков с образцами чернил и бумаги.

– Умеете с ним работать? – спросил он Геллера, кивком указывая на газохроматограф.

– А то. Как-то раз я из чистого интереса даже разобрал такой аппарат.

– Прогоните раздельно – начните с письма, потом конверт, – сказал Паркер, отдавая ему образцы.

Газохроматограф разлагает вещества, взятые с места преступления, и определяет их состав. В сущности, аппарат сжигает образцы и анализирует получаемые газы.

Паркер вновь смел кисточкой частицы с письма и конверта и поместил соответствующие предметные стекла под микроскопы. Посмотрел в один, потом в другой, подкрутил фокусирующие винты и сказал Геллеру:

– Требуется оцифровать изображения этих частиц. Это можно устроить?

– Проще простого.

Молодой агент подсоединил волоконно-оптические кабели к основаниям микроскопов. Другим концом кабели уходили в большой серый ящик, из которого в свою очередь торчали другие кабели. Их

Геллер воткнул в гнезда одного из компьютеров и щелкнул выключателем. Через пару секунд на экране возникло изображение частиц.

Он вызвал меню и сказал Паркеру:

– Нажмите на эту кнопку – и все. Изображения сохранятся в виде файлов.

– Их можно отправить по электронной почте?

– Скажите кому.

– Минутку. Сперва мне нужно сделать несколько увеличений.

– У меня есть эксперты-химики, – сообщила Лукас.

– Пусть идут домой, – сказал Паркер. – Я хочу обратиться к другому эксперту. Из Нью-Йорка.

– Из Полицейского управления? – осведомился Кейдж.

– Служил там. Сейчас на гражданке. Он лучший криминалист Америки.

– Но сегодня канун Нового года, – возразил Харди. – Его, скорее всего, нету дома.

– Он почти не выходит из дому.

– Даже по праздникам?

– Даже по праздникам.

– Паркер Кинкейд, – раздался по громкоговорящей связи голос Линкольна Райма, – я ожидал вашего звонка.

– Так вы в курсе нашей проблемы? – спросил Паркер.

– Я в курсе всего на свете. Но мне казалось, Паркер, что вы в отставке.

– Был в отставке еще два часа тому назад.

– Забавно, правда? Нам не дают ни отдыха, ни срока.

Паркер один раз встречался с Раймом. Это был красивый брюнет примерно одного возраста с Паркером. Парализован от шеи и ниже. Сейчас он разговаривал из своего дома на Сентрал-парк-уэст.

– Я с большим удовольствием прослушал ваш курс, Паркер, – заметил Райм. – В прошлом году.

Паркер помнил Райма, сидевшего в первом ряду аудитории в своей невероятной инвалидной коляске, ослепительно красной, как леденец на палочке. Паркер читал тогда в Колледже уголовного судопроизводства имени Джона Джея курс судебной лингвистики.

– Попробую догадаться, – продолжал Райм. – Там у вас неизвестный стреляет людей в подземке, и единственный «ключ» к его личности… что именно? Письмо с угрозами? С требованием денег?

– Как он мог узнать? – вырвалось у Лукас.

– Очень просто: это единственная причина, по которой Паркер Кинкейд мог позвонить мне, – ответил Райм. – Кстати, кто задал вопрос?

– Спецагент Маргарет Лукас, – ответила та. – Вы правы. Это шантаж с вымогательством. Мы попытались заплатить, но главный преступник погиб. Сейчас мы почти на сто процентов уверены, что его напарник, стрелок, будет убивать дальше.

– И моим запоздалым рождественским подарком станет участие в этом деле.

– Я газанул фрагменты письма и конверта, – сказал Паркер. – Хотел бы отправить вам результаты и изображения кое-каких частиц. Можно по электронной почте?

– Да, конечно. Когда истекает срок?

– Каждые четыре часа, начиная с четырех и до полуночи.

– В четыре дня? Сегодня?

– Совершенно верно, – ответила Лукас. – Думаем, стрелок выберет какой-то отель, но не знаем, какой именно.

– Хорошо. Присылайте свои конфетки. Свяжусь с вами, как только будет что сообщить.

Паркер записал электронный адрес Райма и передал Геллеру. Агент тут же отправил изображения.

– Он и есть лучший криминалист Америки? – спросил Кейдж.

Но Паркер ему не ответил – он смотрел на часы. До него наконец дошло, что уже половина четвертого. Людей, которыми он и Маргарет Лукас были готовы пожертвовать, отделяло от смерти всего тридцать минут.

Глава четвертая

15.30

Роскошный отель. Красивый отель.

Копатель входит в вестибюль, со щенятами на сумке, на него не обращают внимания. Снуют толпы. Идут празднества. Банкеты сослуживцев. Повсюду украшения. Пухлые крошки в новогодних нарядах. Дедушка-Время смахивает на Смерть с косой.

Они с Памелой... *щелк*... Памелой, его женой, бывали на вечерах в похожих местах.

Копатель покупает «Ю-Эс-Эй тудей». Сидит в вестибюле, читает газету.

Он смотрит на свои часы. Без двадцати четыре. Вынимает из кармана сотовый телефон и набирает номер службы передачи сообщений. Слушает. «Новых сообщений не поступало». Захлопывает крышку телефона.

Он ставит на колени сумку со щенятами и обводит взглядом толпу. На него не обращают внимания.

В лаборатории зазвонил телефон.

Как всегда, когда раздавался этот звук, а Паркер находился вдали от Ктошей, у него оборвалось сердце. Он глянул на определитель номера – звонили из Нью-Йорка – и схватил трубку.

– Линкольн, это я, Паркер. Есть что-нибудь?

– Почти ничего.

Паркер включил громкоговорящую связь.

– Послушайте, что я обнаружил, – продолжал Райм. – На первом месте по числу вкраплений в бумагу письма – гранитная пыль.

– Гранитная, – повторил Кейдж.

– Имеются признаки того, что камень обтесывали и долбили, а местами полировали.

– Откуда, по-вашему, эта пыль? – спросил Паркер.

– Строительство, реконструкция, снос, – принялся перечислять Райм, – производство ванных, кухонь, изготовление надгробий, скульптурные мастерские, садово-парковая архитектура… можно продолжать до бесконечности. Имеются также частицы красного глинозема и старой кирпичной крошки, серы и в большом количестве углерода – золы и сажи, остающихся после жарки мяса либо сжигания мясосодержащего мусора. Теперь о конверте. Незначительное количество тех же частиц, что обнаружены на письме, и весьма значительное – соленой воды, керосина, очищенной и сырой нефти, масла…

– Масла? – удивилась Лукас.

– Да. И еще органического вещества, которое встречается в моллюсках. Так что все данные указывают на Балтимор.

– Балтимор? – удивился Харди.

– Как вы это вычислили? – реплика Лукас.

– Соленая вода, керосин, горючее и сырая нефть означают порт. Ближайший к Вашингтону порт, через который в больших объемах осуществляются перевозки сырой нефти, – Балтимор. К тому же там на берегу полно ресторанчиков, где подают дары моря.

– Балтимор, – пробормотала Лукас. – Значит, он написал письмо дома, а вечером поужинал в одном из таких ресторанов. Приехал в Вашингтон подбросить письмо в здание Городского совета. Затем…

– Ни-ни-ни, – прервал ее Райм.

– Чистой воды инсценировка, верно? – спросил Паркер.

– Ну да, совсем как в «Гамлете», – ответил Райм. – Все эти частицы… тут явный перебор. Преступник нанес их на руки и пропитал конверт. Хотел пустить нас по ложному следу.

– А следы на письме? – спросил Харди.

– С ними как раз все в порядке. Количество частиц в волокнах бумаги соответствует их содержанию во внешней среде. Нет, письмо указывает, где он жил, тогда как конверт указывает на кое-что другое.

– На то, что он был совсем не таким, каким кажется на первый взгляд, – заметил Паркер.

– Вот именно, – подтвердил криминалист.

– Стало быть, там, где он жил, имеются гранит, глиноземная пыль, кирпичная крошка, сера, сажа и зола от жарки или сжигания мусора.

– Пыль и крошка… может, там что-то сносят? – предположил Кейдж.

– Скорее всего, – согласился Харди.

– Скорее всего? Нет, это всего лишь возможность, – возразил Райм. – А возможны буквально все варианты, пока не найден единственно верный.

– Мистер Райм, – сказала Лукас, – все это хорошо. Но до очередной акции стрелка остается десять минут. У вас есть соображения, какой отель он мог выбрать?

– Боюсь, что нет. Здесь вам решать.

– Хорошо.

– Спасибо, Линкольн, – сказал Паркер.

– Всем удачи.

Раздался щелчок – криминалист завершил разговор.

Паркер посмотрел на письмо, ощущая себя обманутым в лучших надеждах.

Тут зазвонил телефон Лукас. Она послушала, и на губах у нее расцвела первая за все время общения с Паркером улыбка.

– Вышли на него! – объявила она. – Под креслом в джорджтаунском «Отеле четырех времен года» нашли два патрона с черными пулями. Туда направлены все наличные силы ФБР и полиции.

Кейдж тоже прижимал к уху сотовый телефон.

– Наш агент сообщает, что бар при вестибюле битком набит – идет какой-то прием, – доложил он. – В залах на первом этаже сразу четыре новогодних банкета.

Тоуб Геллер вывел частоту оперативной рации на громкоговорящую связь. Группа услышала голос Джерри Бейкера:

– Подозреваемый находится во «Временах года» на Главной улице Джорджтауна, описание внешности отсутствует. Предполагаемое оружие – автомат «узи» с глушителем. Даю зеленый свет.

То есть Копателя разрешалось даже не задерживать, а попросту пристрелить.

– Первые машины только что прибыли на место, – сообщил Кейдж, слушая сотовый. Затем объявил: – Он не выходит из здания.

Паркер вновь склонился над письмом шантажиста.

Мэр Кеннеди,

Конец грянет. Копатель действует и его ни остановить.

Затем посмотрел на конверт: *...конверт указывает на кое-что другое... он был совсем не таким, каким кажется на первый взгляд*.

Паркер резко вскинул голову и взглянул на Лукас:

– Он не будет стрелять во «Временах года»!

Все замерли, уставившись на Паркера.

– Дайте отбой отрядам быстрого реагирования, полицейским, агентам – всем-всем. Письмо – обманка, оно уводит нас от настоящего места.

Арделл воззрился на Лукас:

– То есть как это?

Паркер оставил его слова без внимания и крикнул:

– Остановите всех! Отряды быстрого реагирования должны быть на ходу, нельзя загонять их в этот отель.

– Паркер, но он же там, – возразил Харди. – Ведь нашли патроны. Это не может быть совпадением.

– Конечно, не может. Копатель их там подбросил, а сам отправился в другое место, где и начнет убивать. Преступник слишком умен, чтобы оставить наводку на отель по недосмотру. Он попытался одурачить нас отпечатками на конверте. След должен был быть едва заметным, а то бы мы не поверили. Нет, надо остановить оперативников, пусть ждут, пока мы точно не вычислим, где он нанесет удар.

– Ждут? – Харди негодующе воздел руки.

– Без пяти четыре! – прошептал Арделл.

Лукас подняла на часы окаменевший взгляд. Минутная стрелка продвинулась еще на одно деление.

Здесь не так красиво, как в отеле.

Копатель озирается. Этот театр почему-то вызывает у него неприязнь.

Театр… *щелк*… Театр Мейсона, на восточной окраине Джорджтауна. Копатель в вестибюле, он смотрит на деревянную резьбу. Видит цветы, не желтые и не красные, но деревянные, черные, как черная кровь. И еще змей. Змей, вырезанных по дереву.

Он вошел в театр, и никто его не остановил. В театр, как правило, можно свободно войти к концу спектакля, сказал тот, кто ему приказывает. Решат, что ты кого-то встречаешь. Здешние билетерши не обращают на него внимания. Почти четыре часа.

Копатель долгие годы не бывал на концерте или спектакле. Они с Памелой… *щелк*… ходили куда-то слушать музыку. Куда-то, где люди танцевали под музыку… Люди в ковбойских шляпах. Копатель вспоминает песенку. Мурлычет под нос:

Я пытаюсь разлюбить,

Но любви все крепче нить.

Сегодня не поют. Дневной спектакль. Не концерт, а балет.

В рифму, думает он. Забавно. Балет… концерт…

Копатель пересекает вестибюль, проскальзывает в буфет – сейчас буфет не работает, – находит служебный вход, открывает дверь и поднимается по лестнице к другой двери с табличкой «БАЛКОН. I ЯРУС». Выходит в коридор и медленно продвигается по толстой ковровой дорожке.

«Пройдешь в пятьдесят восьмую ложу, – сказал тот, кто ему приказывает. – Я выкупил в нее все билеты, там никого не будет».

Почти четыре часа. Копатель не спеша направляется к ложе. К нему подходит молодая женщина в белой блузке, с фонариком в руке.

– Здравствуйте, – говорит она. – Вы заблудились?

Она смотрит ему в лицо. Копатель прижимает к груди щенячью сумку.

– Чем… – начинает женщина.

Паф, паф… Он всаживает в нее две пули, она падает на дорожку, он втаскивает тело в пустую ложу. Останавливается у самой портьеры и обводит взглядом зал.

Вот это да. Тут… *щелк…* и вправду хорошо. Копатель решает, что это место ему все-таки нравится. Темное дерево, цветы, лепнина, золото, посреди потолка – массивная люстра.

Он смотрит, как на сцене танцуют. Слушает музыку. Лезет в щенячью сумку, обхватывает пальцами рукоятку, сжимает левой рукой глушитель. Оглядывает сверху толпу. Все девушки – в розовом атласе, юноши – в синих блейзерах, у женщин белеет кожа в вырезах платьев.

Четыре часа. Часы пикают. Он подходит к перилам, прижимает к глушителю мятый бок сумки, начинает давить на спуск.

Тут он слышит голос. У себя за спиной, в коридоре.

– Мы на него вышли! – шепчет мужчина.

Мужчина рывком раздвигает портьеры и поднимает пистолет. Но Копатель вовремя его услышал. Он успевает метнуться к стене, и пуля агента летит мимо цели. Короткой очередью из «узи» Копатель чуть ли не рассекает того пополам. За первым агентом маячит другой. Копатель убивает и его.

Копатель не впадает в панику. Он никогда не впадает в панику. Ему неведомо чувство страха. Но он хочет стрелять в толпу, а ему не дают. На первый ярус взбегают все новые агенты. На агентах пуленепробиваемые жилеты. Одни в шлемах. У других в руках автоматы, вероятно такие же скорострельные, как его «узи».

Копатель из-за портьеры наставляет сумку в коридор и давит на спуск. Осыпаются стекла, зеркала разлетаются на осколки. Нужно… *щелк*… нужно стрелять в зрителей. Так ему велено… ему… На какой-то миг у него в голове становится совсем пусто.

Полицейские все прибывают и прибывают. Крики. Сплошная неразбериха.

Копатель снимает глушитель, наводит ствол на люстру. Нажимает на спуск. Рев, как от циркулярной пилы. Пули рассекают стержень люстры, массивное сплетение стекла и металла рушится вниз, накрывает людей. Вопль из сотен глоток.

Обойма пуста, но времени перезарядить нет. Копатель перелезает через перила балкона, зависает на руках, падает с пятнадцатиметровой высоты на плечи крупного мужчины. Оба валятся на пол. Копатель поднимается, и толпа выносит его через запасный выход. Он по-прежнему прижимает к груди свою сумку.

На улице его слепит свет прожекторов и мигалок полусотни полицейских машин и фургонов. Полицейских, однако, мало. Они почти все в театре, догадывается он.

Копатель трусцой устремляется по переулку прочь от театра. Через пять минут он уже шагает по жилому кварталу в своем черном или темно-синем пальто, бережно прижимая сумку локтем к телу.

– Молодец, Паркер, – сказал Лен Харди. – Славная работа. Угодили в самое яблочко.

Маргарет Лукас прижимала к уху телефонную трубку. Она ничего не сказала, но посмотрела на Паркера и одобрительно кивнула. Так она выразила свою благодарность.

Но не благодарность была нужна Паркеру Кинкейду. Ему требовались факты.

Лукас вздернула подбородок, слушая, что ей говорят. Затем подняла глаза и сообщила агентам и Паркеру:

– Два агента мертвы, двое ранены. Убита билетерша, одного зрителя задавило люстрой. Около дюжины человек получили травмы, есть серьезные. Несколько детей попали под ноги обезумевшей толпы, им крепко досталось, но они будут жить.

Однако их жизнь будет уже не такой, как прежде, мрачно подумал Паркер.

Пап, расскажи о Лодочнике.

– А он таки скрылся? – спросил Паркер.

– Да, скрылся, – вздохнула Лукас. – И опять никто его не видел.

– Криминологическая экспертиза?

– Сейчас там обшаривают каждый миллиметр, – ответил Кейдж. – Но я вот чего не пойму: он стреляет из автоматического оружия – и ни единой гильзы.

– Он держит оружие в сумке или пакете, туда и попадают гильзы, – сказал Паркер.

Решение было принято в самый последний момент. Лукас в конце концов признала правоту Паркера и произнесла ледяным тоном:

– Хорошо, мы свертываем операцию в отелях. Но, Кинкейд, не дай вам бог ошибиться.

Несколько минут они лихорадочно гадали, куда мог двинуться Копатель. Паркер заключил, что Копатель подбросил в отель патроны незадолго до четырех, так что у него осталось самое большое десять минут, чтобы добраться до настоящей цели. Убийца не мог рассчитывать, что сразу поймает такси, значит, он пошел пешком. Следовательно, искать нужно в радиусе пяти кварталов.

Паркер и члены группы склонились над картой Джорджтауна. Вдруг Паркер поднял взгляд на часы и спросил:

– Сегодня театры дают дневные спектакли?

– Да.

Лукас схватила его за руку.

Тоуб Геллер упомянул Театр Мейсона, что в пяти минутах ходьбы от «Времен года». Паркер торопливо раскрыл «Вашингтон пост» на странице «Досуг»: в Театре Мейсона давали «Щелкунчика». Он попросил Лукас бросить все силы туда.

Кинкейд, не дай вам бог ошибиться.

Нет, он не ошибся. Тем не менее риск был огромен. Спасли много жизней, однако были и убитые. К тому же убийце удалось скрыться.

Телефон Кейджа опять зазвонил. Он поговорил пару минут и положил трубку.

– Звонил мозгоправ. Преподает в Джорджтауне. Выполнял кое-какие работы для поведенческого отдела. Говорит, у него есть что сообщить нам об имени.

– Копателя? – спросил Паркер.

– Ага. Скоро будет здесь.

– Прекрасно, – сказала Лукас и обратилась к Паркеру: – Что дальше?

– Ну, я бы выяснил, был ли кто-нибудь в ложе, из которой он стрелял, а если не было, не выкупил ли преступник все места в ней. Если да, то не расплачивался ли он кредитной карточкой.

Лукас кивнула Арделлу, тот позвонил Джерри Бейкеру и задал те же вопросы. Закончив разговор, он сказал:

– В самую точку.

– Приобрел билеты две недели назад, заплатил наличными? – сказал Паркер.

– Три недели назад, – пробормотал агент.

– Черт! – Паркер в сердцах щелкнул пальцами. Затем обратился к своим записям о заключении Линкольна Райма: – Нам потребуются карты, и подробные. Хочу выяснить, откуда взялись обнаруженные на бумаге письма частицы.

Лукас кивнула Харди:

– Если удастся, мы возьмем отряд Джерри и ваших ребят из окружного управления и займемся опросом жителей. – Она дала Геллеру сделанный в морге снимок попавшего под колеса преступника: – Тоуб, размножь в ста экземплярах. Распространим картинку и посмотрим, вдруг его кто-нибудь опознает.

Паркер пробежал глазами список частиц, обнаруженных Раймом. Гранит, глинозем, кирпичная крошка, сера, органическая зола – откуда все это?

В дверях появился молодой служащий, тот, кто раньше доставил письмо:

– Агент Лукас, охрана просила вам сообщить, что внизу ждет мужчина. Явился без вызова. Говорит, что-то знает об убийце в метро.

– Документы предъявил? – спросила Лукас.

– Он утверждает, что журналист и пишет о серии нераскрытых убийств. Водительские права и карточка социального страхования подлинные.

– Так что он говорит о Копателе?

– Он только сказал, что этот тип совершал нечто похожее и раньше – в других городах.

Лукас взглянула на Паркера, и тот посоветовал:

– С ним стоит поговорить.

– Итак, он теперь в округе Колумбия, – заметил мужчина.

Они сидели на нижнем этаже в приемной «Г». В ФБР ее именовали Голубой допросной – по цвету внутренней отделки, выдержанной в пастельных тонах.

За столом сидели Паркер, Лукас и Кейдж по одну сторону, крупный мужчина с копной седых волос – напротив.

– Кто именно? – задала вопрос Лукас.

– Я называю его Мясником, – ответил мужчина. – А вы как его называете?

На Генри Чисмене была чистая, однако порядком поношенная одежда. Полосатый галстук, белая рубашка, натянутая на выпирающем животе. Вместо пальто он носил пиджак от серого, в светлую полоску костюма. Его потертый портфель лежал на столе. Он обхватывал ладонями стоявшую перед ним кружку воды со льдом.

– Так вы говорите, что человека, учинившего стрельбу в подземке и в театре, называют Мясником?

– Да, того, кто стрелял. Имени его сообщника я не знаю.

Лукас и Кейдж замолчали. Она задавалась вопросом, откуда Чисмену известно про Копателя и его преступления, а главное, про его партнера. О погибшем шантажисте прессе не сообщали.

– Почему вас интересует эта история?

Чисмен извлек из портфеля несколько потрепанных номеров хартфордской «Ньюс таймс» за предыдущий год и показал статьи за своей подписью.

– Я взял творческий отпуск и пишу книгу о Мяснике. Так его окрестили в Бостоне в начале нынешнего года.

– Что случилось в Бостоне? – спросил Паркер.

Чисмен бросил взгляд на карточку-пропуск Паркера. На ней не было указано имени. Кейдж представил его как мистера Джефферсона, консультанта.

– Стреляли в посетителей кафе «Закусочная Люси».

Лукас об этом слышала.

– Четверо убитых, семеро раненых. Преступник подъехал к закусочной и начал палить в окно из дробовика. Ни с того ни с сего. Если не ошибаюсь, описание внешности преступника отсутствует.

– Не сомневайтесь, это одно и то же лицо. А описание – верно, описания нет, так, нечто расплывчатое. Вероятно, белый. Возраст? От тридцати до пятидесяти. Рост? Не высокий, не низкий. Телосложение? Среднее. Им мог быть кто угодно.

Лукас собиралась о чем-то спросить, но Чисмен ее опередил:

– Вы сказали, что он стрелял ни с того ни с сего?

– По крайней мере так сказано в полицейском отчете.

– А вы знаете, что через десять минут после того, как Мясник отстрелялся, прикончив женщин и детей, в семи километрах от закусочной ограбили ювелирный магазин?

– Нет, об этом в отчете ничего не было.

– А вы знаете, – продолжал Чисмен, – что все полицейские-оперативники в радиусе трех километров примчались к закусочной? Владелец магазина успел нажать на кнопку сигнализации, но полиция все равно не успела вовремя прибыть на место. Грабитель убил хозяина и одного покупателя.

– Грабитель был сообщником Мясника?

– Кем же еще?

– Нам нужна любая информация, которая у вас есть. Но чутье мне подсказывает – вас привел к нам не гражданский долг. Чего вы хотите конкретно?

– Доступа, – быстро ответил он. – Всего лишь доступа…

– К информации?

– Совершенно верно.

– Подождите здесь, – сказала Лукас, вставая из-за стола.

Паркеру и Кейджу она подала знак следовать за собой.

Тоуб Геллер сидел за пультом управления в маленькой затемненной комнате через стенку от Голубой допросной.

Он проследил беседу с Генри Чисменом с начала и до конца. Бюро не устанавливало в комнатах для допросов односторонние зеркала. Вместо них на стенах висели три репродукции картин Жоржа Сера. В каждую были вмонтированы по шесть микрообъективов, замаскированных под точечные мазки.

Лукас поручила Геллеру анализировать данные. Стоило Чисмену упомянуть какой-нибудь факт, как Геллер мгновенно передавал информацию молодому агенту Сюзен Нанс, дежурившей наверху в центре связи, а та запрашивала местное отделение на предмет проверки.

Чисмен ни разу не отхлебнул из кружки, которую поставил перед ним Кейдж, но нервно сжимал ее ладонями. Поверхность кружки фиксировала прикосновения, а в ручке был спрятан чип-передатчик. Он оцифровывал отпечатки пальцев Чисмена и отправлял на компьютер Геллера, откуда они поступали для сравнения в базу данных Автоматизированной системы определения отпечатков пальцев.

Одна из видеокамер держала в фокусе глаза Чисмена и осуществляла сканирование радужной оболочки для «вероятностного анализа на правдивость» – это была одна из разновидностей детектора лжи. Одновременно Геллер анализировал уровень напряжения голосовых связок.

Кейдж, Лукас и Паркер поспешили в наблюдательную.

– Есть что-нибудь? – спросила Геллера Лукас.

– Наши запросы идут вне очереди, – ответил тот, с сумасшедшей скоростью настукивая по клавишам.

Зазвонил телефон. Лукас включила громкоговорящую связь.

– Тоуб, – произнес женский голос, – у меня есть кое-какие данные об этом человеке.

– Сюзен, говорит Маргарет. Что у вас есть?

– Значит, так. Отпечатки: судебные распоряжения, аресты, судимости – чисто. Имя – Генри Чисмен – настоящее, проживает в Хартфорде, штат Коннектикут. Переданное вами изображение отвечает фотографии на водительских правах, выданных в Коннектикуте. Послужной список по данным Управления социального страхования и Налогового управления свидетельствует, что с 1971 года он работает журналистом. Год тому назад бросил работу в хартфордской газете, приносившую ему пятьдесят одну тысячу долларов в год, и сейчас, судя по всему, живет на сбережения.

– Бросил, был уволен или взял творческий отпуск? – спросил Паркер.

– Невозможно установить, – ответила Сюзен Нанс. – Из-за праздника мы не смогли получить достаточно информации о его финансовом положении, но остановился он в «Ренессансе». Зарегистрировался, прилетев дневным рейсом из Хартфорда. Номер забронировал сегодня в десять утра.

– Вылетел сразу после первого нападения Копателя, – вслух прикинула Лукас. – Что скажете?

– Я бы сказал, что он всего лишь пронырa журналист, – отозвался Кейдж.

– А вы, Кинкейд? – спросила она, посмотрев на него.

– Я? По-моему, с ним следует иметь дело.

– Мне он показался психом, – скептически заметила Лукас. – Неужели нас так крепко прижало?

– Да, – ответил Кинкейд, бросив взгляд на электронные часы над монитором Тоуба Геллера. – Думаю, крепко.

В комнате для допросов Лукас вновь обратилась к Чисмену:

– Если мы сейчас побеседуем с вами неофициально, а потом сумеем довести дело до успешного завершения, мы предоставим вам допуск к материалам и свидетельским показаниям, которые нужны вам для книги. Пока не могу сказать, в каком объеме. Но все, что мы вам сейчас сообщим, не подлежит разглашению.

– Согласен, – ответил Чисмен.

– Прозвище «Копатель» вам совсем ничего не говорит? – спросил Паркер.

– Копатель? Нет, ничего.

– Так зовут стрелка – того, кого вы именуете Мясником.

– Я только потому называю его Мясником, что такое имя дали ему бостонские газеты. «Нью-Йорк пост» окрестила его Дьяволом, а в Филадельфии он был Могильщиком.

– Нью-Йорк? И Филадельфия? – переспросила Лукас.

– Они не спеша продвигаются вдоль побережья на юг, – сказал Чисмен. – И какова их конечная цель? Флорида, где они спокойно заживут на награбленное?

– Что же произошло в других городах? – осведомился Паркер.

– Дело «Интернэшнл беверидж» в пригороде Нью-Йорка Уайт-Плейнсе, – ответил Чисмен. – Слышали о таком?

Лукас снова выказала знание преступлений последних лет:

– Что-то с президентом компании? Его похитили, верно?

– Да, – продолжил Чисмен. – Полиции пришлось собирать целое по кусочкам, но, похоже, Мясник проник в дом бизнесмена и захватил его семью в заложники. Жена позвонила и попросила раздобыть деньги на выкуп. Президент пообещал похитителю заплатить и обратился в полицию. Полицейские окружили дом, а президент отправился в свой банк за выкупом. Но, как только открыли хранилище, один из клиентов вытащил пистолет и начал палить. Перестрелял всех, кто был в банке, включая президента «Интернэшнл беверидж». Видеосъемка показала, что с ним был другой мужчина, который вошел в хранилище и вышел с сумкой денег.

– В доме президента компании, стало быть, никого не было? – спросила Лукас – она сразу поняла схему ограбления.

– Никого живого. Мясник убил семью еще раньше.

– Видеопленка охраны банка нам ничем не поможет?

– Разве что покажет, какого цвета были надетые на грабителей маски.

– Что случилось в Филадельфии? – задала вопрос Лукас.

– О, бесподобная история, – саркастически ответил Чисмен. – Мясник садился в автобус, устраивался на сиденье рядом с пассажиром и пристреливал его сквозь карман выстрелом из пистолета с глушителем. Всего он убил таким манером троих, затем его сообщник потребовал выкуп. Городские власти согласились заплатить и устроили засаду, чтобы взять его на месте. Но Мясник и сообщник вычислили, из какого банка заберут деньги. Не успели новички-полицейские, которых послали сопровождать фургон с деньгами, выйти из банка, как Мясник пустил им по пуле в затылок и скрылся.

– Массачусетс, Нью-Йорк, Пенсильвания, Вашингтон, – произнес Паркер. – Вы правы, он держал путь на юг.

– Держал? – поднял брови Чисмен.

Паркер взглянул на Лукас.

– Он мертв, – сообщила та Чисмену.

– Что-о?! – Чисмена эта новость, похоже, потрясла до глубины души.

– Напарник, не Мясник. Он попал под машину, водитель скрылся. После того, как он подбросил письмо в Городской совет, и до того, как он мог забрать деньги.

Добрую минуту Чисмен просидел с застывшим лицом. Наконец он спросил:

– Какую тактику он выбрал на этот раз?

Лукас не хотелось отвечать, но Чисмен догадался и сам:

– Мясник убивает до тех пор, пока городские власти не заплатят отступного… Но теперь платить некому, поэтому Мясник продолжит убивать. Их почерк, один к одному. У вас есть хоть какие зацепки?

– Как вам удалось проследить его до Вашингтона? – спросил Паркер.

– Я читаю все публикации о преступлениях, связанных с хладнокровным убийством. Когда до меня доходят известия о таком преступлении, я отправляюсь в город, где оно произошло, и опрашиваю жителей. Могу я взглянуть на тело?

– К сожалению, нет, – сказала Лукас.

– Тогда хотя бы на снимок. Прошу вас.

Лукас открыла папку и вынула фотографию.

– Можно взять себе?

– После завершения расследования.

– Разумеется. – Он вернул снимок и встал. Пожал всем руки и произнес: – Я остановился в «Ренессансе», это в центре города. Займусь опросом свидетелей. Если всплывет что-нибудь интересное, дам вам знать.

Лукас поблагодарила его и проводила до поста охраны.

И вновь они собрались в наблюдательной комнате вокруг Тоуба Геллера. Тот сверился с датчиками:

– Напряженность голосовых связок и данные сканирования радужной оболочки – в норме. Уровень стресса низкий, и уж тем более для человека, которого подвергают перекрестному допросу. Я бы хоть сейчас выдал ему карантинное свидетельство. Признаки лжи полностью отсутствуют.

Затрещал телефон Лукас. Она послушала, произнесла:

– Лицо не подлежит задержанию. – Закончив разговор, посмотрела на часики: – Где мозгоправ из Джорджтауна?

– Скоро прибудет, – ответил Кейдж.

– Как быть с картой? – спросил Паркер. – Необходимо локализовать частицы.

– Лучшая карта – в Топографическом архиве, – заметил Геллер.

– В архиве? – Паркер представил, как трудно будет разыскать служащих, готовых открыть государственное учреждение в праздничный вечер.

– С архивом ничего не выйдет, – вздохнул Кейдж.

– Не скажите, – возразила Лукас. – Просто надо верить в чудеса.

Мэр Кеннеди дорожил этими часами.

Их ему подарили ученики средней школы имени Тергуда Маршалла, расположенной в неблагополучном районе на юго-востоке Вашингтона. Кеннеди тронул их подарок. Он говорил ребятам о достоинстве человека, о необходимости напряженно трудиться и воздерживаться от наркотиков. Прописные истины. Однако на некоторых обращенных к нему лицах он прочел восхищение. Потом школьники поднесли ему часы в благодарность за это выступление.

Кеннеди погладил корпус часов и взглянул на циферблат: стрелки показывали без пяти пять.

Итак, ФБР почти остановило безумца. Почти. Кто-то убит, кто-то ранен. Пресса ругала Кеннеди и окружную полицию за бездействие. Отзывы на выступление мэра по телевидению также не отличались сдержанностью. Один из обозревателей почти дословно повторил фразу конгрессмена Ланира о «заискивании перед террористами».

Зазвонил телефон. Уэнделл Джеффриз – он сидел напротив – опередил мэра и схватил трубку.

– Так-так… О'кей. – Он покачал головой и вернул трубку на рычаг: – Прочесали весь театр, но не сумели найти и пустячной улики. И ни одного надежного свидетеля.

– Он что, невидимка? – вздохнул Кеннеди. – Почему он с нами не свяжется? Ведь мог бы получить двадцать миллионов. Должно быть, пропустил мое телевыступление.

Кеннеди глянул в окно на пышное, как свадебный торт, увенчанное куполом здание Капитолия. Необычное порождение национального политического устройства, город получил самоуправление лишь в 1970-е годы. Почти двести лет, что он был столицей Америки, округом Колумбия управлял непосредственно Конгресс. Но вот уже двадцать пять лет как законодательные власти передали бразды правления самому городу. С того времени мэр и Городской совет из тринадцати человек изо всех сил пытались держать под контролем преступность (временами самый высокий в Америке показатель убийств), школы – на плаву, финансы – в порядке (постоянный дефицит), а межрасовые трения – сглаженными.

Конгресс вполне мог снова вмешаться и подмять под себя столицу: законодатели уже лишили мэра права единолично распоряжаться финансами. Но для Кеннеди власть не была самым главным. По нему, Вашингтон мог себе отойти к Виргинии или Мэриленду, лишь бы его администрация продержалась достаточно долго, чтобы помочь городу и горожанам.

Мэр знал, как спасти сто восемьдесят квадратных километров Вашингтона. Все упиралось в образование. Если добиться, чтобы дети

не бросали школы, они приобретут чувство собственного достоинства и поймут, что способны распоряжаться своей судьбой. Его самого спасло понимание этого простого факта, оно вытащило его из бедности и помогло поступить на юридический факультет Колледжа Вильгельма и Марии.

Никто не возражал против общей посылки о том, что образование полезно. Другое дело – как этого добиться на практике. Кеннеди представлял себе, как добиться, чтобы подростки округа продолжали образование, и его план вполне можно было бы обозначить одним-единственным словом: подкуп. Но они с Уэнделлом Джеффризом называли его по-другому – «Проект-2000».

Весь последний год Кеннеди вел переговоры с членами комитета Конгресса по округу Колумбия на предмет того, чтобы обложить работающие в Вашингтоне компании дополнительным налогом. Собранные деньги предполагалось направить в фонд, который платил бы старшеклассникам стипендии до окончания двенадцатилетки – при условии, что те не употребляют наркотиков и не замешаны в преступлениях.

Одним махом Кеннеди умудрился навлечь на себя ненависть представителей всего политического спектра. Либералов беспокоило то, что принудительная проверка на наркотики будет нарушением гражданских свобод. Консерваторы попросту подняли его на смех. Корпорации, которым предстояло платить, имели, понятно, свой взгляд на проблему, причем некоторые грозили вообще перебраться из округа в другое место. Тем не менее после нескольких месяцев хитроумной политической игры Кеннеди стало казаться, что его предложение в конце концов сможет пройти, главным образом благодаря поддержке общественности.

Но теперь он опасался, что поддержка с этой стороны иссякнет. Если сегодня он допустит ошибку, если Копатель прикончит еще больше горожан, если мэр проявит бессилие, «Проект-2000» можно будет похоронить.

Он поднял глаза – Джеффриз снова висел на телефоне. Прикрыв трубку рукой, помощник сообщил:

– Он пришел.

– Хорошо, – кивнул Кеннеди. – Ступай поговори с ним.

– Мы выберемся из этой истории.

В коридоре стоял, привалившись к стене, статный мужчина. К нему и направился Уэнделл Джеффриз.

– Привет, Венди.

– Привет, Слейд.

– Узнал по ящику, – сказал телеведущий. – Отморозок засветил двух агентов и сыграл в «Призрак оперы» с дюжиной бедолаг под люстрой. Кажется, одного накрыл.

Джеффриз был чернокожим, и Слейд хотел ему внушить, будто знает язык улицы. Джеффриз не стал объяснять, что на жаргоне «засветить» означает «разоблачить», а не «пристрелить». В этот день Джеффризу было не до болтовни с такими, как Слейд Филлипс.

– Нам нужна помощь, – сказал он, понизив голос до шепота, напоминающего шелест передаваемых из рук в руки купюр. – Можем предложить двадцать пять штук.

– Ничего себе! Что от меня требуется?

– Нужно, чтобы Кеннеди вышел из этой заварухи героем. Я хочу сказать, что уже есть убитые и, вероятно, будут еще. Подай крупным планом, как он навещает жертв и противостоит террористам. Опять же дистанцируй его от любых накладок силовиков. Не он ведет дело.

– Это ведь операция федералов? – спросил Филлипс.

– Верно, но мы не хотим обвинять и Бюро. Найди другого козла отпущения.

– О'кей... Значит, так, – принялся вслух прикидывать Филлипс. – Кеннеди занимает жесткую позицию. Руководит полицией. Посетил больницы... постой... – он кивнул в сторону пресс-центра, – репортер «Пост» сообщил, что Кеннеди никого не посещал.

– Нет, нет, он навестил семьи, которые пожелали остаться неизвестными. Весь день только этим и занимался.

– Вот как? Отличный ход с его стороны.

Поразительно, подумал Джеффриз, чего только не купишь за двадцать пять тысяч долларов.

На улице было холодно. Паркер, Кейдж и Лукас шли в Топографический архив. Паркер взглянул на хмурое небо, вспомнил, что обещали снегопад и завтра Ктоши захотят покататься на санках. Лукас прервала его размышления, задав вопрос:

– Как вы стали экспертом по документам?

– Из-за Томаса Джефферсона. Я собирался стать историком, хотел специализироваться по временам Джефферсона. Поэтому и поступил в Виргинский университет.

– Университет построили по его проекту?

– Да, старое здание. Так вот, однажды я изучал в тамошней библиотеке письмо Джефферсона к дочери Марте. У Джефферсона были рабы, но сам он рабства не одобрял и в принципе выступал за его отмену. Но в этом письме, отрекаясь от своих прежних взглядов, он писал, что рабство – один из краеугольных камней национальной экономики. Я сравнил письмо с известными образцами его почерка.

– И оно оказалось подделкой?

– Совершенно верно. Это наделало много шуму – кто-то подсунул в архив Джефферсона фальшивку, да еще какую. Как бы там ни было, но тот случай определил мою судьбу.

Паркер коротко рассказал Лукас о своей жизни. Он получил степень магистра права в Университете Джорджа Вашингтона и диплом Американского совета судебных экспертов по документам.

– Какое-то время я работал сам по себе, потом узнал, что ФБР требуются агенты-эксперты. Отправился в Квонтико, а дальше пошло-поехало.

Лукас остановилась перед витриной, где красовались шедевры портняжного искусства. Паркер удивился, что они привлекли ее внимание. Но Кейдж заметил:

– Маргарет у нас классная белошвейка.

– Кейдж! – рассеянно обронила Лукас, отвернулась от витрины, и они возобновили путь.

– Вы действительно не захотели становиться главным спецагентом? – спросила она Паркера.

– Ага.

Вдруг Лукас вытащила сотовый телефон и принялась набирать номер.

– Не останавливайтесь, – шепнула она, – и не оборачивайтесь.

Он понял, что она никому не звонит, а только делает вид.

– Тоже его засекла? Следует в двадцати метрах за нами.

– Оружия не заметила. Действует осторожно. Движется перебежками.

До Паркера дошло, что именно поэтому Лукас остановилась и стала разглядывать платья в витрине. Он тоже на ходу глянул в витрину и увидел, как какой-то мужчина метрах в двадцати позади торопливо переходит через улицу на их сторону.

Паркер заметил в руках Кейджа и Лукас пистолеты. Он не видел, как они их вынули.

– Думаете, Копатель? – спросил он.

– Возможно, – ответила Лукас.

За ними крадется Копатель! Должно быть, он подкарауливал у штаб-квартиры и каким-то образом выяснил, что они работают по этому делу.

– Возьмешь на себя улицу, – сказала Лукас Кейджу. – Вы, Кинкейд, следите за переулком – вдруг у него есть сообщник. По счету «три». Раз, два…

– Но у меня… – начал Паркер.

– Три!

Они мигом разделились. Кейдж сошел на проезжую часть, Лукас повернулась и побежала назад, крича на бегу:

– Я агент ФБР! Слышите! Стоять на месте!

Паркер посмотрел в переулок, не представляя, что ему делать, если он кого-нибудь там увидит. Затем оглянулся на Лукас. Преследователь замер, потом повернулся и припустил во всю прыть.

– Стоять!

Лукас погналась за ним, но тут из-за угла вывернул автомобиль и едва не сбил ее. Лукас прыгнула обратно на тротуар, крыло машины пронеслось в паре сантиметров от нее. Она хотела возобновить погоню, но мужчина пропал. Паркер увидел, как она извлекла телефон и с кем-то связалась. Через минуту на перекресток выскочили три автомобиля без опознавательных знаков, но зато с красными мигалками. Лукас переговорила с водителем одного из них, и машины уехали.

Лукас неспешной трусцой вернулась к Паркеру. Подошел и Кейдж.

– Разглядели его? – спросил Кейдж.

– Нет, – ответил Паркер.

– Я тоже, – пробормотала Лукас, затем опустила взгляд на руки Паркера: – Где ваше оружие?

– У меня его нет.

Лукас посмотрела на Паркера с явным неодобрением, наклонилась, задрала штанину джинсов, вытащила из закрепленной на голени кобуры маленький пистолет и сунула ему.

– Спасибо, не надо. – Он отрицательно покачал головой.

– Берите, – настаивала она, протягивая пистолет.

Он решил не тратить времени на перебранку, взял пистолет и опустил в карман.

Копатель, озираясь, стоит в переулке. Его тревожит, что тот, кто ему приказывает, огорчится – ведь он убил в театре меньше народа, чем требовалось.

Копатель слышит, как далеко сзади завывают сирены. Много сирен.

Впереди в переулке он замечает движение. Мальчик. Худой, чернокожий. Лет примерно десяти. Кто-то говорит с мальчиком. Копатель не видит говорящего.

Внезапно в голове у Копателя раздается голос Памелы: «Иметь… от тебя… детей? Родить… родить… тебе ребенка?»

Будь у нас малыш, а то два или три,

Это бы прибавило мне любви.

Но воспоминание о песне уходит, потому что слышится треск – пистолет и глушитель вываливаются сквозь дыру в дне сумки. Он наклоняется их подобрать и одновременно поднимает глаза. Хм-м.

Мальчик и взрослый мужчина в грязной одежде – тот, кто говорил с мальчиком, – идут по переулку. Мужчина тянет мальчика за руку. У мальчика из носа сочится кровь.

Они смотрят на Копателя. Мальчик, похоже, испытывает облегчение. Он вырывается и потирает плечо. Мужчина снова хватает его за руку. Останавливается. Глядит вниз на «узи». Криво улыбается Копателю. Произносит:

– Твои дела меня не касаются. Я себе иду – ни к кому не вяжусь.

– Пусти, – хнычет мальчик.

– Заткнись. – Мужчина замахивается, мальчик съеживается.

Копатель стреляет мужчине в грудь. Тот валится на спину.

Если кто увидит твое лицо…

Копатель наставляет оружие на мальчика. Мальчик не сводит глаз с тела мужчины, который его бил.

Копатель опускает автомат.

– Ты же его пришил, – шепчет мальчик. – За просто так.

Теперь мальчик смотрит в упор на Копателя.

В голове перекатываются слова. *Убей, он видел твое лицо, убей его.*

Копатель наклоняется, собирает пустые гильзы, подбирает глушитель и вместе с «узи» заворачивает в драную сумку со щенками. Он уходит из переулка, оставляя там застывшего на месте мальчика.

Возвращайся в мотель… *щелк*… в мотель и жди. Проверь, не велел ли тот, кто тебе приказывает, прекратить стрельбу.

Слышу стук каблучков у дверей

И люблю тебя все сильней.

Теперь хорошо поесть супа. Он готовил суп для Памелы. Он готовил суп для Памелы в тот самый вечер… *щелк.* В рождественский вечер. Такой, как сейчас. Холодно. Разноцветные фонарики.

Вот тебе золотой крестик. А эта коробка – она не?.. Подарок? Пальто! Спасибо, спасибо, спасибо.

Копатель стоит у перехода, ждет зеленый свет.

Вдруг он чувствует, как его берут за руку. Он сжимает автомат в драной щенячьей сумке. Медленно оборачивается.

Рядом стоит мальчик, держит Копателя за левую руку. Мальчик смотрит прямо перед собой.

Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя…

На светофоре зажигается зеленый свет. Копатель стоит на месте.

– Слышь, можно идти, – говорит мальчик.

Они рука об руку переходят улицу.

Глава пятая

17.15

Топографический архив округа Колумбия занимает старое здание недалеко от перекрестка Седьмой улицы и И-стрит. В туристских путеводителях архив не упоминается, и три охранника у главного входа вежливо заворачивают непрошеных посетителей.

Кейдж, Лукас и Паркер ждали в холле. Лукас захлопнула крышку сотового:

– Пустое дело. Он как в воду канул. Пара водителей видели убегавшего мужчину в темном пальто. По их словам, белый, среднего телосложения. Но точно сказать не могут.

К ним присоединился Тоуб Геллер. Он быстрым шагом вошел с улицы и кивком поприветствовал коллег по группе. Отпечатки их пальцев проверили на сканере-опознавателе, личное оружие изъяли и заперли в сейф. Затем провели к лифту. Лукас нажала на кнопку «П7», лифт тронулся и опускался, как им показалось, целую вечность.

Они вышли прямо в хранилище – не к рядам стеллажей со старыми пыльными книгами и картами, в которых предвкушал порыться Паркер, а в огромную комнату, уставленную 24-дюймовыми мониторами. Даже в новогодний вечер перед экранами, на которых мерцали крупномасштабные карты, сидели более двух десятков человек.

– Что это? – спросил Паркер Геллера.

– При угрозе стихийного бедствия, нападения террористов, ядерной бомбардировки и так далее именно тут решают, находиться ли правительству на месте или покинуть город, а если покинуть, то каким образом.

– Тогда что мы здесь делаем?

– Вам были нужны карты, – сказал Геллер, с восторгом разглядывая электронное оборудование, – а другой такой же исчерпывающей картографической базы данных не найти больше нигде на свете.

– Их заставили разрешить нам тут поработать, – сказала Лукас, – но с условием, что мы не вынесем из помещения ни одной распечатки или дискеты. Так что там обнаружил Райм?

Паркер зачитал свои заметки:

– Гранит, сера, сажа, зола, глинозем, кирпич.

– С чего начнем? – обратилась Лукас к Паркеру.

– Пойдем по порядку. Сначала гранит, кирпичная крошка и глинозем. Указывает на снос, строительство… – Он обратился к Геллеру: – Мы найдем их в этой базе данных?

– Нет, – ответил молодой агент, – но можно разбудить кого-нибудь в службе лицензирования застроек.

– Вот и разбудите, – распорядился Паркер. – Что дальше? Сера и сажа… Тоуб, можно выделить районы с повышенным загрязнением воздуха?

– Конечно. – Геллер нажал на клавиши. На экране части города, главным образом на юго-востоке, окрасились в желтоватый цвет, означающий загрязнение.

– Добавим еще один компонент, органическую золу, – произнес Паркер. – В основном от сжигания мяса животных.

– Мясокомбинаты? – предположила Лукас.

– Не отмечены, – отозвался Геллер.

– Рестораны? – подал голос Кейдж.

– Их слишком много, – заметил Паркер.

– Где еще могут сжигать мясо? – спросила Лукас.

– В ветеринарных лечебницах? – вслух задался вопросом Паркер. – Там ведь уничтожают останки животных?

Геллер посмотрел на экран:

– Их несколько десятков.

– А если останки людей? – спросила Лукас.

– Крематорий! – воскликнул Паркер. – И гранитная пыль – от полировки надгробий. Будем искать кладбище.

– Арлингтон? – предположил Кейдж.

– Оно вдалеке от промышленных зон, да и загрязнение там незначительное.

Кладбище нашла Лукас.

– Вот, – показала она. – Грейвзэнд.

Тоуб Геллер выделил и увеличил фрагмент карты.

Грейвзэнд – район на юго-востоке округа. Паркер смутно представлял, что это за место: пришедший в упадок район многоквартирных домов, фабрик и незастроенных участков вокруг Мемориального кладбища, на котором с начала 1800-х годов хоронили рабов. Паркер указал на другую часть карты:

– Вот тут – станция метро. Преступник мог доехать до Городского совета на метро.

– Мне доводилось брать преступников в этом районе, – сказала Лукас. – Там все время что-то сносят и что-то строят. Да и народ

малообщительный, в чужие дела не лезет. Многие за квартиру платят наличными. Идеальное место для укрытия.

Молодой лаборант за соседним столом ответил на телефонный звонок и передал трубку Геллеру. По мере того как агент слушал, его лицо расплывалось в радостной улыбке.

– Отлично. Срочно доставьте в лабораторию. – Он положил трубку. – Кто-то из публики заснял стрельбу в Театре Мейсона на видео.

– Заснял Копателя? – встрепенулся Кейдж.

– Качество съемки очень плохое. Кассету сейчас принесут. А вы – в Грейвзэнд?

– Угу, – ответил Паркер и посмотрел на часы. До очередного нападения оставалось два с половиной часа.

– МКП? – спросил Геллер у Лукас.

– Да. Немедленно.

МКП – мобильный командный пункт, вспомнил Паркер. Фургон, оборудованный средствами связи и наблюдения.

– Попрошу установить анализатор видеоизображения и займусь пленкой, – сказал Геллер. – Где вас искать?

– Здесь, – в один голос ответили Лукас и Паркер, указав на карте пустырь у кладбища.

– Тоуб, забирай Арделла с Харди и привози их с собой в МСП, – распорядилась Лукас.

– Харди? – засомневался агент. – Зачем он нам?

– Не возьмем его, нам навяжут другого, – ответила Лукас. – Харди мы хоть можем держать под контролем.

Геллер натянул куртку и побежал к лифту.

– Такой большой район, – заметила Лукас, глядя на карту.

Мэр Кеннеди нервно расхаживал по кабинету.

– Подают все так, – он показал на радиоприемник, – будто я тут спокойно рассиживаюсь, а горожан тем временем отстреливают почем зря.

Кеннеди побывал в трех больницах, беседовал с пострадавшими от пуль Копателя. Но до этого никому не было дела, все задавали один вопрос: почему убийца все еще не пойман?

– Слейд что-нибудь придумает, – сказал Джеффриз.

– Поздно, поздно.

Мэр опустился в кресло. Если бы не Копатель, они с Клэр побывали бы за вечер на четырех приемах. Он в гневе схватил трубку телефона. В штаб-квартире ФБР его долго переключали с номера на номер, пока наконец ему не ответил мужской голос.

– На проводе мэр Джерри Кеннеди. С кем я говорю?

– Со спецагентом Арделлом. Чем могу быть полезен?

– Агент Лукас по-прежнему отвечает за операцию?

– Совершенно верно.

– Я могу с ней поговорить?

– Ее здесь нет. Могу перевести ваш вызов на ее сотовый.

– Не надо. На самом деле я хочу поговорить с полицейским-связным из окружного управления.

– С детективом Харди. Передаю ему трубку.

Совсем молодой голос нерешительно произнес:

– Слушаю.

– Харди, говорит мэр.

– О, слушаю вас, сэр.

– Как развивается дело? Лукас и Кейдж мне ни разу не позвонили. Где Копатель намерен нанести очередной удар?

Пауза.

– Меня не очень-то вводят в курс, сэр. Мне приказано всего лишь составить отчет об операции.

– Какой еще отчет? Долго ждать, пока его остановят?

– Имеются кое-какие зацепки, – словно через силу ответил Харди. – Они считают, что вычислили, где его убежище – того, которого сбил грузовик.

– Где?

– Я не имею права разглашать эту информацию, сэр.

Кеннеди подавил гнев и произнес:

– Послушайте, если мне выпадет возможность поговорить с убийцей, думаю, я сумею убедить его сдаться.

Кеннеди и в самом деле верил в это, потому что обладал личным обаянием. Ему удалось умаслить самых несговорчивых бизнесменов, и те согласились на налог для финансирования «Проекта-2000». Ему бы хватило двадцатиминутного разговора с убийцей, он бы так или иначе уговорил его, пообещав смягчение приговора.

– Ну же! Где он скрывается?

Только бы получилось… Все будет идеально. Со мной прибудут репортеры – вагон и маленькая тележка. Попробую уговорить его выйти с поднятыми руками. Он сдастся, не то его убьют. В любом случае я сохраню доверие горожан.

До Кеннеди донеслись голоса на другом конце провода. Затем Харди ответил:

– Простите, мэр, мне нужно идти.

Грейвзэнд. Машина с Паркером и Кейджем, подпрыгнув на глубоких выбоинах, снизила скорость и остановилась у обочины, где куча мусора и кирпичного крошева наползала с тротуара на проезжую часть.

Лукас ждала их на пустыре: она подъехала раньше в своем красном «форде-иксплорере» и теперь стояла, уперев руки в узкие бедра и озираясь по сторонам.

Два чернокожих подростка, подпиравших разрисованную граффити стену, смерили взглядами новоприбывших – ясное дело, стражей правопорядка – и неторопливо слиняли, всем своим видом выражая пренебрежение пополам с беспокойством. Паркера тревожила не опасность, а площадь зоны поиска – около десяти квадратных километров трущоб, сплошных рядов жилых домов и небольших заводиков. Как, интересно, они отыщут укрытие преступника в этой неразберихе?

На некоторые загадки у Паркера не было ответов.

Три ястреба воровали у фермера кур…

В воздухе проплывали клубы дыма. Бездомные жгли мусор в бочках из-под солярки, чтобы согреться. Сразу за станцией метро, по другую сторону высокой осыпающейся кирпичной стены, в ночное небо возносилась труба крематория, над которой дрожал раскаленный воздух. Паркер поежился. Все это напоминало ему картины старых мастеров, живописующие…

– Ад, – пробормотала Лукас. – Похоже на ад.

Подъехал Джерри Бейкер. Поверх пуленепробиваемого жилета он натянул толстую ветровку. Кейдж вручил ему пачку распечатанных с компьютера снимков:

– Станем предъявлять местным на предмет опознания.

Начали прибывать автомобили ФБР и бело-синие машины окружной полиции. Всего набралось человек двадцать пять – федеральных агентов и полицейских. Бейкер собрал их у автомобиля Лукас и раздал распечатки.

– Прошу выслушать мистера Джефферсона, – объявила Лукас.

До Паркера не сразу дошло, что это она о нем.

– На снимке – преступник, организовавший стрельбу в метро и Театре Мейсона, – произнес он. – Мы считаем, что где-то тут, в Грейвзэнде, находится его укрытие. Сам он мертв, но его сообщник, стрелок, на свободе, так что надо поскорее найти их укрытие.

– Их имена известны? – спросил полицейский.

– У стрелка есть прозвище – Копатель. Все. Его описание найдете под снимком. Дом-укрытие, вероятно, соседствует с участком застройки или же сноса и, скорее всего, с кладбищем. Организатор преступления недавно купил вот такие конверты и бумагу. – Паркер поднял прозрачные чехлы с письмом шантажиста и конвертом. – Бумага выцвела, так что витрина магазина, видимо, выходит на юг. Поэтому берите на заметку каждый газетный киоск, дежурный или продовольственный магазин, торгующий канцелярскими товарами. Да, и еще обращайте внимание на ручки того типа, которым он пользовался. Черные шариковые по цене тридцать девять или сорок девять центов.

Больше Паркеру на ум ничего не пришло, и он кивком предложил Лукас продолжить. Та сделала шаг вперед:

– Слушайте и запоминайте. Мы не знаем, находится ли стрелок в Грейвзэнде. Но я хочу, чтобы все исходили из допущения, что он следует в десяти шагах за вами. Когда начнете прочесывать район, обращайте особое внимание на удобные для засады позиции. Руку, с которой стреляете, ничем не занимать, куртки и пальто держать расстегнутыми.

Она обвела взглядом полицейских и агентов.

– В восемь вечера – через два с небольшим часа – он еще раз разрядит в людей полную обойму. Так вот, мне не хочется осматривать новое место преступления и смотреть в глаза тем, кто только что потерял отца, мать или ребенка. Мне не хочется объяснять им: дескать, извините, но мы не сумели найти и остановить это чудовище. Этого не случится – я не допущу. И вы не допустите. Вопросы есть?

– Нельзя поподробней о его оружии?

– Он вооружен «узи» с глушителем. Вам предоставлена полная свобода действий. Еще вопросы? – Никто не поднял руки. – О'кей. Ступайте и отыщите это укрытие.

Половина агентов отправилась пешком, другие сели в машины. Кейдж, Лукас и Паркер остались на обочине. Кейдж с кем-то коротко переговорил по сотовому и закрыл телефон.

– Тоуб добыл МКП, они едут сюда. Он исследует видеопленку из театра. Да, кстати, психолог из Джорджтауна тоже сюда направляется.

Кейдж огляделся и заметил двоих мужчин, гревших руки над металлической бочкой, в которой горел костерок.

– Пойду поговорю с ними, – сказал он.

– А я займусь вон той закусочной. – Лукас кивком указала Паркеру на пиццерию. – Подождете здесь Тоуба?

– Конечно.

Лукас ушла, оставив Паркера в одиночестве. Холодало. Паркер сунул руки в карманы, бросил взгляд через улицу и увидел дешевый магазинчик. Магазин был закрыт, и поначалу Паркер не обратил на него внимания, но теперь заметил на полках у кассового аппарата наборы канцтоваров и задался вопросом, не здесь ли шантажист приобрел конверт и бумагу.

Паркер пересек улицу и, напрягая глаза, начал всматриваться в давно не мытую витрину. От холода у него дрожали руки, рядом в груде отбросов рылась крыса. Бред какой-то, подумал он. Какого черта я

здесь делаю? Тем не менее он поднял руку и, чтобы лучше видеть, старательно протер рукавом заляпанное стекло.

– Может, и видел его. Может, и видел.

Раздатчик в грейвзэндовской пиццерии, полный латиноамериканец, все рассматривал снимок.

– Не спешите, – сказала Лукас и подумала: ради всего святого, пусть хоть здесь повезет.

– У нас тут много-много людей. Понимаете?

Она вспомнила, что патологоанатом обнаружил в желудке погибшего преступника стейк. В здешнем меню стейк не значился, и все же пиццерия была единственным круглосуточным заведением в районе станции метро, так что он вполне мог сюда заглядывать.

Раздатчик поднял глаза к потолку и покачал головой:

– Нет, так я не думаю. Простите. Слушайте, хотите кусочек? Свежая, только-только приготовил.

Она отрицательно покачала головой.

– Кто-нибудь еще сегодня работает?

– Нет, только я. У меня праздник. У вас, похоже, тоже.

– Спасибо, – произнесла Лукас и направилась к выходу.

В эту минуту ей требовался Тоуб Геллер. На все уходило слишком много времени! Зацепок же было слишком мало!

– Мисс, – раздался голос у нее за спиной. – Мисс агент.

Она обернулась – раздатчик протягивал ей кофе в пенопластовом стакане.

– Там холодает, – сказал он.

Лукас была тронута. Взяв стакан, она высыпала в кофе пакетик сахара.

– Надеюсь, вы хоть немного отпразднуете, – заметил он.

– И вы тоже, – сказала она, толкнула дверь и вышла.

На улице было холодно. Она на ходу окинула взглядом квартал. Двух агентов из местного отделения не было видно, вероятно, работали на соседней улице. Кейдж тоже пропал, а Кинкейд уставился в витрину магазина.

Взгляд Лукас задержался на молодой паре латиноамериканцев. Жена в черном шарфе, муж в тонкой куртке. Он толкал детскую коляску со спеленутым младенцем. Лукас инстинктивно прикинула, какой сорт фланели купила бы на ползунки для собственного младенца. Пара прошла мимо.

Ох, Кинкейд, вы любите загадки? Извольте. Вот вам загадка про жену и мать. Как можно быть женой без мужа? Как можно быть матерью без ребенка? Хитрая загадка, но вы с ней справитесь, Паркер.

Одна на пустынной, если не считать Кинкейда, улице, Лукас прислонилась к фонарному столбу, обхватив его правой рукой. Она изо всех сил сжимала металл, сжимала отчаянно, чтобы не разрыдаться.

Жена без мужа, мать без ребенка… Сдаетесь, Паркер? Я – ответ на загадку. Потому что я жена человека, который лежит на кладбище города Александрия, штат Виргиния. Потому что я мать ребенка, который покоится рядом.

А вот другая загадка: может ли гореть лед?

Когда хмурым ноябрьским утром за двое суток до Дня Благодарения самолет падает с высоты на мерзлое поле и разлетается на миллион кусочков. Вот так горит лед.

Вот так я и стала подмененным ребенком.

Да, Паркер, задача всегда проста, если знаешь ответ.

«Сосредоточься!» – приказала себе спецагент Лукас.

Еще один вздох. Она осмотрелась, засекла движение на пустыре – подросток в одежде цветов своей шайки. Выплеснула остатки кофе и направилась к нему проверить – вдруг он что-нибудь знает.

Паркер в разочаровании отошел от магазина: там продавалась совсем не та бумага. Он обвел взглядом пустынную улицу. Ни Лукас, ни Кейджа. К нему приближалась молодая пара с детской коляской. Ему вспомнилось, как они с Джоун так же катали Робби в коляске.

Краем глаза Паркер заметил у стены супермаркета фигуру в темном пальто. Чтобы хоть чем-то помочь, он решил тоже заняться опросом и полез в карман за снимком. Но произошло нечто непонятное… Мужчина поднял голову и впился в Паркера взглядом. Затем запустил руку за пазуху и вытащил черный блестящий предмет.

Паркер застыл. Тот самый мужчина, что преследовал их по дороге в архив. Копатель!

Паркер опустил руку в карман – пистолета не оказалось на месте. Он вспомнил, как пистолет упирался ему в бедро в машине Кейджа. Наверно, вывалился.

Мужчина посмотрел на пару, оказавшуюся между ним и Паркером, и поднял предмет.

– Ложитесь! – крикнул Паркер ошеломленным супругам.

Он попытался отпрыгнуть в темный переулок, но споткнулся о кучу мусора и тяжело шлепнулся на землю. У него оборвалось дыхание, он замер на боку, хватая ртом воздух. Где же Кейдж, или Лукас, или другие агенты?

Мужчина повернулся к паре, которую отделяли от него каких-то десять шагов. Паркер попробовал подняться, отчаянно махая молодым людям рукой, чтобы те легли. Копатель шагнул к ним с бесстрастным выражением на застывшем лице. Поднял оружие…

– Ло… жись, – выдохнул Паркер и повалился на землю.

– Стой! ФБР! Бросить оружие или стреляю! – раздался звонкий женский крик.

Мужчина обернулся.

– Бросай! Бросай! – Лукас наставила на него пистолет.

Мужчина выронил то, что держал, и вскинул руки. Кейдж перебежал с другой стороны улицы с пистолетом наготове.

– Лицом вниз! – грубо приказала Лукас. – Вниз!

Мужчина повалился, как бревно.

Когда Паркер наконец поднялся, Кейдж уже кому-то названивал. Лукас, присев на корточки, приставила пистолет к уху убийцы и левой рукой защелкнула на нем наручники.

– Какого… – прохрипел мужчина.

– Молчать! – оборвала Лукас, убирая пистолет в кобуру.

Она подошла к молодой паре, переговорила, записала фамилию и отпустила их восвояси. Кейдж обыскал мужчину и поднял его оружие.

– Это не пушка, а видеокамера. – Он порылся в бумажнике лежащего. – Эндрю Слоун. Проживает в Роквилле.

– Не имеете… – запротестовал было Слоун.

– Заткнись! – шагнула к нему Лукас.

Кейдж извлек из бумажника Слоуна визитную карточку и показал Лукас и Паркеру. Карточка гласила: «Консультации по вопросам безопасности».

– Частный сыщик, – пояснил Кейдж и спросил задержанного: – Кто ваш клиент?

– Я не обязан отвечать.

– Нет, Энди, вы обязаны ответить, – возразил Кейдж, грубо поднимая его в сидячее положение.

Слоун обругал Кейджа и произнес:

– У меня ученая степень по правоведению. Я знаю свои права. Я нахожусь в общественном месте, на улице, и…

Паркер наклонился к Слоуну.

– Постойте, я его знаю. Видел в универсаме рядом с моим домом и где-то еще.

Кейдж легонько ударил мужчину по ноге носком ботинка:

– Так вы следили за моим приятелем?

До Паркера наконец все дошло.

– Его клиентка – Джоун Мейрел, – сказал он. – Моя бывшая жена.

Паркер даже зажмурился. До этого вечера на каждом метре пленки, что мог отснять частный детектив, Паркер выступал прекрасным отцом, который возил детей в школу и посещал родительские собрания. Но этим вечером Слоун стал свидетелем того, как Паркер угодил прямехонько в эпицентр одной из опаснейших операций полиции. Он пошел на риск, обманув детей и бросив их в праздничный вечер под присмотром приходящей няни.

– Это правда? – спросил Кейдж тоном, не сулящим ничего хорошего.

– Да, да, да. Она меня наняла.

Кейдж заметил выражение лица Паркера и спросил:

– Дело об опеке?

– Да.

– Уберите Слоуна, – распорядилась Лукас. – Верните ему камеру.

– Она сломана, – огрызнулся Слоун. – Вы за нее заплатите. – Кейдж снял наручники, и Слоун, шатаясь, встал на ноги. – По-моему, я растянул связку на большом пальце. Я подам на вас жалобу.

– Энди, не вы ли шли за нами на Девятой улице? – спросил Кейдж. – С час тому назад?

– Может, и я. Но я и там не нарушал закона.

– Мы сможем как-нибудь это уладить? – спросил Паркер.

– Уладить? Что уладить? Я вручаю клиентке пленку и сообщаю про то, что видел. Вот и все.

– Энди, вот ваш бумажник.

Кейдж жестом предложил Слоуну отойти в сторону и вернул бумажник. Затем агент наклонил голову и шепнул что-то на ухо Слоуну. Тот открыл было рот, но Кейдж предостерегающе поднял палец, и Слоун стал слушать дальше. Через две минуты Кейдж закончил. Слоун задал один-единственный вопрос, агент улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Потом он возвратился к Лукас и Паркеру, Слоун – за ним.

– Теперь, Энди, – произнес Кейдж, – скажите мистеру Кинкейду, видели вы что-нибудь такое, чем миссис Мейрел могла бы воспользоваться в суде?

– Нет, не видел. По правде сказать, мистер Кинкейд представляется мне...

– Безупречным, – подсказал Кейдж.

– Безупречным отцом. Я не видел решительно ничего такого, что могло бы угрожать здоровью и счастью его детей.

– И вы не снимали на видеопленку его участия в каких-либо опасных действиях?

– Нет, сэр. Я вообще ничего не снимал. Я просто не обнаружил ничего, что стоило бы заснять.

– Что вы намерены сообщить клиентке?

– Что мистер Кинкейд навещал знакомого в больнице.

– Прекрасно, – сказал Кейдж. – Теперь ступайте.

Слоун извлек из камеры кассету и отдал Кейджу, который бросил ее в пылавший в железной бочке костер.

– Как тебе удалось? – спросил Паркер.

Кейдж молча пожал плечами, что, решил Паркер, означало: «И не спрашивай». Кейдж-чудотворец.

– Кинкейд, а где, черт возьми, ваше оружие? – спросила Лукас.

– Мне казалось, при мне. Наверно, осталось в машине...

Лицо Лукас исказила гримаса бешенства.

– Послушайте, Кинкейд, последние пять лет вы жили как у Христа за пазухой. Можете сию же минуту возвращаться в свой мир – и спасибо за помощь. Но если остаетесь на борту, то будете ходить при оружии и тянуть лямку, как все. Итак, остаетесь или нет?

– Остаюсь.

– О'кей. Теперь за работу. Времени у нас в обрез.

Трейлер «уиннебейго» остановился у обочины. Это и был мобильный командный пункт. Бампер трейлера украшали наклейки: «Выставка собак Американского клуба собаководов в Северной Каролине», «Внимание: торможу перед призерами», «Наш бизнес – бриары». Паркер задался вопросом, сами ли фэбээровцы прилепили наклейки или же трейлер достался Бюро от настоящего собаковода.

Лукас пригласила Кейджа с Паркером внутрь. Паркер потянул носом и сразу понял: трейлер и вправду принадлежал собачникам. Но Паркер все равно был рад укрыться от холода.

Тоуб Геллер сидел за компьютером, детектив Лен Харди устроился рядом, а Арделл едва втиснулся в узкое углубление у стенки. Психолог из Джорджтауна еще не прибыл.

– Видеосъемка в Театре Мейсона, – пояснил Геллер, не отрывая глаз от экрана. На нем дергалось нечеткое изображение полутемного зала.

Геллер постучал по клавишам, изображение сделалось чуть более четким. Тогда он остановил пленку.

– Тут? – спросил Кейдж, коснувшись экрана. – Это он?

– Угу. – Геллер промотал пленку на малой скорости.

Паркер не мог разглядеть изображение – в зале было темно. По мере того как медленно сменялись кадры, слабый свет пороховых газов озарил темную фигуру.

– Вот этот кадр, пожалуй, самый четкий, – продолжил Геллер. Кадр остановился, и Геллер его увеличил, но изображение при этом стало совсем расплывчатым. – Я все пробую увеличить, чтобы разглядеть лицо. На девяносто процентов уверен, что он белый.

– Верните прежний масштаб, – попросил Паркер. – Стоп! Полюбуйтесь на это.

Он постучал ногтем по экрану. Посреди груди Копателя просматривалось скопление ярких точек.

– Обычные блики, – пробормотал Кейдж.

– Но от чего отражается свет? – упорствовал Паркер.

– Ха, по-моему, я знаю, – произнес Геллер. – Наш мальчик носит золотое распятие.

– Добавьте эту деталь к описанию стрелка, – приказала Лукас. – И сообщите, что мы подтверждаем: он белый.

Кейдж по рации передал эту информацию Джерри Бейкеру. Затем заверещал сотовый Кейджа. Он выслушал и отключил телефон.

– Звонил мой приятель из Управления гражданской авиации. Мужчина, по описанию похожий на погибшего преступника, заказал вертолет у одной компании в Клинтоне, штат Мэриленд. Назвался Гилбертом Джонсом. Заплатил наличными. Пилот должен был забрать какой-то груз в Фэрфаксе, после чего предстояло лететь еще час, но Джонс не сказал, куда именно. Сегодня, в половине одиннадцатого утра, он должен был дать пилоту точные указания, но так и не позвонил.

– Джонс сообщил ему свой адрес или номер телефона?

Кейдж передернул плечами – мол, сообщить-то он сообщил, но все оказалось липой.

Дверь фургона открылась, и молодой агент доложил:

– Агент Лукас, к вам доктор Эванс.

– Добрый вечер, – сказал доктор Джон Эванс.

В его темных волосах пробивалась седина, он носил аккуратную бородку, у него была приятная улыбка и вместо портфеля – рюкзак. Паркеру он сразу понравился.

– Мы вам очень благодарны, что сумели прийти, – обратилась к нему Лукас. – Это агенты Кейдж и Геллер, там – агент Арделл. Детектив Харди. Моя фамилия Лукас. А вот Паркер Кинкейд, эксперт по документам, в свое время служил в Бюро. Здесь он неофициально, – добавила она, – и мы будем благодарны, если вы не станете упоминать о его участии.

– Понятно, – ответил Эванс. – Что тут происходит?

Он сел, и Кейдж коротко рассказал ему о расстрелах, гибели шантажиста и убийце.

– Стало быть, вы пытаетесь вычислить, где его напарник нанесет очередной удар.

– Вот именно, – согласилась Лукас. – И здесь нам нужна помощь.

– Вам доводилось слышать о Копателе? – спросил Паркер.

– Я навел кое-какие справки. В пятидесятых годах в Калифорнии жил мужчина по прозвищу Гробокопатель. Его убили в тюрьме. В Скотсдейле орудовала банда мотоциклистов, называвших себя Гробокопателями, но она распалась в середине семидесятых. Единственное лицо, известное под таким прозвищем, был англичанин Джон Барнстол, живший в тридцатые годы. Он был аристократ – виконт или вроде того. Убил жену, детей и двух или трех фермеров. Проделал под домом сеть подземных ходов, где держал тела своих жертв. Из-за этих ходов газеты и прозвали его Копателем.

– Возможно ли, – спросила Лукас, – что шантажист или Копатель знали об этом Барнстоле?

– В настоящий момент я не берусь ответить, нужна дополнительная информация.

– С нами связался один журналист, – сказала Лукас. – Он убежден, что расстрелы людей укладываются в схему аналогичных преступлений, совершенных в Бостоне, нью-йоркском пригороде Уайт-Плейнсе и Филадельфии. Везде одно и то же – грабеж или вымогательство плюс отвлекающие внимание полиции убийства.

– В таком случае не похоже, что это как-то связано с Барнстолом, – заметил Эванс.

Лукас разочарованно покачала головой:

– Я-то надеялась, что прозвище «Копатель» что-то значит. Думала, оно может стать «ключом».

– Оно еще может им стать. Я буду только рад побыть с вами, подождать, не поступит ли новая информация. Мне еще не приходилось составлять психологический портрет трупа.

Эванс открыл рюкзак, вытащил большой металлический термос, отвинтил крышку-стакан и налил в нее черного кофе.

– Я кофеман, – сказал он с улыбкой. – Боюсь, психологу не следовало бы признаваться в таком грехе. Налить кому-нибудь?

Все отказались, и Эванс убрал термос. Затем он по сотовому сообщил жене, что задержится допоздна. Это напомнило Паркеру о Ктошах, он извлек свой сотовый и позвонил домой.

– Слушаю, – ответила миссис Кавано.

– Это я, – сказал Паркер. – Держите оборону?

– Они меня по миру пустят. Все эти деньги – из «Звездных войн», я в них путаюсь. Они нарочно меня дурачат.

– Как Робби? Все еще переживает?

Она понизила голос:

– Несколько раз куксился, но мы не дали ему унывать. Мечтает о том, чтобы вы возвратились к полуночи.

– Постараюсь, – ответил Паркер и отключил телефон.

Кейдж слышал разговор.

– Твой малыш? Как он?

– С ним все в порядке, – вздохнул Паркер. – Просто у него, понимаешь, плохие воспоминания о том, что случилось несколько лет тому назад.

Доктор Эванс вопросительно поднял бровь.

– Когда я еще служил в ФБР, к нам в дом влез преступник. – Паркер заметил, что Лукас тоже прислушивается. – Слышали о Лодочнике?

– Помнится, газеты писали, – ответил Эванс.

– Он был серийным убийцей. Похищал женщин, насиловал, убивал, а тела оставлял в катерах и шлюпках. Наконец мне удалось вычислить его по образцу почерка. Его арестовали, ему вынесли приговор, но по дороге в тюрьму он сбежал. Как-то раз около полуночи Робби закричал. Я поспешил в его комнату и увидел, что Лодочник пытается влезть в окно.

Даже теперь, спустя несколько лет, у Паркера оборвалось сердце при воспоминании не только о лице за стеклом, но и о всепоглощающем ужасе, который испытал его сын. И о пяти минутах – они показались ему часами – когда, спрятав детей в комнате прислуги, он прислушивался к тому, как Лодочник крадется по дому. В конце концов ему пришлось взять служебный револьвер и выйти в коридор.

До Паркера дошло, что Эванс внимательно за ним наблюдает, изучает его.

– И вы его застрелили? – спросил психиатр.

– Да.

Револьвер очень громко стреляет! Эта мысль вертелась у него в голове, когда он нажимал на спуск, зная, что грохот выстрелов еще сильней напугает детей.

Паркера тревожило, как бы у Робби не развился посттравматический стресс, и он показал мальчика специалисту. Врач, однако, успокоил его: мальчик еще очень маленький и скоро оправится от шока.

– Это случилось в канун Рождества, – добавил Паркер, – и в эту пору года он вспоминает о Лодочнике чаще, чем в любое другое время. Он, конечно, оправился, но…

– У меня тоже есть дети, – сказал Эванс и посмотрел на Лукас. – А у вас?

– Нет, – ответила та. – Я не замужем.

– Дети словно бы отнимают у тебя какую-то часть разума, – сказал ей Эванс. – Ты все время переживаешь – вдруг они чем-то расстроены, им грустно, они чувствуют себя потерянными.

– Вот как? – смущенно спросила она.

Тут из факса вылезло сообщение, Харди прочитал его.

– Из службы лицензирования строительства. Список участков застройки и сноса в Грейвзэнде.

Геллер вывел на монитор карту района и отмечал участки по мере того, как Харди их называл. Лукас вызвала Джерри Бейкера и приказала направить группы во все эти места.

Через десять минут в динамике громкоговорящей связи пункта раздался голос Бейкера:

– Одна из групп обнаружила магазин, торгующий бумагой и ручками, отвечающими вашему описанию. Отдельные пачки бумаги выцвели на солнце.

– То самое… – прошептал Паркер.

Поступил новый звонок. Его приняла Лукас и потом сообщила, что звонили из компьютерного отдела ФБР.

– Высылают список жителей Грейвзэнда, имеющих доступ в Интернет.

Факс выдал еще одно сообщение. Пробежав его взглядом, Паркер огорчился: в Грейвзэнде оказалось больше пользователей сети, чем он рассчитывал, – около пятидесяти.

Через пару минут он понял, что напрасно тревожился: в радиусе полукилометра от магазина и участка сноса оказалось всего четверо абонентов.

Лукас связалась с Джерри Бейкером и сообщила адреса.

– Встретимся у дежурного магазина, он будет нашим местом сбора. Поехали, – велела она водителю МКП.

– Подождите, – произнес Геллер. – Через этот пустырь, – он постучал по экрану, – лучше пройти пешком, это быстрей, чем в машине. Мы подъедем чуть позже.

Харди натянул куртку, но Лукас покачала головой:

– Простите, Лен, но вам лучше остаться.

Молодой полицейский воздел руки:

– Прикажете сидеть здесь и бить баклуши, так, что ли?

– Сожалею, но да.

Генри Чисмен отхлебнул пива. Ему хотелось быть трезвым как стеклышко, однако посетителю грейвзэндского бара в канун Нового года надлежало пить, чтобы не вызывать подозрений у остальных клиентов.

Открылась дверь, и в заведение вошли несколько агентов. Чисмен ждал, что ФБР направит сюда своих людей, и боялся, что среди них окажутся Лукас, или Кейдж, или лже-Джефферсон, которые узнают его и зададутся вопросом, почему он за ними следит. Но этих агентов он видел впервые.

Сосед Чисмена тем временем продолжал:

– Я ему и говорю: «Камень-то с трещиной. Зачем мне камень с трещиной?» А ему и крыть нечем.

– Нечем, вот как? – переспросил Чисмен, не спуская с агентов глаз.

Они показывали лист бумаги – вероятно, снимок мертвого сообщника Копателя – компании из трех местных старух.

Чисмен перевел взгляд на трейлер «уиннебейго», стоявший у противоположного тротуара. Он вел наблюдение за штаб-квартирой ФБР на Девятой улице и видел, как три знакомых ему агента выбежали из здания с дюжиной других. Вряд ли они согласились бы его подвезти, поэтому он просто поехал за вереницей из десятка автомобилей.

– Эй, – спросил старик, заметив агентов, – это кто такие? Копы?

– Сейчас узнаем.

Через минуту один из федералов подошел к стойке.

– Добрый вечер. Мы из ФБР, – было предъявлено служебное удостоверение. – Хочу спросить, не видел ли кто из вас этого человека.

Чисмен взглянул на фотографию мертвеца и сказал:

– Нет.

– Он на вид мертвый. Он мертвый? – спросил старик.

– Так вы его не видели? – повторил агент.

– Нет, сэр.

– Мы также ищем еще одного человека. Белого мужчину лет тридцати-сорока. Носит темное пальто.

Ага, Копателя, подумал Чисмен. Забавно слышать столь приблизительное описание человека, о котором знаешь так много.

– Да тут каждый третий подходит, – ответил он.

– Верно, сэр. Единственная особая примета – он носит золотое распятие. К тому же он, видимо, вооружен. Он мог вести разговоры об оружии, похваляться, что у него оно есть.

– К сожалению, не видел, – покачал головой Чисмен.

– К сожалению, – как эхо повторил старик.

– Если он вам встретится, пожалуйста, позвоните по этому номеру. – Агент вручил им по карточке.

Когда агенты ушли, собутыльник Чисмена заметил:

– Из-за чего переполох? Спорить буду, из-за наркоты. Тут вечно что-нибудь происходит. Ну, да ладно. Значит, привезли мне битый камень…

В этот миг Чисмен заметил, как открылась дверца трейлера и на землю спрыгнули Джефферсон и Кейдж. Женщина – агент Лукас – появилась следом. И они побежали.

Чисмен бросил на стойку деньги и поднялся.

– Эй, ты не дослушал про мой камень.

Не говоря ни слова, Чисмен быстро направился к выходу, распахнул дверь и припустил за агентами.

Глава шестая

18.25

Когда группа встретилась с Джерри Бейкером, два его агента уже обнаружили укрытие – ветхий двухквартирный дом по соседству от сносимого здания. Все тут было покрыто пылью и кирпичной крошкой.

– Снимок показали супружеской паре, живущей напротив, – сообщил Бейкер. – За последнюю неделю они видели его раза три или четыре. Он всегда куда-то спешил, смотрел в землю, ни с кем не заговаривал.

Два десятка агентов и полицейских взяли дом в кольцо.

– Какую квартиру он снимал? – спросила Лукас.

– Внизу, – ответил Бейкер. – Домовладельцам представился как Гилберт Джонс. Предъявленная им карточка социального страхования принадлежала человеку, умершему пять лет тому назад. Он подписался на услуги Интернет-провайдера – снова под именем Гилберта Джонса – и оплатил их дебетовой карточкой на это же имя. Входим?

– Прошу в гости, – обратился Кейдж к Лукас.

– Помните, – предупредила та, – этот тип сам набивает глушители, так что свое дело он знает.

Бейкер кивнул, надел пуленепробиваемый жилет и шлем и подозвал пятерых агентов:

– Вырубаем свет и проникаем одновременно через парадную дверь и окно спальни.

Агенты быстро заняли позиции, взяв автоматы на изготовку. Свет в доме погас, раздался грохот – агенты высадили парадную дверь.

Паркер ждал криков. «Стоять! На пол! ФБР…» Но все было тихо. Через пару минут вышел Джерри Бейкер:

– Чисто.

В доме зажегся свет. Кейдж вошел первым, Паркер и Лукас – следом.

В квартире было холодно, ярко светили лампочки. В гостиной Паркер увидел компьютер на специальной стойке, письменный стол, древнее кресло, из которого клочьями лезла набивка, несколько столиков. К вящему его огорчению, здесь не было ни записок, ни клочков бумаги, ни других документов.

Бросив взгляд на окно, Паркер подивился гастрономическим пристрастиям преступника: на подоконнике стояли четыре или пять больших бутылок яблочного сока и битая чугунная кастрюля с яблоками и апельсинами.

Лукас позвонила Тоубу Геллеру и попросила его проверить содержимое компьютера. Геллер появился через несколько минут. Он тщательно осмотрел компьютер и поднял голову:

– Тут чем-то воняет. Не пойму чем.

Паркер тоже чувствовал запах. Химический, приторный. Дешевая краска на горячих батареях отопления, решил он.

Молодой агент включил компьютер.

– Вычисление пароля может занять много времени, – заметила Лукас.

– Нет. Оно займет… – Геллер снял с корпуса компьютера крышку и запустил руку внутрь. На экране сразу же возникло: «Загрузка Виндоуз-95». – Да совсем ничего не займет.

Сотовый Лукас подал сигнал. Она выслушала и отключилась с недовольным видом.

– По этой линии он звонил, чтобы его подсоединили к сети. Других звонков – входящих и исходящих – не было.

Он блестяще работал, подумал Паркер. Был своего рода мастером головоломок.

– Нашел в спальне, – раздался голос, и в гостиную вошел агент с желтым блокнотом.

У Паркера при виде блокнота учащенно забилось сердце.

Он открыл свой «дипломат» и вынул латексные перчатки. Положил блокнот на стол рядом с компьютером и направил на него свет настольной лампы. Через лейтцевскую лупу он сразу заметил «слезу дьявола» над строчной «i».

Почти всю страницу занимали хитроумные лабиринты. Преступник явно чертил их автоматически, думая совсем о другом. Значит, он и в самом деле был мастером головоломок.

Под верхней страницей он обнаружил другую, плотно исписанную. У нижнего края записи шли в колонку. Две первые гласили:

Дюпон-серкл, эскалатор, 9 утра.

Театр Джорджа Мейсона, ложа № 58, 4 дня.

В этот миг из спальни появилась Лукас с криком:

– Чую бензин. Откуда пахнет?

Бензин? Паркер понял, что именно этот запах они и почувствовали раньше. Его взгляд обратился к бутылкам с соком. Ловушка – на тот случай, если агенты проникнут в укрытие.

Паркер вскочил:

– Всем на улицу! Бутылки!

– С бутылками все нормально, – возразил Геллер. – Взрывателя нет. Вы…

Град пуль ворвался в окно, разбивая бутылки и разбрызгивая по комнате бензин.

Паркер вжался в пол, оставив на столе бесценный блокнот.

Лукас и Кейдж ползком выбрались в коридор. Тоуб Геллер вместе с креслом подался назад, но кресло попало ножкой в выщербину на полу и опрокинулось. Экран взорвался – в него угодила добрая дюжина пуль.

В обстреле наступила пауза, после чего Копатель – он вел огонь откуда-то сверху, быть может, с крыши – взял ниже и начал стрелять по кастрюле с фруктами. Ее тоже поставили на подоконник не просто так. Пули рикошетили от нее, высекая искры, которые попали в бензин. Горючее полыхнуло.

Взрыв выбросил Паркера в коридор.

– Тоуб! – крикнул он, пытаясь вернуться в гостиную. Но стена пламени не пускала его, а Копатель все стрелял и стрелял.

Скорчившись в коридоре, Лукас кричала в свой сотовый, Кейдж – в свой:

– Вызовите пожарных… Один агент выведен из строя. Считайте, два. Стрелок все еще снаружи. Где именно?

– Тоуб! – опять крикнул Паркер.

– Эй, кто-нибудь! – отозвался Геллер. – Помогите!

За языками пламени Паркер время от времени мельком видел скорчившегося на полу человека. Копатель непрерывно обстреливал охваченную огнем гостиную. Скоро Геллера совсем не стало видно. Стол, на котором лежал желтый блокнот, судя по всему, был объят пламенем.

– Тоуб! – крикнул Кейдж и попытался проползти в комнату, но нестерпимый жар и новые залпы заставили его повернуть назад.

Сквозь рев и треск до них доносился затихающий голос несчастного Тоуба Геллера.

– Помогите! Скорей! Помогите…

Лукас предприняла последнюю попытку прорваться в гостиную, но успела преодолеть всего пару метров, когда перед ней обрушилась балка. Паркер помог ей добраться до выхода в тот самый миг, когда в коридор вырвался вихрь желто-черного пламени.

И вот уже они вместе с другими агентами скатились по ступенькам крыльца. Кейдж и Лукас, несмотря на мучительный кашель и слезящиеся глаза, инстинктивно пригнулись и обвели взглядом крыши в поисках цели.

Арделл прижимал к плечу «М-16», а Лен Харди вертел головой, размахивая револьвером. Никто не видел цели.

Бейкер говорил по сотовому:

– Он находился к востоку от нас и стрелял вниз под небольшим углом. О'кей… Где?.. О'кей. Поосторожней. – Какое-то время он молча ждал, затем встрепенулся, когда заговорили на том конце, спросил: – Мертвы? Господи… Исчез? – Поднялся и подошел к Кейджу: – Он пробрался в здание у нас за спиной. Убил супругов, живших на втором этаже. Скрылся через проулок. Никто его не видел.

Паркер оглянулся на объятый пламенем дом. Эх, Тоуб… И все улики тоже сгинули. Ну, почему он раньше не поглядел на вторую страницу? Почему потратил драгоценные секунды на лабиринты?

– Эй, там! – послышался крик. – Нужна ваша помощь.

Паркер, Лукас и Кейдж обернулись и увидели агента в фэбээровской ветровке, который бежал к проулку у горящего здания.

– Там кто-то есть, – позвал он.

На земле в облаке сизого дыма лежал на боку человек. Паркер посчитал его мертвым, но тот вдруг поднял голову и хрипло прошептал:

– Погасите!

– Тоуб! – рванулась к нему Лукас.

Молодой агент, должно быть, проскочил сквозь огонь и выпрыгнул из окна. К нему подбежал санитар:

– Кости целы?

Но Геллер хрипел, как безумный, указывая на костерок у своей ноги:

– Погасите! Блокнот! Потушите!

Паркер пригляделся – блокнот. Тоуб Геллер решил плюнуть на компьютер и спасти записи преступника. Но теперь их уничтожало пламя. Паркер сорвал куртку и положил ее на горящий блокнот.

– Берегись! – крикнул кто-то.

Паркер поднял глаза: в трех метрах от него грохнулся оземь большой кусок горящей дощатой обшивки. В воздух взметнулся сноп искр. Не обращая на них внимания, Паркер осторожно поднял куртку и оценил повреждение бумаги.

– Нужно отсюда мотать, – сказал санитар и помахал напарнику, который поспешил к нему с носилками. Уложив на них Геллера, они потрусили прочь, увертываясь от падающих сверху обломков.

– Придется отходить, – крикнул пожарный в черном плаще. – Эта стена не выдержит.

– Одну минуту, – ответил Паркер и глянул на Лукас: – Уходите, живо!

– Вам нельзя здесь оставаться, Паркер. – Она отошла на пару шагов и остановилась.

– Пепел чертовски ломкий! Я не могу его тронуть.

Попытаться поднять блокнот значило обратить сгоревшую бумагу в щепотку золы, и тогда надежде восстановить написанное можно было сказать «прощай». С крыши упал желоб и вонзился в землю в полуметре от Паркера.

– Паркер, – еще раз позвала Лукас, – идемте!

Но Паркеру пришла в голову одна мысль. Он подбежал к полуподвальному окну соседнего дома и выбил ногой стекло. Выбрал четыре осколка, вернулся с ними к остаткам блокнота, опустился на колени. Затем осторожно поместил два листа сгоревшей бумаги, единственные, на которых имелись записи, между осколками. Вокруг рушились балки, кирпичи и горящие доски, а Паркер медленно шел, выпрямившись во весь рост и держа обколотые куски стекла прямо перед собой – так официант разносит на фуршете поднос с бокалами.

Еще один снимок. *Чик.*

Генри Чисмен стоял в проулке, выходящем на улицу напротив горящего дома. Искры медленно возносились в небо.

Крайне важно зафиксировать это событие. Трагедия мгновенна и скоропреходяща. А горе нет. Горе неизбывно. *Чик.* Новый снимок.

Фотография: женщина-полицейский, по лицу ручейками струится кровь.

Фотография: блики огня на хромированных частях пожарных машин.

Когда Чисмен добрался до дома-укрытия, пожар уже начался и агенты с полицейскими вываливались наружу. Ему оставалось только снимать. *Чик, чик, чик…* Сколько он ни снимал, ему все было мало. Его обуревало желание зафиксировать горе во всех подробностях.

Посмотрев вдоль улицы, он заметил того, кто назвал себя Джефферсоном. Мужчина что-то опустил на капот автомобиля и наклонился прочитать. Журнал? Нет, предмет блестел, как кусок стекла. Мужчина стянул с себя кожаную куртку и бережно, затаив дыхание, обернул в нее стекло – так отец мог бы укутать младенца, чтобы вынести в холодную ночь.

За вычетом Тоуба Геллера, который находился в больнице, вся группа собралась в штаб-квартире ФБР. Маргарет Лукас говорила по телефону. Паркер посмотрел на нее, она ответила загадочным

взглядом, который заставил его припомнить слова Кейджа, сказанные в машине на обратном пути.

– Что думаешь о Лукас? – спросил агент.

– Что думаю? Хороший профессионал. Добьется успехов.

– Я не о том. Что ты думаешь о ней как о женщине?

– Ты что, хочешь меня с ней свести?

– Конечно, нет. Я только хочу, чтобы у Маргарет было больше друзей. Она не замужем, парня у нее тоже нет. Не знаю, заметил ты или нет, но она красивая. Как, по-твоему?

Паркера она, разумеется, привлекала – и не одним внешним видом. Но Кейджу он ответил:

– Она ждет не дождется конца этого дела, чтобы больше меня не видеть.

– Ты так считаешь? – спросил агент.

– Я наступаю ей на мозоль, а ей это не по вкусу. Ну, так у меня для нее новость – буду и впредь наступать, если решу, что так надо.

– Послушай, она сама могла так сказать. Вы двое – пара...

– Кейдж, уймись. Почему ты считаешь, что это не ее, а мое дело?

Подумав, агент ответил:

– Может, она тебе завидует.

– Завидует? Мне? Как это?

– Не мне объяснять. Подойди к этому как к одной из своих головоломок. Либо догадаешься сам, либо ответ даст она. Ей решать. Но я не стану тебе подсказывать.

Теперь Лукас небрежно писала и просматривала свои заметки, а Паркер за ней наблюдал. Метод Палмера. Почерк четкий и экономный. Без глупостей.

Паркер положил осколки на смотровой стол, взял бутылочку раствора нашатыря и принялся протирать сберегающие бумажный пепел стекла.

Лукас захлопнула крышку своего сотового:

– Укрытие полностью уничтожено. На пожарище работают эксперты, но там ничего не осталось. От компьютера с дисками ни крупинки.

– А что с домом, откуда стрелял Копатель? – спросил Кейдж.

– Чистяк. На этот раз нашли гильзы, но он был…

– В перчатках, – вздохнул Паркер.

– Никаких следов.

Паркер кончил протирать стекла и занялся документами. Он изучил то, что осталось от обеих страниц. К его глубокому огорчению, превратившиеся в пепел страницы сильно осыпались. Однако на более крупных фрагментах пепла еще можно было кое-что прочитать. Для этого их следовало поместить под инфракрасное освещение.

Паркер осторожно положил листки под инфракрасный излучатель. Взяв лупу, которую нашел на столе, он подумал со злостью: «Копатель только что уничтожил мою антикварную лейтцевскую за пятьсот долларов».

Харди взглянул на листки:

– Он рисовал лабиринты.

Паркер изучил каждый кусочек по отдельности, особое внимание уделив тому, на котором упоминался Театр Мейсона.

– Название объектов, где Копатель уже побывал, читаются четко. Но два следующих… Не могу разобрать. Последний… Записывайте, – попросил он Харди.

Молодой детектив схватил ручку и бумагу:

– Диктуйте.

– Вроде бы «водил тебя…». Минутку, «…водил тебя туда». Затем тире. Дальше «черный». Нет, «к черной». Далее дырка – бумага выгорела.

Харди прочитал:

– «…водил тебя туда – к черной…»

Паркер поднял глаза:

– Черт, что за место он имеет в виду?

Догадок ни у кого не возникло.

– Что о восьмичасовом ударе? – спросил Кейдж. – Нам об этом подумать бы в первую очередь. Осталось меньше часа.

Паркер всмотрелся в третью строчку – прямо под упоминанием о Театре Мейсона. Низко склонившись, он изучал ее целую минуту, а потом продиктовал:

– «…двух милях к югу. Р…» «Р» прописная. После нее пепел раскрошен.

Взяв запись, Паркер подошел к доске на стене лаборатории и написал, чтобы все могли прочитать:

…двух милях к югу. Р…

…водил тебя туда – к черной…

– Что это может означать? – спросил Кейдж, но Паркеру ничего не приходило в голову.

Дверь отворилась, и Паркер глазам своим не поверил: в лабораторию нетвердой походкой вошел Тоуб Геллер. Молодой человек переоделся и вроде бы принял душ, но от него пахло дымом, и он время от времени кашлял.

– Эй, парень, тебе здесь делать нечего, – заметил Кейдж.

– Ты с ума сошел? Живо домой, – приказала Лукас.

– В жалкую холостяцкую квартирку? Отменив последнее свидание с той, которую можно теперь твердо считать моей бывшей девушкой?

Он рассмеялся, но смех перешел в кашель. Тоуб сдержал его и сделал глубокий вздох.

– Моим ожогам даже не присвоили степени, – пояснил он. – Словно я позагорал в Южной Каролине. Я в порядке. – Он снова закашлялся. – Ну, если не брать в расчет легкие. На каком же мы свете?

– Вы о блокноте? – посетовал Паркер. – Как ни грустно, но нам удалось разобрать совсем мало.

– Жаль.

Лукас подошла к столу и встала рядом с Паркером.

– Хм-м. Какие-то из этих фрагментов могут сложиться в букву, идущую за «Р», верно? – спросила она, показывая на сотни крошечных кусочков пепла.

– Могут.

– И что вам это напоминает?

– Головоломку-мозаику, – прошептал Паркер. – Тоуб, существуют компьютерные программы, выстраивающие анаграммы?

– Анаграммы? Что это такое?

Ответил Арделл:

– Составление разных слов из набора букв. Например: «бар», «раб», «бра».

– Конечно же, – рассмеялся Геллер. – Гениально. Сосканируем образец почерка из письма и получим стандартные начертания букв. Затем я сфотографирую кусочки пепла цифровой камерой с

инфракрасным светофильтром, нивелирую тональность сгоревшей бумаги. Останутся фрагменты букв, компьютер способен их составить.

– Получится? – спросил Харди.

– Конечно. Только не знаю, сколько понадобится времени.

Геллер сделал цифровой камерой несколько снимков пепла и один – письма шантажиста. Подключил камеру к компьютеру и начал загружать изображение.

Все молчали. Поэтому звонок сотового Паркера прозвучал особенно резко. Открыв телефон, он увидел на определителе свой домашний номер.

– Слушаю!

При звуке напряженного голоса миссис Кавано у него замерло сердце.

– Паркер…

Он услышал, как всхлипывает Робби.

– Что случилось? – спросил он, стараясь не паниковать.

– Все в порядке. Робби просто испугался. Ему показалось, что на заднем дворе он увидел того мужчину. Лодочника.

Только не это…

– Там никого не было. Я включила во дворе свет. Собака мистера Джонсона снова сорвалась с цепи – только и всего. Но он испугался.

– Дайте Робби трубку.

– Папа! Папа!

Его голос ослабел от страха.

– Эй, Робби! – бодро произнес Паркер. – Что стряслось?

– Мне показалось, я его видел. Лодочника. В гараже.

Паркер разозлился на себя. Он поленился опустить дверь, а внутри полно хлама, который может сойти за силуэт незваного гостя.

– Помнишь, что надо делать?

Сын ответил не сразу.

– Я взял щит.

– Умница. А шлем? – Паркер поднял глаза и перехватил восхищенный взгляд Лукас. – У тебя есть шлем?

– Да.

Было так тяжело слышать голос сынишки и сознавать, что он сам сейчас должен сделать. Паркер обвел взглядом лабораторию и подумал: «Можно, если повезет и достанет сил, порвать с зависимостью от жен, любовниц или коллег, но не от детей. От них – никогда. Они навсегда забираются в сердце». В телефон он произнес:

– Скоро буду. Не волнуйся.

– Правда?

– Примчусь на всех парах.

Паркер отключился. Все в оцепенении уставились на него.

– Мне нужно ехать. Но я вернусь.

– Послушай, Паркер, – начал было Кейдж, – мне жаль, что он испугался, но...

Маргарет Лукас оборвала его взмахом руки:

– Копатель никак не мог прознать о вас, но я пошлю двух агентов дежурить у вашего дома.

Паркер решил, что это преамбула к уговорам остаться. Но она тут же добавила:

– Ваш сынишка... езжайте к нему. Обрадуйте.

Паркер некоторое время смотрел ей в глаза, гадая, нашел ли он «ключ» к головоломке по имени «спецагент Лукас».

Он собрался поблагодарить ее, но внезапно почувствовал, что любая демонстрация благодарности и вообще любой ответ разрушит хрупкое равновесие между ними. Он просто кивнул и поспешно вышел.

Фрагмент за фрагментом. На экране Тоуба Геллера они занимают свои места. Все еще путаница.

Маргарет Лукас повернулась к доктору Эвансу – тот изучал письмо шантажиста. Психолог отхлебнул кофе, долил еще из термоса и сказал:

– У меня появились кое-какие соображения.

– Поделитесь.

– Исходя из того, что мы наблюдали, я думаю, Копатель всего лишь инструмент. Скажем так – «портрета не имеет». Анализировать его бессмысленно – с тем же успехом можно анализировать винтовку. Но сам преступник, мужчина в морге, – совсем другое дело. Высокоорганизованный правонарушитель. Он все блестяще спланировал. На каждый ход у него имелся запасной. И оружие он подобрал безотказное – человеческое существо, умеющее лишь убивать.

– Кинкейд сказал, что он был прекрасно образован, – заметила Лукас. – Он попытался замаскировать это в письме, но Паркер его раскусил.

Эванс немного подумал.

– Как он был одет?

Арделл нашел описание и зачитал его. Эванс подытожил:

– Дешевая одежда. Не совсем то, что ожидаешь от человека, способного организовать подобное и потом требовать двадцать миллионов долларов.

– О чем это говорит? – поинтересовалась Лукас.

– Я вижу в этом классовый подход, – объяснил Эванс. – Мне кажется, он предпочитал убивать богатых, а не бедных.

– Но в первый раз Копатель валил всех без разбора, не только богатых, – сказал Харди.

– Учтите где – на Дюпон-серкл. Это же царство яппи. А Театр Мейсона? Билеты стоили, должно быть, долларов по шестьдесят. Думаю, он имел на богатых зуб.

– Почему? – спросил Кейдж.

– Пока не знаю, но он их ненавидел. Мы должны помнить об этом, пытаясь вычислить его следующую цель.

Лукас подвинула к себе фотографию покойника и вгляделась в нее. Что у него было на уме? Каковы были его мотивы?

– Постойте, – произнес Геллер. – Что-то вырисовывается.

Все склонились к экрану, на котором были слова: «…двух милях к югу. Р…». Дальше компьютер подставлял комбинации букв из фрагментов пепла. Теперь за «Р» стояла «и» и формировалась третья буква.

– Та самая латинская «i» со странной капелькой, о которой упоминал Паркер, – заметил Геллер.

– «Слеза дьявола», – прошептала Лукас.

– Верно, – кивнул Геллер. – За ней… тоже буква.

– Какая именно? – шепотом спросил Харди.

– Очень нечеткая, – пробормотала Лукас. – С хвостиком. – Она перегнулась через плечо Геллера: – Напоминает циркуль ножками вверх. Может, «х»?

Кейдж вздернул голову:

– Циркуль? Может, это «ц»?

– Риц, – прочитал Харди. – Может, «Риц-Карлтон»?

– Наверняка «Риц-Карлтон». Он по-прежнему целит в богатых! – воскликнула Лукас.

Геллер, не вставая с кресла, подъехал к другому компьютеру. Через пять секунд на экране появился телефонный справочник.

– Два «Рица». Один на Тайсонс-корнер, второй – в Пентагон-Сити.

– Но оба за пределами округа. Паркер говорил, что он будет действовать в округе, – возразила Лукас.

– Возможно, сначала так и задумывалось, но он знал, что мы начнем облаву, и решил поменять правила игры, – сказал Эванс.

– Какой же из двух? – спросил Кейдж.

– Рисковать не будем. Охватим оба, – заключила Лукас.

Она позвонила Джерри Бейкеру и назвала ему последний объект.

– Я хочу, чтобы мобилизовали всех оперативников в округе и на севере Виргинии. Тебе это не понравится, но никаких шлемов-касок, – добавила она. На языке Бюро это означало: в штатском.

– Уверена? – с сомнением спросил Бейкер.

– Придется, Джерри. Один раз мы чуть было не схватили этого типа, теперь он будет пугливей оленя. Заметит что-нибудь необычное – и будет таков. Всю ответственность беру на себя.

Лукас повесила трубку. Лен Харди смотрел на нее во все глаза:

– Собираетесь идти в штатском? То есть из отелей никого не эвакуируют?

– Никого. Он не должен ничего заподозрить.

– Детей хотя бы эвакуируйте, – взмолился Харди.

– Нет. Попробуем эвакуировать кого бы то ни было – все сразу узнают и начнется паника.

– Так вы просто надеетесь на лучшее?

– Нет, – ответила Лукас. – Мы собираемся остановить его. – Взгляд на Эванса: – Доктор, не могли бы вы остаться здесь? – Взгляд на Харди: – Вы сидите на связи. Кейдж, пойдем. Мне надо заглянуть в свой офис – переодеться в вечернее платье. Мы не должны выделяться.

– У него для нас хорошие новости, – сообщил Уэнделл Джеффриз.

Мэр Кеннеди знал, что помощник имел в виду Слейда Филлипса. Кеннеди только что дал очередную пресс-конференцию. Он мог отчитаться лишь о моральном состоянии нескольких потерпевших, которых навестил в больницах.

– Он выйдет в эфир в десять, – сказал Джеффриз.

– С чем?

– Не говорит.

Зазвонил телефон. Джеффриз ответил:

– Алло? – Пауза. – Конечно. Подождите. – Он передал трубку Кеннеди: – Это интересно.

– Да? – произнес тот в трубку.

– Мэр Кеннеди? Говорит детектив Лен Харди. Я тут подумал… Про то, о чем мы разговаривали.

Кеннеди выпрямился в кресле:

– Продолжайте.

– Мне кажется, она совершает ошибку. Я должен что-то предпринять.

– Лукас?

– Они выяснили, что стрелок собирается нанести удар в «Риц-Карлтоне».

– В Пентагон-Сити?

– Уверенности нет. Возможно, там. А может, на Тайсонс-корнер. Но Лукас не проводит эвакуации. Она…

– Погодите. Они знают объекты и никому не говорят?

– Нет. Думаю, она собирается использовать людей как приманку. По-другому и не скажешь.

– В восемь?

– Да. Мэр, я больше не могу разговаривать. Я вспомнил ваши слова и просто должен был вам сообщить.

– Вы правильно поступили, детектив.

– Надеюсь. Очень надеюсь.

Кеннеди повесил трубку и встал.

– Он собирается напасть на «Риц», – сказал он Джеффризу. – Возможно, в Пентагон-Сити. Пусть подадут машину и обеспечат полицейский эскорт.

Мэр решительно направился к двери, и Джеффриз бросил ему вслед:

– Как насчет телевизионщиков? Я могу обеспечить оператора, который работает с Филлипсом.

– Свяжись с ними.

Оба неловко стоят в номере мотеля, Копатель и мальчик, бок о бок, руки скрещены на груди, и смотрят телевизор. Изображение на экране выглядит знакомым. Это театр. Место, где Копатель должен был стрелять, крутясь волчком. Где он хотел крутиться, но не смог. Театр, куда… *щелк*… куда полиция пришла его убить.

Он смотрит на мальчика, мальчик смотрит в телевизор. Мальчика зовут Тай. Кожа вокруг правого глаза у него немного темнее его темного лица. Копатель знает, что мужчина, которого он убил, много бил мальчика. Он счастлив, что застрелил мужчину. Что бы ни значило слово «счастье».

Копателю хочется знать, что бы подумал о мальчике тот, кто ему приказывает. Мальчик видел его лицо, но убивать его кажется... *щелк*... кажется неправильным.

И мне кажется, с каждым днем

Я люблю тебя все сильней.

Он идет на кухоньку и открывает жестянку с супом. Наливает немного в миску. Смотрит на худые руки мальчика и наливает еще. Разогревает суп в микроволновке и ставит миску перед мальчиком. Дает ему ложку.

Мальчик делает глоток, затем другой. Потом перестает есть. Он смотрит на экран телевизора. Его маленькая голова клонится набок, и Копатель понимает, что он устал. Копатель показывает на кушетку, мальчик идет и ложится. Копатель достает одеяло и укрывает мальчика. Он говорит ему:

– Я ухожу... *щелк*... я ухожу.

– Ты вернешься? – бормочет мальчик.

Копатель кивает головой, головой с маленькой вмятинкой над виском:

– Я вернусь.

Мальчик закрывает глаза. Копатель подтягивает одеяло повыше.

Он подходит к стенному шкафу и достает коробку с патронами. Перезаряжает «узи», затем перенабивает глушитель.

Копатель смотрит на порванный пакет со щенками. Он собирается скомкать и выбросить его, но вспоминает, что Тай смотрел на пакет и, кажется, тот ему нравился. Копатель разглаживает пакет и кладет

рядом с мальчиком, так что если он проснется, пока Копателя не будет, то увидит щенков и не испугается.

Копатель кладет «узи» в новый пакет – коричневый бумажный пакет, натягивает темное пальто и перчатки и выходит из номера.

Внизу он садится в свою чудесную «тойоту-короллу» и открывает бардачок. Там несколько пистолетов. Он берет один и кладет в карман.

«После театра, – предупреждал тот, кто ему приказывает, – еще больше полицейских начнут охотиться за тобой. Будь осторожен. Если кто-нибудь увидит твое лицо…»

Паркер был с Робби наверху, в комнате мальчика. Сидя в кресле-качалке, он читал сыну «Хоббита».

Когда Паркер вернулся домой, лицо сынишки просветлело. Взяв его за руку, Паркер провел его к заднему крыльцу и еще раз показал, что ни в саду, ни в гараже никого не было.

Стефи крепко обняла отца и спросила, как себя чувствует его больной знакомый.

– Хорошо, – ответил Паркер, тщетно пытаясь найти хоть крупицу правды в оправдание собственного вранья. Ох уж это чувство родительской вины…

Стефи с одобрением смотрела, как Робби и Паркер идут наверх читать книгу. Она могла бы подняться с ними, но вместо этого исчезла на кухне, сообщив:

– Я готовлю Робби сюрприз.

Читая, Паркер время от времени поглядывал на лицо сына. Глаза мальчика были закрыты, он выглядел довольным.

– Хочешь, чтобы я продолжал? – шепнул Паркер.

Сын не ответил. Паркер положил книгу на колени и остался сидеть в кресле, раскачиваясь взад-вперед. Он смотрел на сына, в очередной раз переживая – правильно ли он воспитывает детей. В конце концов, он ведь изолировал их от матери. Поступил ли он так ради них или чтобы избавиться от собственного несчастья? До свадьбы Джоун казалась такой милой. Но потом он понял, что в основном это было притворство. После рождения Ктошей, когда семейная жизнь потребовала ответственности, труда и самопожертвования, Джоун дала волю своему нелегкому нраву. Паркер возил ее на сеансы к психотерапевту, брал на себя львиную долю заботы о детях, пытался ее веселить, устраивал вечеринки, они много путешествовали.

Одной из тайн, которые Джоун от него утаила, был наследственный алкоголизм. Он с удивлением выяснил, что она пьет много больше, чем он полагал. Время от времени она проходила программу «12 шагов», но после каждый раз срывалась. Она все дальше и дальше отдалялась от него и детей. А потом случилось То Самое. В июне, четыре года тому назад.

Паркер вернулся с работы домой и обнаружил, что Джоун дома нет, а за Ктошами присматривает приходящая няня. Само по себе это не было необычным или тревожным. Но, поднявшись наверх поиграть с детьми, он сразу заметил, что Стефани пьяна. Ее взгляд блуждал, а лицо лоснилось от пота. И она, и ее брат, казалось, прячут глаза.

Мальчик украдкой косился на ящик с игрушками. Паркер подошел к ящику, и Робби заплакал, умоляя не открывать крышку. Но он, разумеется, открыл. И замер, глядя на спрятанные там Джоун бутылки с водкой.

Стефи попробовала подражать мамочке, выпив из своей кружки с Винни Пухом.

– Мамочка велела ничего не говорить о ее тайне, – сказала она, плача. – Она говорила, что ты очень-очень рассердишься и будешь на нас кричать.

Два дня спустя Паркер подал на развод. Джоун упорно боролась, но так, как борются за коллекцию марок или спортивный автомобиль, а не за то, что любишь больше самой жизни. И в конце концов,

потратив несколько мучительных месяцев и десятки тысяч долларов, Паркер оставил детей себе.

Он решил положить все силы на то, чтобы наладить свою жизнь и обеспечить нормальную жизнь детям. И смог – за последние четыре года. Но снова возникла Джоун.

– Папа, – произнес Робби, – ты перестал читать.

– Я думал, ты уснул, – рассмеялся Паркер.

– Просто мои глаза отдыхали. Они устали, а я – нет.

Паркер взглянул на часы. Без четверти восемь. Пятнадцать минут до… Нет, сейчас не думать об этом.

Он взял книгу и снова начал читать.

Глава седьмая

19.45

Маргарет Лукас с Кейджем стояли в вестибюле отеля «Риц-Карлтон», где толпились сотни людей, собравшиеся на последний ужин уходящего года. На Лукас был темно-синий шерстяной костюм с длинной плиссированной юбкой – она сама его сшила. Она специально сделала выточку в жакете, чтобы закрепленный на бедре «Глок-10» не портил силуэта.

Лукас и Кейдж разглядывали постояльцев, коридорных, служащих. Никто и отдаленно не отвечал расплывчатому портрету Копателя. До нее вдруг дошло, что они стоят, скрестив на груди руки – сразу видно: принарядившиеся агенты ФБР при исполнении секретного задания.

– Скажи что-нибудь забавное, сделай вид, будто мы непринужденно болтаем.

– Что ты думаешь о Кинкейде? – улыбнулся Кейдж.

Вопрос застал Лукас врасплох.

– О Кинкейде? Не знаю.

– Да знаешь ты, знаешь, – гнул свое Кейдж. – Я жду.

– Прекрасный криминалист, но не оперативник.

– Неплохо, – одобрил Кейдж.

Они изучили с дюжину потенциальных кандидатов в Копатели, но Лукас их забраковала, руководствуясь каким-то внутренним чувством, природу которого и сама не сумела бы объяснить. Минуту спустя Кейдж заметил:

– Он хороший человек.

– Знаю. Он нам сильно помог.

– Лишился родителей, едва окончив колледж. Потом, несколько лет назад, сражался за опеку над детьми – жена оказалась психопаткой.

– Не повезло. А что с ними случилось? С родителями?

– Попали в аварию. У его матери тогда только что нашли рак. Отец вез ее в Центр Джонса Хопкинса на химиотерапию, и тут в них врезался грузовик. Отец у Кинкейда был профессор истории, я пару раз с ним встречался. Славный мужик.

– Да? – рассеянно пробормотала Лукас.

– Кинкейд – стойкий парень, – заметил Кейдж. – И умница. Видела бы ты его за головоломками и задачками.

– Ага. Не сомневаюсь, он просто великолепен. Послушай, Кейдж, мне нужен липовый собеседник, а не сват.

– Я всего лишь хочу сказать, что такие, как Кинкейд, на дороге не валяются.

– Угу. Кейдж, от нас здесь требуется сосредоточенность.

Но сама она никак не могла сосредоточиться. Ее мысли были заняты Кинкейдом.

Стало быть, он тоже прошел через испытания – смерть близких и развод. И битву за право растить детей. Мысли о нем привели ей на память открытку. Открытку от Джои.

Том отправился с Джои погостить у своих родных в Огайо. Из гостей они не вернулись. Ее шестилетний сын перед вылетом отправил из аэропорта открытку – всего за полчаса до того, как «Боинг-737» рухнул на обледенелое поле.

Мальчик не знал, что на открытку нужно наклеить марку. Должно быть, он просто бросил ее в почтовый ящик, а отец не обратил внимания. Открытка пришла через неделю после похорон. Наложенным платежом.

«Мамочка нам тут очень весило. Мы с бабушкой пекли печенье. Я без тебя скучаю. Мамочка я тебя люблю…»

Обручальное кольцо она хранила в коробочке для драгоценностей, но открытку носила с собой… и будет носить до самой смерти.

А Кейдж все пытается свести ее с Кинкейдом. Но та же самая интуиция, благодаря которой она была хорошим копом, ей подсказывала: у них нет совместного будущего. Насколько это вообще для нее возможно, она уже возвратилась к «нормальной» жизни. У нее есть пес Жан-Люк. Есть приятели, есть компакт-диски, есть спортивный клуб. Нет, она знала, что после нынешнего вечера уже не увидит Паркера Кинкейда.

В микронаушнике затрещало – ее вызывал Арделл, который дежурил внизу при въезде в гараж:

– Маргарет, у нас проблема. Здесь мэр, при нем дюжина полицейских и съемочная группа.

– Иду.

– Ваша честь, это операция ФБР. Я обязана попросить вас немедленно удалиться.

Они находились в подземном гараже отеля. Лукас сразу отметила: попасть сюда можно только по билету. Это значило, что номерные знаки машины регистрируются, что в свою очередь означало: Копатель проникнет в отель не этим путем, не через гараж. Однако мэр Кеннеди и его свита направлялись к главному выходу на Эспланаду, где их будет видно издалека.

Кеннеди посмотрел на Лукас с высоты своего роста – он был сантиметров на двадцать выше ее.

– Эвакуируйте людей, – произнес он. – И из «Рица» на Тайсонс-корнер тоже. Когда появится убийца, дайте мне возможность с ним поговорить.

– Этого делать нельзя. Он поймет, что что-то не так.

– Тогда хотя бы предложите им вернуться в свои номера.

– Большинство даже не постояльцы и пришли сюда на ужин. – Лукас обвела взглядом выход на Эспланаду и яростно зашептала: – Он может объявиться в любую минуту. Вы и ваши люди должны уйти сию же секунду.

Кеннеди посмотрел на помощника. Репортер снимал происходящее на видеопленку.

– Я не позволю ФБР ставить под угрозу человеческие жизни. Я намерен…

– Агент Арделл, – приказала Лукас, – арестуйте мэра.

– Вы не имеете права, – огрызнулся Джеффриз.

– Еще как имеет, – заметил Кейдж.

– А теперь уведите его отсюда, – распорядилась Лукас.

– Поместить в КПЗ?

– Нет, просто присматривайте за ним до завершения операции.

– Сейчас я вызову моего адвоката и… – начал мэр.

Лукас охватил гнев.

– Мэр, вы мешаете проведению операции. Либо я вас отпускаю под наблюдение агента Арделла, либо отправляю в камеру предварительного заключения. Выбирайте.

– Хорошо, – произнес Кеннеди, немного помолчав, и кивнул в сторону отеля: – Но если там прольется кровь, она будет на вашей совести.

– Само собой. Действуйте, Арделл.

Лукас и Кейдж вернулись в отель.

– Вот черт, – сказал Кейдж. – Раз Кеннеди узнал, что мы здесь, значит, где-то утечка. Догадываешься где?

– Не догадываюсь – знаю.

Она достала сотовый и набрала номер.

– Детектив, – произнесла она, когда ей ответил Лен Харди, – назовите причину, которая остановит меня от подачи рапорта федеральному прокурору.

Она ожидала, что он начнет отрицать свою вину или хотя бы изворачиваться, но Харди удивил ее:

– Кеннеди искал возможности переговорить со стрелком. Я ему такую возможность предоставил.

– Зачем?

– Потому что вы были готовы пожертвовать людьми. А Кеннеди сказал, что сумеет уговорить его взять деньги. Он…

– Он появился с телевизионщиками, вам это известно?

В голосе Харди поубавилось уверенности:

– Что-что?

– Он рисовался перед СМИ. Если б Копатель увидел юпитеры, он бы слинял и нашел новую цель.

Пауза.

– Простите, Маргарет, – вздохнул детектив. – Мне просто не хотелось, чтобы кто-нибудь еще погиб. Простите.

Лукас знала, что обязана вышвырнуть его вон из группы, но подумала о молодом человеке, который возвратится в безмолвный дом – в такой же целый год возвращалась и она после гибели Тома и Джои. И проведет он праздник один, скорбя о жене – не живой и не мертвой.

Он, казалось, почувствовал ее нерешительность и сказал:

– Больше такого не повторится.

– Ладно, после поговорим.

Лукас захлопнула крышку сотового. До восьми оставалось несколько минут.

Через поручни яхты они смотрели на черную воду, ели креветок, болтали о винах, о процентных ставках, о близких выборах и о скандалах в Конгрессе. Большинство мужчин были в смокингах, большинство женщин – в темных платьях, чуть-чуть не доходивших до покрытой лаком палубы.

Сотни людей заполнили длинную трехпалубную яхту. Красивые, статные, они все как один были счастливы и преисполнены благодарности. Благодарности за возможность полюбоваться полуночным фейерверком, за праздник, за сад земных наслаждений на борту роскошной яхты «Леди Риц», которая царственно покачивалась у причала на реке Потомак.

В самом начале девятого Робби надоел «Хоббит», и он сел за компьютерную игру. Он уже совсем успокоился. Паркеру же не терпелось узнать о Копателе и об исходе последнего нападения.

Он спустился вниз. На кухне Стефи под руководством миссис Кавано оттирала кастрюлю. Из жженого сахара она слепила елочку, которая теперь трогательно скособочилась на блюдечке.

– Великолепно, Ктоша, – похвалил Паркер. – Робби будет в восторге.

Он направился к телефону, но, увидев лицо дочери, остановился и обнял ее за плечи:

– Прости, что нынче вечером все у меня шиворот-навыворот. Но ты же знаешь про моего знакомого, детка? Может, мне придется снова пойти с ним посидеть.

– Знаю, – сказала она. – Иногда ты весь дома, а иногда не весь. Когда ты сегодня пришел, ты был не весь.

– Завтра я весь буду дома. Обещали снегопад. Хочешь покататься на санках?

– Еще как! Можно я сварю горячего шоколада?

– Свари, конечно.

Паркер крепко ее обнял и пошел в подвал позвонить, но остановился, различив за оконной занавеской человека в темном пальто. Паркер опустил руку в карман и погладил холодную сталь револьвера.

Только бы не снова... Он подумал о Лодочнике, о той жуткой ночи. *Револьвер очень громко стреляет...*

В дверь позвонили.

– Я открою, – крикнул Паркер.

Не вынимая руки из кармана, Паркер посмотрел в дверное оконце и узнал агента ФБР, которого уже видел этим вечером. Паркер успокоился и открыл дверь. На крыльцо поднялся второй агент.

– Агент Кинкейд? Агент Лукас прислала нас приглядеть за вашей семьей.

Паркер кивнул и оглянулся проверить, не подслушивает ли Стефи.

– Спасибо. Только поставьте машину так, чтобы не было видно из дома.

– Само собой, сэр.

Паркер посмотрел на часы и с облегчением вздохнул. Если б Копатель нанес очередной удар, Кейдж или Лукас непременно бы позвонили.

– Того, кто устроил побоище в метро, этого Копателя, взяли? – спросил он.

Агенты переглянулись, и у Паркера упало сердце.

– Нет, сэр. Стрелок пробрался на борт увеселительной яхты на Потомаке. Одиннадцать человек убил, двадцать ранил. Мы думали, вы знаете.

Господи! Я тут читал детские книжки, а там гибли люди.

В доме зазвонил телефон.

– Агент Лукас не пострадала? А агент Кейдж?

– Нет, сэр. Они находились далеко от судна. Обнаружили наводку – слово «Риц» и решили, что Копатель будет стрелять в одном из отелей «Риц», но ошиблись. Яхта называется «Леди Риц». Не повезло, а?

– Охранник успел пару раз выстрелить, – добавил второй агент. – Спугнул стрелка, а то могло быть и хуже.

Не повезло, а? Нет, дело тут не в везении. Если задача не решается, везение ни при чем. *Три ястреба…*

– Мистер Кинкейд, вас к телефону, – позвала миссис Кавано.

Паркер прошел на кухню и взял трубку, рассчитывая услышать голос Лукас или Кейджа, однако в трубке раздался незнакомый вкрадчивый баритон.

– Мистер Кинкейд? Звонит Слейд Филлипс, я ведущий на Даблью-пи-эл-ти. Мы готовим специальный репортаж о стрельбе по людям в канун Нового года. Пожелавший остаться неизвестным источник

сообщил, что вы играете ведущую роль в расследовании и, возможно, допустили ошибку, из-за которой агенты ФБР были направлены в отель «Риц-Карлтон», тогда как убийца выбрал другой объект. Мы расскажем об этом в девятичасовом выпуске, но хотели бы предоставить вам возможность изложить вашу версию.

У Паркера перехватило дыхание. Доигрался. Теперь Джоун все узнает.

– Без комментариев, – отрезал он и повесил трубку.

Копатель возвращается к себе в мотель.

На судне, где он крутился вол… *щелк*… волчком, и стрелял из «узи», и видел, как люди падают и падают. Там было не так, как в театре. Нет-нет. На этот раз он многих уложил.

Копатель закрывает дверь на ключ и первым делом подходит к койке и смотрит на Тая. Мальчик все еще спит.

Копатель включает телевизор и видит «Леди Риц». Он видит и узнает… *щелк*… мэра. На мэре красивый костюм, он говорит в микрофон, но Копатель его не слышит, потому что не включил звук, чтобы не разбудить Тая.

Он смотрит еще немного, но рекламы не показывают, поэтому он выключает телевизор и говорит про себя: «Спокойной ночи, мэр».

Он начинает неторопливо собирать вещи.

В мотелях уютно. Каждый день убирают в комнате, уносят пустые плошки из-под супа, приносят чистые. Такое даже Памела не делала. Она хорошо управлялась с цветами, хорошо управлялась в постели. Он помнит Рождество, – когда приготовил Памеле суп, а потом вручил подарок.

Он смотрит на Тая. Он заберет мальчика с собой на… *щелк*… на запад. Тот, кто ему приказывает, сказал, что позвонит, когда они закончат в Вашингтоне, и скажет, куда они отправятся дальше.

«Куда же?» – спросил Копатель.

«Еще не решил. Может, на запад. В Калифорнию. Может, в Орегон».

«А-а», – протянул Копатель. Он не представлял, где находятся эти места. Иногда по ночам он думает о поездке на запад. Мальчика он возьмет с собой.

Да, так будет хорошо. Так будет весело. Они смогут есть суп и смотреть телевизор. Он сможет рассказать мальчику о телерекламе.

Памела, жена Копателя, обычно смотрела рекламу с ним вместе. Но у них не было ребенка вроде Тая, который бы смотрел вместе с ними.

«Мне? Иметь от тебя ребенка? Ты что, вконец спятил? Забирал бы свой вшивый подарок и уматывал к черту. Что, человеческого языка не понимаешь? Я уже год как встречаюсь с Уильямом. Весь город знает, один ты не знаешь. Если я захочу иметь ребенка, так рожу от него».

Но люблю тебя тем сильней.

«Что ты делаешь?» *Щелк.* «Положи на место!»

Воспоминания тушканчиками прыгают у него в черепе.

«Не надо!» – визжит она, увидев нож у него в руке.

Надо.

Он еще раз воткнул нож ей в грудь, прямо под золотым распятием, которое подарил ей тем рождественским утром.

Обливаясь кровью, Памела метнулась к стенному шкафу. Обливаясь кровью, заходясь в визге. Подняла револьвер, целясь ему в голову, ее рука расцвела пышным желтым цветком, он ощутил тупой удар в висок.

Через какое-то время Копатель очнулся. Первое, что он увидел, – добрые глаза того, кто потом будет ему приказывать.

Копатель вызывает службу передачи сообщений. Сообщений не поступало. Где он – тот, кто ему приказывает?

Но нет времени думать об этом. Нет времени думать, радостно ему или грустно, что бы ни значили эти слова. Есть время только на подготовку.

В этот раз два ствола. И много-много патронов. Тот, кто ему приказывает, велел в этот раз пристрелить больше людей, чем когда-либо раньше.

Потому что это произойдет в последнюю минуту последнего часа последнего вечера года.

Кинкейд ворвался в лабораторию. К нему подошла Лукас.

– Я получила ваше сообщение, – сказала она. – Этот репортер, Филлипс, добрался до сотрудника нашего отдела по связям с общественностью и каким-то образом выведал ваше настоящее имя.

– Но вы же обещали, – возмутился он.

– Простите, Паркер. Я не знаю, как это случилось.

Доктор Эванс и Тоуб хранили молчание. Кейджа в комнате не было. Паркер позвонил им по дороге. Мысли его лихорадочно метались. Как предотвратить катастрофу? Он всего лишь хотел помочь спасти людей, спасти чьих-то детишек. Теперь у него отберут его собственных. *Конец света…*

Не надо было даже обдумывать просьбу Кейджа о помощи.

На столе стоял маленький телевизор. Паркер включил новости. Было ровно девять часов. На экране появилась студия Даблью-пи-эл-ти. Слейд Филлипс смотрел в камеру до невозможности искренним взглядом.

Добрый вечер. С вами Слейд Филлипс. Одиннадцать человек убиты и двадцать девять получили ранения час тому назад во время третьего из массовых расстрелов, которые сегодня терроризируют Вашингтон. К тому же Даблью-пи-эл-ти стало известно, что полицейских и агентов ФБР направили в отель, где, как ошибочно полагали, убийца нанесет

очередной удар. Точно не установлено, кто именно несет ответственность за ошибку, но информированные источники сообщают…

Филлипс замолк и вздернул голову, слушая голос в микронаушнике. По его лицу пробежала тень. Короткая пауза – и уголки губ у него опустились, как хвост у побитой собаки. Он продолжил:

Информированные источники сообщают, что мэр Джеральд Д. Кеннеди в настоящее время задержан федеральными властями, возможно, в связи с этой неудачной засадой. Итак, на месте самого последнего расстрела находится Черил Вандовер. Черил, не могли бы вы нам рассказать…

Появился Кейдж, облаченный в пальто. Он выключил телевизор. Паркер закрыл глаза и облегченно вздохнул.

– Прости, Паркер, – сказал Кейдж, – сведения, бывает, просачиваются, но мы выполняем обещанное. Да, кстати, не спрашивай, как мне это удалось. Тебе лучше не знать.

Лимузин плавно подкатил к зданию Городского совета. Мэр Джерри Кеннеди только что побывал на Потомаке, где утешал уцелевших и осматривал разрушения. Он и его жена Клэр поразились тому, что натворили пули. Мэр наклонился и выключил портативный телевизор.

– Как он мог? – прошептала Клэр, имея в виду намек телеведущего, что Кеннеди неким таинственным образом повинен в убийствах на судне.

Уэнделл Джеффриз съежился на сиденье:

– Филлипс… Я же заплатил ему, я…

Кеннеди знаком велел ему замолчать. Видимо, его помощник совсем забыл про массивного лысого агента Арделла, который сидел рядом с водителем. Подкуп СМИ, несомненно, относился к преступлениям федерального уровня.

– Что нам теперь делать? – спросил Джеффриз.

– Ждать. Копатель все еще может появиться и потребовать деньги. А приказать заплатить ему могу только я. У меня еще остается шанс встретиться с ним лицом к лицу.

Клэр покачала головой:

– Ему нельзя доверять. Он тебя убьет.

Едва ли убьет бесповоротней, чем это сделали нынче вечером СМИ, подумал Кеннеди.

Оба ствола наконец заряжены, глушители набиты. У Копателя много-много боеприпасов.

Он относит чемодан вниз в машину. Пора отправляться.

Копатель возвращается и несколько минут смотрит на худенького мальчика Тая. Потом заворачивает его в одеяло, относит легкое тельце в машину, укладывает на заднее сиденье, подтыкает под ноги одеяло.

– Хочу, чтобы ты хорошо поспал, – обращается он к неподвижной фигурке.

Он не знает, откуда приходят к нему слова. Из каких-то воспоминаний.

Когда ночью засыпаю,

Тем сильней тебя люблю.

Он заводит автомобиль и трогается в путь.

Третья точка… *водил тебя туда – к черной…*

Патрик Кинкейд стоял перед классной доской, упершись взглядом в задачу.

– К какой такой черной? – пробормотал доктор Эванс.

Кейдж пожал плечами. Лукас разговаривала с сотрудниками ФБР, находящимися на борту «Леди Риц». Закончив, она сообщила группе, что появилось несколько надежных зацепок. Свидетели назвали белого мужчину неопределенного возраста в темном пальто.

Паркер обвел глазами лабораторию.

– А где Харди?

Кейдж рассказал ему об инциденте с мэром в «Рице».

– Она его выгнала? – спросил Паркер.

– Нет. Он в научно-технической библиотеке, замаливает грех.

Паркер бросил взгляд на Геллера – тот не отрывал глаз от дисплея, на котором компьютер безуспешно пытался восстановить утерянные буквы после слова «черной».

– С малышом все в порядке? – спросила Лукас.

– Держится молодцом, просто чуть-чуть испугался.

Она кивнула. Ближайший компьютер объявил: «Вам поступила почта». Лукас прочла сообщение и покачала головой:

– Ничего утешительного.

Паркер не отрывал взгляд от экрана.

– Электронная почта превращает мою профессию в вымирающую. Конечно, с ее появлением люди стали чаще писать друг другу, но…

– Но реже – от руки?

– Вот именно. Мне от этого грустно. Почерк – это часть личности. Одна из тех немногих, что и вправду остаются от человека после смерти. Ближе к бессмертию нам, пожалуй, не подобраться.

– Часть личности? – переспросила Лукас. – Но вы же сами называли графологию чушью.

– Не совсем так. Я имел в виду, что написанное безотносительно к его содержанию отражает натуру писавшего. Сами слова не важны, важен тот факт, что они пришли человеку в голову и он запечатлел их на бумаге. Для меня это граничит с чудом.

Маргарет Лукас поспешила отвести взгляд. Повернув голову, она увидела свое отражение в экране, и ей показалось, что на глазах у нее блестят слезы.

Паркер хотел спросить, что с ней, но тут Геллер оторвался от компьютера и сказал:

– С анаграммой ничего не выходит. На буквы уже не хватает пепла.

Паркер принялся расхаживать, глядя на доску:

– «К черной...»

– Какая-то организация афроамериканцев? – предположил Эванс.

– Возможно. Но не забудьте – шантажист был образованным человеком.

– Что ты хочешь сказать? – хмуро поинтересовался Кейдж, но на его вопрос ответила Лукас:

– Слово «черной» написано с маленькой буквы. Начинайся им название группы, он бы написал его с большой.

– Совершенно верно, – сказал Паркер. – Так что, по-моему, это обычное прилагательное.

Он подошел к смотровому столу, опустил взгляд на «слезу дьявола» над буквой «i» в письме шантажиста. «Что тебе известно? – мысленно обратился он к документу. – Какие тайны ты хранишь?»

– Я тут кое-что раскопал, – объявил с порога детектив Харди, быстрым шагом входя в лабораторию с пачкой бумаг под мышкой. – Выяснил,

откуда взялось прозвище «Копатель». – Он положил бумаги на стол и обратился к доктору Эвансу: – По каким базам данных вы его искали?

– По стандартным, – словно оправдываясь, ответил тот.

– По базам данных правоохранительных структур?

– Само собой.

– Все правильно, но я подумал – а не обратиться ли к другим источникам? И нашел. В базе данных кафедры истории религии Кембриджского университета. – Харди открыл блокнот: – Послушайте, это интересно. В семнадцатом веке в Англии существовала секта диггеров, то есть копателей. Они выступали за отмену частной собственности на землю. Сами копатели занимались по большей части теорией, но при этом находились в близких отношениях с другой сектой, более воинственной. Эти назывались левеллерами, то есть уравнителями. Они боролись против угнетения народа знатью. – Харди посмотрел на Паркера. – Ведь доктор Эванс посчитал, что преступник сделал своей мишенью богатых.

– Ну и что это нам дает? – спросила Лукас.

– Мотив, – ответил Харди. – Преступник хочет «уравнять» наше капиталистическое общество.

– Но зачем? – удивилась Лукас.

– Может, у него на кого-то зуб, – предположил Паркер. – Кто-то ему навредил, вот он платит той же монетой.

– Но кто? Кто ему навредил? – размышлял вслух Харди.

– Уволили? – прикинул Кейдж. – Обиженный рабочий?

– Нет, – возразил Эванс. – Психотик мог бы за такое убить, но наш шантажист психотиком не был.

– Большой бизнес, корпорации, денежные мешки... – прохрипел Геллер.

– И что он взял на мушку? – спросил Харди.

– Правительство, – ответил Паркер.

Окинув группу взглядом, Эванс произнес:

– Быть может, правительство сделало что-то такое, что его уязвило? Есть соображения по этой части?

– Идеология? – предположил Кейдж. – Он коммунист или член правоэкстремистской вооруженной группировки.

– Нет, – покачал головой Эванс. – Будь это так, мы бы уже имели соответствующее заявление. Тут скорее что-нибудь личное.

Лукас и Харди встретились глазами, и Паркеру показалось, что у них одновременно родилась одна и та же мысль.

– Смерть любимого человека, – первым произнес детектив.

– Не исключается, – согласился психолог.

– Ладно, – сказал Кейдж, – попробуем развить сценарий. Кто именно умер?

– Или был казнен? – предположил Эванс. – Автоавария по вине государственного чиновника, случайная пуля почтового служащего…

– Армия, – подхватила Лукас. – Кто-то погиб в бою.

– Да, – откликнулся Харди. – Сами подумайте: низшие слои общества – вечные жертвы капитализма, поставщики пушечного мяса. Это, кстати, объясняет, почему Копатель выбрал мишенью богатых.

– Но вооруженные силы ежегодно теряют не одну сотню человек, – заметила Лукас. – Гибель из-за несчастного случая? Или в бою?

– «Буря в пустыне»? – предположил Кейдж.

– Сколько лет было шантажисту? – спросил Паркер.

– Между сорока и пятьюдесятью.

– Черная стена! – осенило Паркера.

– Мемориал ветеранов Вьетнама, – подхватила Лукас.

– Кто-то из его близких был убит во Вьетнаме, – сказал Эванс. – Брат, сестра. Может, его жена воевала или служила медсестрой.

– Но с тех пор тридцать лет прошло, – заметил Кейдж. – Неужели обида может всплыть и сегодня?

– Еще как может, – заверил Эванс.

– Господи, – произнесла Лукас, – я только что сообразила: Мемориал расположен на Эспланаде. Двести тысяч человек придут туда полюбоваться на фейерверк. Надо закрыть этот участок парка.

– Там уже полно народа, – сказал Паркер. – Бейкеру придется действовать крайне осмотрительно, в противном случае начнется паника и давка.

– Понадобится подкрепление, – заявил Кейдж.

Он позвонил Арти, ночному охраннику на служебном входе, и тот передал по системе оповещения, что всех находящихся в здании агентов ждут в вестибюле в связи с чрезвычайным заданием.

Лукас позвонила Джерри Бейкеру и распорядилась, чтобы тот послал своих агентов на Эспланаду. Затем она отправила сообщение на пейджер заместителю директора ФБР. Он немедленно позвонил, она обменялась с ним парой фраз, положила трубку и обвела взглядом группу:

– Замдиректора скоро будет, я введу его в курс и присоединюсь к вам у Мемориала.

Кейдж натянул пальто, Геллер поднялся и проверил свое оружие.

– Не спеши, Тоуб, – сказала Лукас, – ты поедешь домой.

– Я могу…

– Я приказываю. Ты свое дело сделал.

Он принялся возражать, но Лукас настояла на своем. Затем она подошла к Харди:

– Спасибо, детектив, за хорошую профессиональную работу. Вы все еще хотите заняться делом?

– А то, – ухмыльнулся молодой полицейский.

– О'кей, но впредь не высовываться.

Ну, пошло-поехало… Только полюбуйтесь на них! Дюжина, нет, две дюжины агентов высыпали из штаб-квартиры ФБР.

Они подбежали к машинам, машины сорвались с места и укатили, а Генри Чисмен напоследок глотнул виски и положил бутылку на заднее сиденье взятого напрокат автомобиля. Он не спешил пускаться следом и ждал с терпением затаившейся змеи. Вышел, толкнув парадную дверь, высокий седой агент Кейдж. Ага! Вот и он – Паркер Кинкейд.

Чисмен, большую часть жизни проработавший журналистом, раскалывал человека с проницательностью патрульного полицейского. Пока фэбээровцы сканировали его радужную оболочку и анализировали напряжение голосовых связок, он и сам устроил им проверку. Выводы его по точности не уступали выводам ФБР. Одним из его окончательных заключений было: агент Джефферсон на самом деле никакой не Джефферсон. Чисмен отправил номер его машины одному частному детективу в Коннектикут и узнал настоящее имя агента: Паркер Кинкейд. Элементарный поиск в базах данных позволил установить, что в свое время он возглавлял в ФБР отдел документов. Если уж Бюро приглашает консультантом своего бывшего служащего, значит, он хороший специалист. Стало быть, именно за ним и стоит следить.

Кинкейд вместе с Кейджем и молодым то ли агентом, то ли полицейским сел в автомобиль без эмблемы ФБР. Они включили мигалку и понеслись сначала на запад, а потом на юг – к Эспланаде.

Чисмен без труда влился в вереницу автомобилей, однако вскоре, у Конститьюшн-авеню, людские толпы и поток автотранспорта сделались такими плотными, что агентам пришлось вылезти из машины и добираться до Эспланады бегом. Чисмен не отставал.

Кейдж и Кинкейд, стоя рядом, оглядывали толпу. Кинкейд показал на западную сторону Мемориала ветеранов Вьетнама, а Кейдж кивнул на восточную. Они разделились. Молодой полицейский трусцой направился к Конститьюшн-авеню.

Чисмен был человеком полным и отнюдь не спортивным, но ему легко удавалось не отстать от Паркера Кинкейда. Он остановился только на миг – вытащил из-за пояса брюк пистолет и сунул его в карман пальто.

Пальто давит Копателю на плечи.

Давит тяжестью оружия. И тяжестью четырех обойм и двух аккуратно набитых глушителей. Два автомата оттягивают внутренние карманы его красивого темно-синего или черного пальто – рождественского подарка от Памелы. Пистолет из бардачка «тойоты» лежит в правом наружном кармане пальто.

Он стоит в тени, и на него не обращают внимания. Тай спит на заднем сиденье машины, припаркованной в квартале отсюда. Больше всего Копатель переживает из-за того, что, если полицейские откроют огонь, грохот выстрелов может разбудить Тая и он уже не уснет крепким сном.

А еще он волнуется, как бы мальчик не замерз.

Паркер Кинкейд затерялся в людском море у Мемориала ветеранов Вьетнама, высматривая мужчину в темном пальто и с распятием на груди. Кейдж находился с другой стороны Мемориала. Лен Харди был на Конститьюшн-авеню. Бейкер и остальные оперативники прочесывали толпу, начиная с другого конца Эспланады.

До Паркера вдруг дошло, что он ищет совсем не там, где надо. Он подумал, что шантажист не мог не сообразить: ко времени последнего нападения агенты будут располагать хоть каким-то описанием Копателя. Он должен был предупредить Копателя, чтобы тот не приближался к Мемориалу по пешеходной дорожке, а подкрался под прикрытием деревьев.

Паркер повернулся и исчез в густой кленовой роще.

Генри Чисмен шел вдоль Мемориала ветеранов Вьетнама, держась в ста метрах за Кинкейдом, когда тот внезапно свернул в рощу. Чисмен последовал за ним, оглядываясь на бесконечный людской поток. Какое раздолье для Копателя!

Свой пистолет Чисмен вытащил из кармана и держал дулом вниз. Оружия никто не видел. Люди не могли понять, что происходит, откуда столько полицейских и фэбээровцев и зачем они велят очистить Эспланаду. Тут Чисмен заметил, как из-за дерева крадучись выскользнул мужчина в темном пальто. Мужчина двигался неторопливо, опустив голову, словно не хотел привлекать к себе внимание, и влился в толпу недалеко от Кинкейда. Чисмен поспешил следом.

Вдруг Кинкейд обернулся. Его взгляд скользнул по Чисмену, ушел в сторону, снова вернулся. Кинкейд наморщил лоб: он уже видел это лицо, вот только бы вспомнить, где и когда. Чисмен нырнул за спины, продолжая высматривать мужчину в темном пальто.

Обнаружил! Тот расстегивал пальто, безжизненными глазами глядя на снующих кругом людей. На груди у него что-то вспыхнуло золотом. Агенты в баре говорили, что Копатель носит распятие. Так вот и он, подумал Чисмен. Мясник, Могильщик, Дьявол. Копатель.

– Эй! – раздался голос.

Чисмен обернулся: его окликал Кинкейд. Он, должно быть, незаметно подобрался к нему в толпе.

Время! Чисмен поднял пистолет и прицелился. Заметив оружие, Кинкейд крикнул:

– Стойте! Не надо!

Но Чисмену не удавалось взять убийцу на мушку – мешала толпа. Он отпрыгнул и стал продираться через толпу, оставив Кинкейда позади.

Копатель, не заметивший ни того ни другого, обозревал толпу взглядом охотника, наблюдающего за очень большой стаей диких гусей. Полы его пальто разошлись. Из внутреннего кармана выглядывал автомат.

«Но его же никто не видит! – подумал Чисмен. – Словно он невидимка».

Копатель прищурился, высматривая удобную огневую позицию. Шагнул на едва заметный холмик.

Из толпы вынырнул Кинкейд. Чисмен взвел курок.

Глава восьмая

23.40

Лимузин припарковался у Эспланады рядом с местами, отгороженными для дипломатов и конгрессменов. Из него вышли мэр Кеннеди с женой и сопровождающий их агент Арделл. Кеннеди унижало, что он в собственном городе не мог появляться на людях без няньки.

Стоило ему взглянуть на людей у трибуны, и все сомнения по поводу конца его собственной карьеры остались позади. Поднимаясь, он помахал рукой и экспромтом ответил на каверзные вопросы: «Где это вы прячетесь?», «Как дела, Джерри?», «Зачем сюда пожаловали?».

Пожаловал он сюда из-за Клэр. Сам бы он с великой радостью ускользнул домой, но у жены были другие планы.

– Давай напьемся и поедем смотреть чертов фейерверк. Покажи всем, что тебя не сломали.

Он решил, что за весь вечер не слышал ничего умнее. Клэр достала бутылку французского шампанского, и по дороге они ее осушили.

На трибуне Кеннеди пожал руку конгрессмену Ланиру.

– Джерри, есть что-нибудь новое о стрелке?

– Жду известий.

– У нас там для вас места, мэр. – Младший помощник показал на пустой ряд складных стульев.

– Нет, нет, мы сядем здесь, на трибуне.

– Я сюда часто приходил мальчишкой, – сказал мэру и его жене Арделл, присаживаясь рядом.

– Вы живете в Вашингтоне, агент Арделл? – поинтересовалась Клэр.

– И не представляю, как мог бы жить где-нибудь еще, мэм.

Кеннеди усмехнулся. Раз ему так и так быть под неофициальным арестом, хорошо хоть, что его надзиратель – лояльный гражданин.

Разогретый шампанским, он пододвинулся к Клэр и взял ее за руку. Они смотрели на Эспланаду, на тысячи кружащих по ней людей. Кеннеди с радостью отметил, что на трибуне не было микрофона. Ему не хотелось слушать речи. Все, чего он хотел, – это сидеть рядом с женой, смотреть, как над его городом расцветают гроздья фейерверка, и позабыть о всех муках этого дня.

Тут Кеннеди заметил нечто странное. Казалось, толпа целенаправленно движется на запад, как будто ее погоняют. «Почему?» – подумал он. Повернувшись к Клэр, он начал делиться с ней своим наблюдением, но она внезапно напряглась.

– Выстрелы, – произнесла она. – Я слышу выстрелы.

Затем они услышали крики.

Выстрелы Чисмена сделали свое дело.

Когда он понял, что Копателя никто не видит и что сам он не может взять того на мушку, он дважды выстрелил в воздух, чтобы разогнать людей и расчистить линию огня.

Выстрелы привели толпу в панику. Все с криками бросились врассыпную, кто-то врезался в Копателя – он упал на колени. За считанные секунды пространство у Мемориала ветеранов Вьетнама опустело.

Чисмен увидел и Кинкейда – тот, вжимаясь в землю, доставал из кармана маленький автоматический пистолет. Кинкейд не видел Копателя – их разделяла густая стена вечнозеленого кустарника.

Чисмена это устраивало. Он сам хотел прикончить убийцу.

Копатель медленно поднимался. Один автомат выпал у него из кармана пальто, и он искал его взглядом. Заметив Чисмена, Копатель застыл, обратив на него самый странный взгляд, который Чисмен когда-либо видел. В нем было меньше чувства, чем в глазах бессловесной твари.

Копатель посмотрел на пистолет в руке Чисмена, затем снова уперся взглядом в лицо журналиста.

Кинкейд прокричал Чисмену:

– Бросьте оружие!

Чисмен навел пистолет на Копателя:

– Ты…

Тихий хлопок – из пальто Копателя вылетел клочок ткани. Чисмен почувствовал сильный удар в грудь и рухнул на колени. Он тоже выстрелил, но промахнулся.

Копатель вынул из кармана пистолет. Прицелившись Чисмену в грудь, он дважды выстрелил. Выстрелы опрокинули Чисмена на спину.

Кинкейд выбежал из укрытия, в замешательстве шаря взглядом по сторонам. Чисмен увидел, как Копатель медленно подошел к своему автомату, поднял его, дал очередь в сторону Кинкейда, который нырнул за дерево. Пригнувшись, Копатель побежал сквозь кусты вслед за убегающей толпой.

Чисмен ощупью искал пистолет.

– Ты… ты…

Но рука, словно каменная, упала наземь, и его поглотила тьма.

Несколько человек… *щелк…* столпились неподалеку. Напуганы. Копатель мог их легко застрелить, но тогда бы его засекла полиция.

«В последний раз убей как можно больше», – велел тот, кто ему приказывает.

Вот он и бежит за толпой, делая вид, что он один из них, пригнувшись, оглядываясь. У них испуганный вид. И он притворяется испуганным. Так учил тот, кто ему приказывает.

Копатель спрятал «узи» под любимым пальто – подарком Памелы. Рядом кричат, но к нему это вроде бы не относится, поэтому он не обращает внимания. И на него не обращают внимания. Он бежит вдоль кустов и деревьев по широкой улице – Конститьюшн-авеню. Здесь автобусы, машины, тысячи людей. Если он до них доберется, то убьет сотни.

Снова крики. Люди бегут. Мужчины, женщины, дети. Полицейские и агенты ФБР. У них «узи», или «Мак-10», или… *щелк…* пистолеты, как у того толстяка, который только что пытался его пристрелить.

Сколько еще нужно пройти, чтобы добраться до настоящей толпы?

Он рысцой приближается к ней, но все больше отдаляется от Тая – от своей припаркованной машины. Это ему не нравится. Он хочет выполнить задание и вернуться к мальчику.

По газону бегут все новые вооруженные люди. Внезапно в двух шагах от него раздаются треск, грохот, хлопки.

В него стреляют?

Нет-нет… Посмотрите-ка! В небе над головой расцветают цветы. Дым – и сверкающие цветы, красные и желтые, голубые и белые. Фейерверк. Полночь. Время стрелять.

Но людей недостаточно. Недостаточно, чтобы порадовать того, кто ему приказывает.

Чирк… Мимо проносится пуля.

Теперь стреляют точно в него. Его засекли двое мужчин в фэбээровских куртках – они на газоне справа. Стоят у деревянной платформы, украшенной красно-бело-синими знаменами, в какие наряжают младенцев, изображающих Новый год.

Он поворачивается к ним и стреляет из «узи» сквозь пальто. Ему не хочется этого делать – дырявить чудесное пальто, подарок Памелы, но другого выхода нет. Он не может допустить, чтобы кто-то увидел его «узи».

Фэбээровцы хватаются за лица и падают.

Копатель поворачивается и снова спешит за толпой.

Когда в доски рядом с ним попали первые пули, мэр Кеннеди столкнул жену с помоста на землю и, спрыгнув следом, лег на бок, заслоняя ее.

– Ты цела? – прокричал он.

– Да. Что происходит? – Она чуть не кричала.

– Кто-то стреляет. Наверняка он! Убийца.

Один молодой помощник мэра был ранен в руку. Но убийца целился в двух агентов у трибуны – они были убиты.

Мэр взглянул наверх – Арделл с пистолетом в руке обозревал Эспланаду. Он стоял во весь рост, совсем не пригнувшись.

– Арделл! – крикнул Кеннеди. – Вон он! Стреляйте!

Но тот не выстрелил. Он начал медленно поворачиваться и, завершив полный круг, упал на спину, уставившись в небо подернутыми пеленой глазами.

– Нет! – выдохнула Клэр, когда по ступеням потекла кровь Арделла.

Кеннеди встал. Эспланада была в полумраке, но при свете фар карет «скорой помощи» Кеннеди видел царивший там хаос. Он высматривал темный силуэт Копателя.

– Что ты делаешь в моем городе? – крикнул он.

– Джерри, ложись! – взмолилась Клэр.

Но он не пошевелился, прочесывая газон взглядом. Где же убийца? Тут он различил мужчину, который быстро шел в тени вишневых деревьев, приближаясь к скоплению народа на восточной части Эспланады.

Кеннеди вырвал пистолет из безжизненных пальцев агента.

– Нет, Джерри, нет! Позвони, – попросила Клэр.

– Нет времени.

Он коснулся ее щеки и поцеловал в лоб. Перескочив через какую-то сжавшуюся в комок пару, он припустил по газону. «Заработаю сердечный приступ…» – подумал мэр. Но скорости не сбавил.

До Копателя оставалось метров тридцать. Двадцать пять…

Кеннеди видел, что убийца приблизился к толпе и вытащил из-под пальто автомат.

Слева от него, со стороны деревьев, раздался выстрел. Пуля пролетела над головой. Не может быть! Стреляли в него – увидели мужчину с пистолетом и решили, что это убийца.

– Нет! – Он пригнулся и показал на Копателя: – Вот он!

Убийца бежал меж деревьев, заходя толпе во фланг. Всего через минуту он подойдет к ней вплотную и сможет уложить сотни людей.

К черту! Понадеемся, что копы – плохие стрелки. Кеннеди снова помчался вперед. В него выстрелили еще раз, но потом, должно быть, кто-то его узнал. В рупор скомандовали прекратить огонь.

– Назад! – кричал Кеннеди толпе.

Но людям было некуда отступать. Они стояли плотно, как стадо. Десять тысяч человек. Одни смотрели фейерверк, другие озирались – встревоженные, сбитые с толку.

Кеннеди кинулся туда, где до этого видел Копателя. «Что я вытворяю? Что за идиотизм?» – подумал он. В последний раз он стрелял тридцать лет назад, когда навещал сына в летнем лагере. Он трижды стрелял по мишени и все три раза, к стыду мальчика, промазал.

Ближе к деревьям, ближе к Копателю.

Агенты увидели, куда он бежит. К нему трусили десятка полтора полицейских, мужчин и женщин, в боевой выкладке.

Копатель вышел из кустов и наставил автомат на толпу. Кивнул сам себе.

Кеннеди остановился, поднял пистолет и прицелился. Он даже толком не знал, надо ли брать выше или ниже. Но, твердой хваткой держа пистолет, нажал на спуск.

Отдача была очень сильной, Кеннеди никак не ожидал, что пистолет так высоко подпрыгнет в руке. Он вгляделся в темный газон и громко рассмеялся. Получилось! Попал!

Копатель лежал на земле, кривясь от боли, прижимая к себе левую руку.

Кеннеди выстрелил снова, промахнулся, выстрелил еще раз. Копатель поднялся на колени. Он начал целиться в Кеннеди, но тот опять выстрелил. Промахнулся. Но пуля прошла близко, и Копатель подался

назад. Поднявшись на ноги, он дал короткую очередь по Кеннеди, а потом по приближавшимся фэбээровцам и полицейским. Один агент упал, остальные залегли. Все целились в Копателя, но никто не стрелял. Кеннеди понял почему – толпа находилась прямо за убийцей.

Лишь у одного Кеннеди была удобная позиция для стрельбы. Стоя, он выпустил в Копателя еще пять пуль, отгоняя его от толпы.

Пистолет щелкнул. Патроны кончились. Прищурившись, Кеннеди посмотрел поверх серебристого ствола.

Черный силуэт Копателя исчез.

Он задыхается. Что-то обрывается у Копателя внутри, и он забывает все, что ему было приказано. Забывает, что нужно убить как можно больше народа. Он хочет вернуться к Таю.

Пули пролетели так близко… Его чуть не убили. А если его убьют, что случится с мальчиком?

Он пригибается и мчится к туристическому автобусу. Двигатель работает на холостом ходу, из выхлопной трубы поднимается облачко газа.

Рука очень болит. О, как она… *щелк*… как болит. Он ищет взглядом мужчину, который его ранил. За что? Копатель не понимает. Он всего лишь выполняет приказ.

Над Эспланадой расцветают вспышки фейерверка.

Цепь полицейских и агентов ФБР приближается. Они начинают стрелять. Копатель забирается на ступеньки автобуса и, развернувшись, поливает преследователей пулями.

Паркер и Кейдж присели на корточки за патрульной машиной. Кругом свистели пули. Копатель стрелял через разбитые окна автобуса. Лен Харди и еще несколько полицейских лежали, вжимаясь в землю, по другую сторону Конститьюшн-авеню.

Кейдж пощупал бок и поморщился. Ранен он не был, но, повалившись наземь, сильно приложился боком.

– Ты как? – спросил Паркер.

– Похоже, сломал ребро, – со стоном ответил Кейдж.

Расчистив зону вокруг автобуса, агенты беспрепятственно его обстреливали. До Паркера долетали обрывки переговоров по рации: «Цели не видно… Забросьте внутрь „вспышку“… У кого граната?.. Снайперам – приготовиться».

Кейдж глянул поверх изрешеченного пулями капота.

– Что это он вытворяет? – задохнулся он от изумления.

Лен Харди подбирался к автобусу, переползая от дерева к дереву и время от времени стреляя из крошечного револьвера.

– Совсем свихнулся. На нем даже бронежилета нет, – сказал Паркер. – Лен! Лен Харди! Назад!

– Похоже, он смерти ищет, – прохрипел Кейдж.

Паркер заметил, что Копатель направляется в конец автобуса, откуда ему было легко подстрелить Харди.

Детектив, вжавшись в землю, перезаряжал револьвер.

– Лен! – заорал Паркер. – В укрытие!

Харди выпустил еще три-четыре пули – сколько успел зарядить – и неловко попятился к укрытию.

Того, что случилось потом, Паркер толком не разглядел. Он увидел силуэт Копателя у аварийного выхода в хвосте автобуса. Из-за патрульной машины выкатился агент и дал очередь по Копателю. Тот нырнул в сторону. Полыхнуло, и автобус охватило пламя. Из клубов желтого пламени донесся душераздирающий вопль.

Агенты медленно поднялись из-за укрытия. Подъехали пожарные машины и начали заливать пеной горящий каркас автобуса. Когда

пламя потухло, два агента подошли к двери автобуса и заглянули внутрь.

Секундой позже Паркер услышал одного из них по рации Кейджа:

– Опасности нет. Проверено – объект мертв.

На обратном пути к Мемориалу ветеранов Вьетнама Паркер рассказал Кейджу о Чисмене – про то, как началась стрельба.

– Он сделал предупредительные выстрелы. Если б не он, Копатель убил бы сотню человек. Может, и меня тоже.

У их ног полицейский накрывал тело Генри Чисмена желтой прорезиненной простыней.

Скривившись от боли, Кейдж наклонился, отбросил простыню и, обыскав карманы журналиста, вытащил записную книжку – в кожаном переплете, ручной брошюровки. Веленевая бумага была в красных и золотых прожилках, а записи каллиграфическим почерком по совершенству напоминали работу гравера. Паркер невольно залюбовался.

Кейдж пролистал несколько страничек и покачал головой.

– Ознакомься. – Он протянул блокнот Паркеру.

Увидев выведенное золотыми чернилами на титульном листе название, Паркер нахмурился. «Хроника скорби». Он открыл книжку и прочитал вслух:

«Памяти моей жены Энн, первой жертвы Мясника».

Книга состояла из разделов: Хартфорд, Бостон, Уайт-Плейнс, Филадельфия. Паркер перевернул страницу и продолжил чтение:

«Из „Ньюс таймс“, Хартфорд. При налете убиты трое. Полиция Хартфорда все еще ищет мужчину, который в субботу вошел в редакцию „Ньюс таймс“ и, открыв огонь из автомата, убил трех сотрудников отдела рекламы».

Паркер поднял глаза:

– Одной из убитых была Энн Чисмен – его жена.

– Значит, этот ублюдок был ему нужен не меньше, чем нам, – заметил Кейдж.

– Позвоним Лукас, сообщим новости.

В штаб-квартире ФБР Маргарет Лукас докладывала заместителю директора, красивому мужчине с подстриженными, как у политика, седеющими волосами. Она уже знала, что Копатель объявился на Эспланаде и там была перестрелка. Лукас отчаянно хотелось поехать туда, но как старшая в расследовании она должна была держать в курсе высшее руководство ФБР.

Зазвонил ее сотовый.

– Лукас слушает.

– Маргарет, – начал Кейдж.

По его тону она моментально поняла, что операция завершилась успешно.

– Охомутали или заткнули? – Имелось в виду: арестовали или прикончили?

– Заткнули. И представь – его подстрелил мэр.

Лукас передала новости заместителю директора.

– Ты не ранен? – спросила она Кейджа.

– Нет. Только ребро сломал.

Но она напряглась. В его голосе сквозила какая-то пустота, недосказанность.

– Что-то стряслось, Кейдж? С Кинкейдом?

– Нет, Кинкейд в порядке, – тихо ответил агент. – Но Копатель убил Арделла.

Лукас закрыла глаза.

– Он стрелял в сторону мэра, – продолжал Кейдж. – Арделл просто оказался не на том месте.

На том, куда я его послала. Господи…

– Он положил шестерых полицейских и ранил троих наших. Похоже, ранено еще шесть гражданских. И этого Чисмена он тоже убил.

– Что?

– Он вовсе не был журналистом. То есть был, но не это его к нам привело. Копатель убил его жену, и Чисмен использовал нас, чтобы до него добраться.

– А как Харди?

Кейдж сообщил ей о том, как молодой детектив в одиночку чуть не ворвался в автобус, в котором засел Копатель.

– Скажу тебе, он словно смерти искал и только в самую последнюю минуту одумался и побежал к укрытию. Думаю, решил пожить еще годик-другой.

«Лен Харди, еще один подмененный ребенок. Прямо как я», – подумала Лукас.

– Эванс там? – поинтересовался Кейдж.

Лукас огляделась и удивилась, что доктора нет.

– Должно быть, он наверху, в лаборатории.

– Найди его и порадуй хорошей новостью. И поблагодари.

– Обязательно. И Тоубу позвоню.

– Мы с Паркером вернемся минут через сорок пять.

Когда Лукас закончила разговор, заместитель директора сказал:

– Я еду на Эспланаду. Кто там главный?

Она чуть было не сказала – Паркер Кинкейд, но вовремя спохватилась:

– Спецагент Кейдж.

– Должна состояться пресс-конференция. Я проинформирую директора. Возможно, он тоже захочет выступить.

В лаборатории доктор Джон Эванс закрыл крышку сотового телефона и выключил телевизор.

Значит, Копателя убили. Если верить репортерам, обошлось минимальным количеством жертв – не как при расстреле в метро и на яхте. Однако по телевизору Конститьюшн-авеню напоминала зону боевых действий – дым, сотни карет «скорой помощи», люди прячутся за машинами, деревьями и кустами.

Эванс надел парку, засунул в рюкзак тяжелый термос, а рюкзак перебросил через плечо. Пройдя по пустынному коридору, он остановился у лифта и, чтобы сориентироваться, посмотрел на план-схему здания. Его палец был уже на кнопке «ВНИЗ», но он не успел нажать – его окликнули:

– Привет.

Доктор обернулся и увидел, что кто-то идет к нему от другого лифта.

– Привет, доктор. Слышали?

Это был детектив Харди. Его пальто было в пятнах и копоти. На щеке виднелся порез.

Эванс улыбнулся, но чувствовал он себя неловко. Ему вспомнилось, как час назад Харди чуть ли не открытым текстом обвинил Эванса в том, что тот придержал информацию об убийце. Доктор нажал на кнопку «ВНИЗ». Дважды.

– Только что посмотрел новости, – ответил он.

Сдернув рюкзак с плеча, Эванс начал расстегивать молнию.

Харди отсутствующим взглядом посмотрел на рюкзак.

– Ну, скажу я вам, наболтал я тут лишнего. Хотел добраться до этого парня, был немного не в себе.

– Угу.

Эванс залез в рюкзак и достал термос. Харди непринужденно продолжал:

– Он чуть меня не прикончил. Дал-таки мне жару. Я был от него метрах в десяти. Видел его глаза, ствол автомата. Да… Я внезапно ощутил настоящее счастье, что жив.

– Бывает, – заметил Эванс. – Где же лифт?

Харди взглянул на металлический цилиндр.

– Кстати, не знаете, где агент Лукас?

– По-моему, внизу, в вестибюле, – ответил Эванс, отвинчивая колпачок термоса. – Разве вы там не проходили?

– Я вошел через гараж.

Доктор открыл термос и поднял голову: ему в лицо был нацелен черный пистолет с глушителем.

– Мне очень жаль, – сказал Харди, однако в его голосе не было и капли сожаления.

Эванс уронил термос. Кофе вылился на пол. Последнее, что увидел доктор, была вспышка выстрела.

Глава девятая

0.30

Агент был молод и еще трепетал от сознания того, что работает в ФБР. Поэтому он нисколько не возражал против дежурства на посту охраны в новогоднюю ночь.

К тому же на его коллеге Луиз были облегающая синяя кофточка и короткая черная юбка. Луиз с ним флиртовала. Вообще-то она рассказывала о своей кошке, но язык тела подсказывал ему, что она заигрывает.

Агент не спускал глаз с десяти телемониторов. Луиз, сидевшая слева, наблюдала за десятью другими. Изображения на экранах менялись каждые пять секунд.

Взвыл сигнал внутренней связи. Агент нажал кнопку.

– Да?

– Детектив Харди из Полицейского управления. Работаю с Маргарет Лукас.

– По делу о расстреле в метро?

– Точно.

Легендарная Маргарет Лукас. Агент нажал на кнопку и развернулся лицом к двери.

– Чем могу помочь?

– Боюсь, я заблудился, – ответил Харди. – Ищу лабораторию документов.

– Документов? Седьмой этаж. Из лифта – налево.

– Спасибо.

– Что это? – вдруг вскрикнула Луиз. – Смотри, что это?

Агент повернулся – она показывала на монитор. На экране был лежащий на спине мужчина, из его головы струилась кровь.

– Не может быть! – Луиз потянулась к телефону.

Сзади раздался тихий хлопок. Луиз дернулась, кофточку на ее груди окрасила кровь.

Молодой агент повернулся и, подняв руки, закричал:

– Нет, нет!

– Я всего лишь задам несколько вопросов, – спокойно произнес Харди.

– Не убивайте меня. Пожалуйста…

– Не убью, если ответите на все. Вы должны периодически вводить в компьютер код системы безопасности?

– Да. – Агент заплакал.

– А если вы не отметитесь, автоматически включится сигнал тревоги?

– Да. – Агент взглянул на тело Луиз. – О господи…

– Когда вы должны отметиться в следующий раз?

Юноша рыдал уже в полный голос.

– В час ноль-семь.

Харди посмотрел на настенные часы. Удовлетворенно кивнул, дважды выстрелил агенту в голову и нажал кнопку открывания двери.

Эдвард Филдинг – так на самом деле звали человека, представлявшегося детективом Леном Харди – направился к лифту. «Нет, агент Лукас, Паркер Кинкейд и бедолага Джон Эванс… Нет, мною двигало не желание отомстить или привлечь внимание к социальной несправедливости. И не алчность. Двадцать миллионов? Да я мог запросить в десять раз больше…»

Нет, им двигала страсть к идеалу. К идеальному преступлению. Безупречность... Она его дурманила. Безупречность во всем – в том, как он гладил рубашки и чистил туфли, продумывал и осуществлял преступления.

Будь у Филдинга склонность к юриспруденции, он бы стал адвокатом и посвятил жизнь безупречной защите самых отъявленных преступников. Питай он страсть к альпинизму, он бы совершил безупречное одиночное восхождение на Эверест.

Но все это не занимало его. Его занимало преступление.

Он считал, что ему просто повезло родиться совершенно аморальным. Дело в натуре, решил он, а не в наставниках. Родители его любили, единственным их пороком было занудство. Отец Филдинга работал менеджером страхового агентства в Хартфорде, мать была домохозяйкой. Ему ни в чем не отказывали, его не тиранили. Просто с детских лет он считал, что законы писаны не для него.

Арест за поджог приятеля девушки, которой увлекся Филдинг, в его же машине – не нужно было парковаться так близко. Удачный шантаж крупного фабриканта консервов. Филдинг скормил его скоту энзимы, дающие ложную реакцию на ботулизм (хотя деньги он так и не забрал – не мог придумать, как после этого уйти от слежки). Век живи, век учись...

Колледж его мало интересовал, и к предпоследнему курсу его воображением овладели, как он их называл, «чистые преступления» типа ограбления. Он поднапрягся, чтобы получить степень бакалавра по психологии, и мечтал о реальном мире, где сможет применить свое мастерство. Вернувшись в родной Коннектикут, Филдинг десять лет только тем и занимался, что оттачивал его.

Первый раз он убил, когда ему было двадцать семь лет. Под влиянием порыва, что было совсем на него не похоже. Сидя в кафе в торговом центре, он увидел, что из ювелирного магазина вышла женщина с дорогим на вид пакетом. Он поехал за ней следом и на пустынном участке дороги заставил ее остановиться. Испугавшись, женщина бросила ему пакет и стала умолять, чтобы он ее отпустил. Тут Филдинг сообразил, что не надел маски и не поменял номеров на машине. Он

достал из бардачка пистолет и застрелил женщину. Это сошло ему с рук.

И все же несколько раз его арестовывали. Во Флориде его взяли за вооруженное ограбление. Но у него был хороший адвокат, добившийся смягчения приговора при условии, что Филдинга подвергнут лечению в психиатрической больнице. То было два удивительных года. В больнице Филдинг ощутил вкус преступления, его запах. Многие, если не большинство преступников попали сюда благодаря тому, что шустрые адвокаты объявили их душевнобольными. Тупые преступники сидят в тюрьме, умные лежат в больнице.

Через два года, блестяще пройдя медицинскую комиссию, Филдинг вернулся в Коннектикут и устроился санитаром в хартфордскую больницу для душевнобольных, преступников. Там он познакомился с удивительным созданием – Дэвидом Хьюзом. Филдинг решил, что тот, возможно, был вполне приличным парнем – до тех пор, пока в приступе ревности не зарезал жену. Интереснее всего было то, что перед смертью жена выстрелила Хьюзу в голову.

Филдинг не знал, что повредилось у того в черепе, но первым, кого увидел очнувшийся после наркоза Хьюз, оказался Филдинг, поэтому-то, вероятно, между ними и установилась некая странная связь. Хьюз делал все, о чем ни попросил его санитар. Приносил ему кофе, убирался, гладил рубашки. Выяснилось, однако, что Хьюз способен на большее, чем работа по дому. Однажды вечером, когда ночная сестра Рут Миллер пригрозила Филдингу, что доложит начальству о его домогательствах, Филдинг тихо сказал Хьюзу:

– Ох уж эта Рут Миллер. Нужно бы ее пришить.

– Хм-м. О'кей, – сказал Хьюз.

– Что? Ты убьешь ее ради меня?

– Мм-м. Я… Конечно.

Филдинг на него цыкнул и повел погулять в саду. Они долго разговаривали. Через день Хьюз появился в спальне Филдинга весь в крови, с осколком стекла в руке, и попросил супа.

Филдинг его отмыл и почистил одежду. Поэтому он научил Хьюза, как убежать из больницы и добраться до коттеджа, который Филдинг снимал неподалеку.

Именно той ночью он понял, как наилучшим образом использовать этого человека. Хартфорд, затем Бостон, Уайт-Плейнс, Филадельфия. Идеальные преступления. И теперь Вашингтон. Преступление, которое станет сверхидеальным.

Последние полгода он почти по восемнадцать часов в сутки обдумывал эту кражу. Не торопясь искал бреши в службе безопасности ФБР, маскируясь под детектива Лена Харди из отдела статистики окружного Полицейского управления. Он выяснил, когда главный специальный агент уйдет в отпуск и кто из его подчиненных будет руководить расследованием дела Копателя. Разумеется, это будет Маргарет Лукас, в чью жизнь он проник так же бесцеремонно, как и в само ФБР.

Задавая невинные вопросы, знакомясь с открытыми инструкциями и приказами, Филдинг постепенно многое узнал о планировке штаб-квартиры, о расписании дежурств в праздничные и выходные дни, о входах и выходах. Он выяснил расположение скрытых камер и постов охраны.

Это был изнурительный труд, но совершенство требует терпения. Решив, что информации достаточно, Филдинг приступил к самой рискованной части плана. Утром после расстрела в метро он появился в Бюро, по-видимому глубоко возмущенный тем, что в расследовании ему предстояло выступать на третьих ролях. Другие агенты дважды, а то и трижды проверили бы его документы – но не бездетная вдова, несчастная Маргарет Лукас. Ведь это был Лен Харди, который вскоре тоже станет бездетным вдовцом и которого терзает та же боль, какую сама она пережила пять лет назад. Конечно же, она сразу приняла его в свою команду.

Филдинг добрался до лифта. Когда кабина пришла, он не стал подниматься в лабораторию, а поехал вниз.

Хранилище вещественных доказательств в ФБР работает круглые сутки, и обычно там дежурят двое сотрудников. Но этой ночью в хранилище дежурили трое, поскольку в сейфе находилось особо ценное вещественное доказательство.

Был праздник, поэтому двое мужчин и женщина расслабились – расположившись у приемного окошка, они пили кофе и болтали. Мужчины сидели к окошку спиной.

К окошку подошел Филдинг.

– Привет, – сказал он и выстрелил женщине в голову.

Мужчины погибли, не успев дотянуться до пистолетов.

Филдинг просунул в окошко руку, нажал нужную кнопку, и дверь с жужжанием отворилась. Он снял с ремня убитой ключи и открыл сейф – просторное помещение примерно семь на десять метров, где хранились изъятые у преступников наркотики и деньги. Он знал, что именно сюда поместят выкуп. Мэр Кеннеди, догадался Филдинг, захочет держать деньги под рукой на случай, если Копатель в конце концов свяжется с ним. Идеально… Огромные зеленые рюкзаки. На лямках висели красные бирки: «Вещественное доказательство по федеральному преступлению. Не прикасаться».

Филдинг вывалил деньги на пол. Достав из-за пазухи шелковый рюкзак, он принялся укладывать в него деньги.

Филдинг запросил двадцать миллионов, потому что эта сумма выглядела правдоподобной для такого грандиозного шантажа. Однако унести он мог лишь четыре миллиона, которые весили больше тридцати килограммов. Отнюдь не силач, он шесть недель тренировался в спортивном клубе – чтобы быть в состоянии унести деньги.

Все сотенные купюры были помечены, но в Бразилии, где Филдинг окажется через несколько дней, четыре меченых миллиона станут тремя миллионами двумястами тысячами в золоте, а потом – в непомеченных долларах США. Филдингу не было жаль остальных денег. Преступление не может совершаться из алчности, это искусство ради искусства.

Упаковав деньги, он перекинул тяжелый рюкзак через плечо, вышел в коридор и, покачиваясь, направился к лифту. Ему предстояло убить охранника у входа, а также всех из команды, кто находился в здании. Он знал, что Лукас еще здесь. Ей определенно предстояло умереть. При других обстоятельствах убивать ее не имело бы смысла – он очень тщательно законспирировал и себя, и свое настоящее жилище. Но агенты оказались проницательнее, чем он предполагал. Они вышли даже на укрытие в Грейвзэнде. К счастью, Гилберт Хейвел, нанятый им отнести письмо, частенько туда наведывался, и соседи, увидев его фотографию, решили, что это он снимал квартиру.

А еще фэбээровцы чуть не вычислили «Леди Риц»... Его охватил ужас, когда компьютер начал составлять буквы из частичек пепла. Дождавшись подходящей минуты, он тогда выпалил:

– Риц. Может, «Риц-Карлтон»?

Они сразу ухватились за эту подсказку. Так и решают задачи, верно, Паркер? Кстати, о Паркере. Он слишком умен, чтобы оставить его в живых.

Медленно шагая по безлюдным коридорам, Филдинг размышлял: если сам он идеальный преступник, то Паркер – идеальный криминалист. Что происходит, когда сталкиваются две идеальные противоположности?

Но вопрос был риторическим, и Филдинг не стал попусту тратить время на поиск ответа. Он подошел к лифту и нажал кнопку «ВВЕРХ».

Маргарет Лукас заглянула в лабораторию:

– Эй! Доктор Эванс!

Он не ответил. «Где же он? – подумала Лукас. – Наверное, ждет у поста охраны». Она пошла к лифту.

В коридорах не было ни души, она слышала ночные шорохи опустевшего здания. Было темно и жутковато. Напугать Маргарет Лукас было непросто. Но в этих коридорах, ощущала она, бродят

призраки. Призраки агентов, убитых при исполнении. Призраки жертв преступлений.

А ее собственные призраки? – подумалось Лукас. Ну, они-то всегда были с ней. Муж и сын. Они никогда не исчезали.

Лукас посмотрела на пол у лифта – там темнело пятно. Что это? Пахло кофе. Должно быть, кофе и есть. Дверцы лифта открылись. Лукас вошла и спустилась на первый этаж.

На посту охраны дежурил Арти. Он приветливо ей кивнул.

– Доктор Эванс ушел? – спросила она.

– Нет. Я его не видел.

Лукас решила подождать доктора здесь. Она устало опустилась в удобное кресло – в вестибюле их было несколько – и задумалась об отчете, который ей придется составить, и о Паркере Кинкейде.

Он хотел ее куда-нибудь пригласить. Она это знала и уже решила ответить отказом. Кинкейд был красив, энергичен, обожал детей. Но она не могла его обременять собой. Ей казалось, что вокруг нее ореол скорби, словно облако дыма от сырого угля. У Джеки Лукас, возможно, получилось бы что-то с таким мужчиной, но у Маргарет Лукас – никогда.

Арти оторвал взгляд от газеты:

– Да, агент Лукас, забыл поздравить вас с Новым годом.

– С Новым годом, Арти!

Пока пожарники заливали пеной выгоревший автобус, Паркер позвонил Ктошам и пообещал скоро приехать.

– Я люблю тебя, Ктоша, – сказал он Стефи.

– И я тебя, папочка. Как твой друг?

– Поправится.

Кейдж разговаривал с одним из агентов, а Паркер пытался укрыться от едкого дыма. Завершался вечер, равного которому у него не было в жизни. Но житейские мелочи проклевываются, словно крокусы по весне. До него дошло, что у него не хватит наличных расплатиться с миссис Кавано. Он похлопал по карманам и вытащил тощую пачку. Двадцать два доллара. Придется по дороге остановиться у банкомата.

Между купюрами Паркер заметил бумажку – запись того, что они обнаружили в сгоревшем блокноте шантажиста. Указания на два последних объекта.

…двух милях к югу. Р…

…водил тебя туда – к черной…

– Что это? – поинтересовался Кейдж.

– Сувенир, – ответил Паркер.

Эдвард Филдинг остановился в конце коридора, тяжело переводя дыхание: деньги весили много.

Он посмотрел в вестибюль и увидел сидевшую к нему спиной Маргарет Лукас. За ней был охранник, он читал газету.

Свет в коридоре выключили, и, даже если б они повернулись к нему, разглядеть его было бы трудно.

Сжав в правой руке пистолет, Филдинг двинулся к вестибюлю, его кожаные подметки легонько постукивали по плиткам.

Стук, стук, стук…

Расстояние между ним и целями сокращалось.

Залюбовавшись на елку в вестибюле, Маргарет Лукас по-кошачьи потянулась и рассеянно прислушалась к звуку шагов за спиной, которые становились все ближе.

Стук, стук, стук…

Телефонный звонок заставил ее вздрогнуть. Арти – он сидел напротив – ответил:

– Охрана вестибюля… А, агент Кейдж, привет.

Внезапно охранник нахмурился. Взглянул на Лукас, потом на что-то у нее за спиной. Глаза у него расширились.

– Да, – выдавил он. – Детектив Харди?.. Кто, кто? Что вы хотите сказать?.. Но он же здесь, он… Боже!

Арти отбросил трубку, нащупывая пистолет.

Стук, стук, стукстукстукстук…

Лукас инстинктивно поняла, что бегущий сейчас на них нападет. Она успела броситься на пол в тот миг, когда пули из пистолета с глушителем прошили спинку ее кресла.

Извернувшись, она бросила взгляд назад в поисках укрытия. Это был… Нет, не может быть! Это был Харди.

Яростно отстреливаясь, Арти выкрикнул:

– Это он! Он и есть убийца. Он… О боже! Нет…

Арти посмотрел на свою грудь и рухнул под стол.

Пуля чиркнула по хромированному горшку с пальмой, за которым пряталась Лукас. Она выглянула, отыскивая цель, но ей сразу пришлось нырнуть обратно: еще одна пуля пробила толстый зеленый лист в пяти сантиметрах от ее лица. Она перекатилась к стене, встала и трижды выстрелила.

Ее пули, едва не попав в Харди, выбили из стены большие куски штукатурки. Харди сделал еще два выстрела и исчез в глубине коридора.

Лукас метнулась к стене, за которой начинался коридор, и вжалась в нее спиной. Шаги удалялись.

Из коридора донесся голос:

– Что тут творится?

Где-то в глубине коридора хлопнула дверь.

Лукас выглянула из-за угла. В самом конце коридора она увидела мужчину и крикнула:

– ФБР! Назовитесь или стреляю!

– Тед Ян, программист, – поспешно ответил мужчина.

Лукас знала его, он был приятелем Тоуба Геллера. Здорово, подумала она, прикрывать меня будет компьютерный чудик.

– Вы один? – спросила она.

– Нет, нас двое. Со мной Сюзен Нанс.

Нанс, специалистка по документам, крикнула:

– Ой, Маргарет, он прикончил Луиз. И Фелпса тоже.

– Ладно, тише! – оборвала Лукас. – Не выдавайте своего местонахождения. Кого-нибудь видели?

– Нет, – сказал Тед, – Я только слышал, как в коридоре хлопнула дверь. Он где-то между вами и нами.

– Вы при оружии?

– Да. Оба, – ответил Тед.

– Прикройте меня, – приказала Лукас и бросилась к посту охраны.

Арти был без сознания, но сильного кровотечения не наблюдалось. Лукас схватила трубку, но Кейдж уже разъединился. Она набрала 911, представилась и сообщила о нападении на штаб-квартиру ФБР – первом за все время существования Бюро.

Лукас вглядывалась в пустой коридор. Восемь дверей – пять справа, три слева. И за одной из них преступник.

Вот вам задача, Паркер: за какой из дверей прячется наш Иуда?

Три ястреба воровали у фермера кур…

Она прокралась вперед, увидела в конце коридора силуэты двух агентов и махнула им, чтобы укрылись за углом.

«За какой дверью? – ломала голову Лукас. – Думай… Ну же! Думай!»

Если Харди хоть как-то здесь ориентируется, он должен был понять, что пять кабинетов по правую руку выходят окнами на улицу. Значит, ему незачем соваться в левые двери, не то окажется запертым в здании.

Ясно, ограничим поиск дверями справа.

Лукас остановила выбор на ближайшей к вестибюлю. Разумно: чем бежать от вооруженного человека по коридору, лучше поскорее юркнуть в укрытие.

Она нажала на круглую дверную ручку – дверь была заперта. Их что, всегда закрывают? Нет, это он ее запер. И теперь за ней отсиживается, больше ему быть просто негде. Лукас метнулась к посту, отцепила ключи от пояса Арти, вернулась, вставила ключ в замочную скважину, повернула.

Раздался щелчок. Она ворвалась в комнату с пистолетом на изготовку.

Никого… Его здесь не было. Постой… Он может прятаться за письменным столом.

Лукас сделала шаг вперед. Никого.

Она засекла движение самым краешком глаза. Дверь напротив с табличкой «ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА» чуть-чуть приоткрылась, из щели на нее глядел глушитель.

Лукас бросилась на пол в тот миг, когда Харди дважды нажал на спуск. Но целился он не в нее. Пули были предназначены для окна, которое разлетелось на тысячу осколков.

Харди тяжело – из-за набитого рюкзака за плечами – перебежал коридор и ввалился в кабинет, стреляя в направлении Лукас. Она перекатилась по полу, а он тем временем выпрыгнул из окна на навес, с него перепрыгнул через забор на Девятую улицу и был таков.

Лукас поднялась на ноги. Она поняла, что произошло: Харди дернул дверь кабинета с окнами на улицу – она была заперта. Тогда он перехитрил Лукас, переждав в каморке уборщика. Харди открыл дверь ее руками. Как же она опростоволосилась!

Паркер и Кейдж снова были в лаборатории, на этот раз вместе с заместителем директора.

– Шесть трупов, – пробормотал последний. – В самом здании штаб-квартиры.

Тело доктора Эванса обнаружили в чуланчике на седьмом этаже. Арти получил тяжелую, но не смертельную рану.

– Кто же он такой, черт возьми? – вопросил заместитель.

Человек, выдававший себя за Харди, оставил прекрасные отпечатки пальцев, в эту минуту с ними уже работали.

В лабораторию вошла Лукас, Паркер с ужасом заметил у нее на щеке капельки крови.

– Что с вами? – воскликнул он.

– Это не моя, это Арти, – ответила она, поняв, куда он смотрит. Взглянула на Кинкейда, потом на Кейджа: – Как ты узнал?

Кейдж показал глазами на Паркера:

– Он вычислил.

– Дрожь, – объяснил Паркер и протянул ей листок, который нашарил в кармане, когда искал деньги для няни. – Так бывает, когда пытаются изменить почерк. Я вспомнил – тогда под мою диктовку писал Харди. Зачем он хотел изменить почерк? Ответ однозначный: это он написал письмо с требованием денег. Да и точка над «i» – «слеза дьявола».

– Как все было на самом деле? – спросил заместитель директора. – Каким образом Харди проник в группу?

– Последние несколько месяцев он часто наведывался в Бюро по долгу службы. Предъявлял жетон и запрашивал статистику преступлений. Это открытая информация, так что никому и в голову не пришло проверять Харди. Сегодня утром он появился с сообщением, что полиция откомандировала его связным офицером по этому делу. Думаю, он не один месяц все это выстраивал.

– И выстроил до последней мелочи, – пробормотал Паркер. – Безукоризненно.

– А тот, что в морге, кто он? – спросил Кейдж.

– Курьер. Его наняли доставить письмо.

– Но он же погиб в результате несчастного случая.

– Нет, это не был несчастный случай, – ответила Лукас словами, которые были готовы сорваться с губ Паркера.

Тот кивнул и добавил:

– Харди его задавил на угнанном фургоне.

– Чтобы мы решили, будто шантажист погиб, и вернули деньги в хранилище вещдоков.

– Но ведь это он нашел исторические сведения о копателях, верно? – спросил заместитель директора. – Благодаря ему мы и остановили стрелка.

– Разумеется, – ответил Паркер. – Поэтому он и выбрал Мемориал, это ведь недалеко отсюда. Он знал, что в здании почти никого не останется, всех бросят на поиски Копателя.

– Поэтому ему всего-то и требовалось, что заглянуть в хранилище и забрать деньги, – с горечью подытожила Лукас.

Запищал компьютер. На экране возникло досье Харди.

Настоящее имя – Эдвард Филдинг. Последний известный адрес – Блейксли, штат Коннектикут. Четыре ареста, осужден один раз. Неоднократно привлекался к ответственности за антиобщественное поведение. Работал санитаром в Хартфордской больнице для душевнобольных преступников. Исчез, после того как обвинившую его в сексуальных домогательствах медсестру нашли с перерезанным горлом. Руководство больницы считает, что Филдинг уговорил пациента по имени Дэвид Хьюз ее убить. Хьюз получил тяжелую черепно-мозговую травму в результате огнестрельного ранения и был легко внушаем. Филдинг помог Хьюзу бежать в октябре прошлого года.

– Хьюз и есть Копатель, – заявил Паркер. – А расстрел в редакции хартфордской газеты, с которого Чисмен начал выслеживать Филдинга, произошел в ноябре. Их первое преступление. Они не теряли времени даром.

– Но к чему столько трупов? – спросил замдиректора. – Одними деньгами не объяснишь. Должно быть, у него склонность к террору.

– Отнюдь, – возразил Паркер. – Терроризмом тут и не пахнет. Но вы совершенно правы, с деньгами это тоже не связано. Мне такой тип хорошо знаком. Он из той же оперы, что и фальсификаторы документов. Серьезные мошенники считают себя художниками, а не преступниками. Главное для них – создать такую подделку, которая одурачит всех и каждого. Их цель: идеальная подделка.

– Так что другие его преступления – в Бостоне, Уайт-Плейнсе и Филли – всего лишь отработка технических приемов, – заметила Лукас.

– Вот именно. А нынешнее – его звездный час. Он урвал бешеные деньги и собирается отойти от дел.

– Почему ты так думаешь? – спросил Кейдж.

У Лукас был готов ответ:

– Потому что он пожертвовал своим исполнителем – ведь это Филдинг сообщил нам, где появится Копатель.

– Может, он сам и застрелил Копателя, – добавил Паркер. – Если б мы взяли его живым, он мог бы расколоться.

– Но где теперь искать Филдинга? – спросил заместитель директора.

– Ну, уж он наверняка тщательно спланировал бегство, – ответил Паркер. – К рассвету его уже не будет в стране, а через пару дней он ляжет на пластическую операцию.

– Сейчас два часа ночи. Аэропорты закрыты, – заметил замдиректора.

– Он поедет автомобилем в Луисвилл, Атланту или Нью-Йорк, – сказала Лукас. – Но мы уведомим все местные отделения. Пусть направят агентов во все аэропорты, на автобусные и железнодорожные станции.

– Я распоряжусь, чтоб его включили в десятку самых опасных разыскиваемых преступников, – пообещал заместитель директора.

Но Паркер его не услышал – он уперся взглядом в письмо шантажиста.

– Идеальная подделка, – прошептал он себе под нос, посмотрел на часы и произнес: – Съезжу-ка навещу одного человека.

– Я с вами, – сказала Лукас.

– Лучше не надо, – нерешительно возразил Паркер.

– Нет, надо.

Посмотрев в ее серо-голубые глаза, Паркер решился:

– О'кей.

Автомобиль несся по улицам Вашингтона. Паркер – он вел машину – покосился вправо и увидел профиль Лукас, ее узкие губы, кругловатый нос, тонкий изгиб шеи.

Ему отчаянно хотелось взять ее за руку, оказаться с ней в роскошном вестибюле отеля или на диване у себя дома. И поговорить. Поговорить о чем угодно. Быть может, о тайне Маргарет Лукас, какой бы ни была эта тайна. А может, они расскажут друг другу о схватках и перестрелках. Такими историями обожают похваляться все копы – федералы, полицейские штата и муниципальные. А тайна может и подождать. У Лукас впереди годы, чтобы поделиться ею.

Годы… Он вдруг осознал, что думает о долгих отношениях с ней. Но есть ли у него основания для подобных фантазий? Решительно нет. Самообольщение чистейшей воды.

Или не совсем? Он вспомнил о Ктошах из сказки доктора Сууса – крошечных человечках, обитающих на пылинке, таких мелких, что никто их не видит. Однако же они существуют. Вот и любовь – разве ее нельзя найти там, где на первый взгляд ее не видно?

Паркер снова взглянул на нее, она ответила на его взгляд. Его рука сама собой протянулась и тронула ее за колено. Она положила на его руку ладонь.

Они приехали. Кинкейд убрал руку и припарковал машину. Они молча вышли, не глядя друг на друга.

– Сюда, – сказал он.

Мужчина был чуть выше полутора метров ростом. Жесткая борода, лохматые волосы. Он был облачен в поношенный махровый халат. Паркер, несомненно, разбудил его. Хозяин внимательно посмотрел на Паркера с Лукас, затем, ни слова не говоря, быстро отступил в дом.

Паркер пропустил Лукас вперед. Комнаты были забиты книгами, мебелью и бумагами. На стенах висело не менее сотни рукописных

писем и фрагменты исторических документов. На столе стояли пузырьки с чернилами и лежали горы перьевых ручек.

– Как поживаете, Джереми?

Мужчина протер глаза:

– Паркер, а час-то поздний. Впрочем, полюбуйтесь-ка вот на это. Нравится?

Паркер взял из рук Джереми полиэтиленовый конверт, вооружился лупой и изучил лежавший в конверте документ.

– Отличная работа. Но чернила придется старить перекисью водорода, а ее легко обнаружить.

– Может, и легко, – ухмыльнулся Джереми. – А может, я придумал что-нибудь новенькое. Пришли меня арестовывать, Паркер?

– Я уже не служу в ФБР.

– Вы-то нет, а вот она служит, правда? – Джереми забрал конверт. – Это не на продажу.

– Что это такое? – спросила Лукас.

– Письмо Роберта Э. Ли одному из его генералов, – ответил Паркер. – Вернее, предположительно письмо Ли.

– Он ведь наверняка его подделал? – Лукас посмотрела на Джереми.

– Совершенно верно. Письмо может потянуть тысяч на пятнадцать, – сказал Паркер.

– Если кто-то надумает его продавать. Лично я продавать не собираюсь. Однажды Паркер меня арестовал, – сообщил Джереми Лукас. – Он единственный человек на свете, которому удалось меня поймать. И знаете, на чем?

– На чем? – спросила Лукас.

Паркер заметил, что ее это, видимо, забавляет.

– На водяном знаке на бланке. Я погорел на паршивом водяном знаке. Итак, Паркер, что я натворил в этот раз?

– Думаю, я знаю, что именно вы натворили, Джереми. Думаю, знаю.

Наконец пошел снег. Крупные хлопья мягко ложились на землю. Их слой достигал уже пяти сантиметров и смягчал ночные звуки.

Эдвард Филдинг пробирался через полосу деревьев и кустарника в Бетесде, штат Мэриленд, сгибаясь под тяжестью рюкзака с деньгами. Между этим местом и штаб-квартирой ФБР он дважды менял автомобили. Он ехал исключительно по главным магистралям, неукоснительно соблюдая правила дорожного движения. Бросив машину по другую сторону рощи, остаток пути он проделал пешком.

Он задержался у ограды, отделявшей снятый им дом от соседнего. На улице не было незнакомых автомобилей, свет в доме горел именно в тех комнатах, где он оставил его включенным. Ничего подозрительного – ни теней, ни шевеления.

Открывая дверь, он выстраивал про себя дальнейшие действия. В доме он пробудет от пяти до десяти минут, ровно столько, сколько понадобится, чтобы переложить деньги в коробки и забрать чемоданы. Затем он доедет до Ошен-Сити, штат Мэриленд, сменив по дороге три автомобиля, которые ждут его на обочинах. Потом сядет на зафрахтованную яхту и через два дня будет в Майами, откуда на арендованном самолете долетит до Коста-Рики и дальше, до Бразилии. А там…

Филдинг так и не понял, где она пряталась. Может, сразу за дверью. Он не успел опомниться, как у него из рук вырвали пистолет и Маргарет Лукас крикнула:

– Не двигаться! ФБР!

Филдинга повалили лицом на пол, Лукас вцепилась в него мертвой хваткой и сунула в ухо дуло пистолета. Два крепких агента стянули с него рюкзак и защелкнули на запястьях наручники. Затем рывком

поставили на ноги и толкнули в кресло. В комнату вошел Кейдж и с ним еще несколько агентов.

Филдинг терялся в догадках.

– Как же со снегом? – спросил он Лукас. – Следов-то не было. Как вы попали внутрь?

– Позаимствовали у пожарников машину с лестницей, и я забралась через окно на втором этаже.

В эту минуту в комнату вошел Паркер Кинкейд. Кивнув в его сторону, Лукас объяснила:

– С пожарной машиной он придумал.

Филдинг в этом не сомневался.

Паркер уселся на стул напротив Филдинга и скрестил на груди руки. Он вспомнил, как сожалел, что шантажиста нет в живых и теперь не увидишь воочию работу его разума. Однако в эту минуту Паркер испытывал не профессиональное любопытство, а всего лишь элементарное отвращение.

– Копатель был пациентом вашей больницы, так? Больницы для душевнобольных преступников. И звали его Дэвид Хьюз.

На Филдинга его слова произвели должное впечатление.

– Правильно. Забавный был тип. Настоящее страшилище во плоти.

Тут Паркеру открылось кое-что другое, и у него замерло сердце. Страшилище…

– Я рассказывал о сыне, а вскоре Робби увидел кого-то в гараже. Вы послали Копателя напугать моего сына!

– Слишком уж вы были догадливы, Кинкейд, – пожал плечами Филдинг. – На какое-то время вас требовалось отстранить от расследования. Когда вы поехали брать укрытие, я отправил моему

приятелю указание заглянуть в окно к вашему малышу. Я подумывал их убить – понятно, и вас тоже, только вы мне были нужны поздней в штаб-квартире, чтобы прибавить веса моим выкладкам о месте последнего нападения.

Паркер рванулся вперед вне себя от бешенства, и Лукас едва успела перехватить его кулак.

– Я вас понимаю, – сказала она Паркеру, – только от этого вам легче не станет. Ко мне в дом тоже залезли несколько месяцев назад. Наверняка это был он. – Она обратилась к убийце: – Значит, все-все про меня вызнали. Вызнали и про Тома…

«Про Тома?» – удивился Паркер. Еще один «ключ» к Маргарет Лукас.

– Подстриглись под него. Прочитали его письма ко мне. – Она закрыла глаза.

– Требовалось зайти к вам в тыл.

– Вы украли мое прошлое, Филдинг.

– Что проку в прошлом, если его нельзя использовать?

– Кто тот мужчина в морге? – спросил Кейдж.

– Его имя Гил Хейвел.

– Таинственный Гилберт Джонс, – заметил Паркер. – Это он арендовал вертолет?

– Нужно было всем вам внушить, будто я и вправду решил скрыться с деньгами, оставленными у Гэллоуз-роуд.

– Кем он был, этот Хейвел?

– Заурядным неудачником. Я пообещал ему сто тысяч долларов за то, чтобы он подбросил письмо в Городской совет, арендовал укрытие и помог с вертолетом. Убедил, будто мы с ним партнеры.

– И велели возвращаться к метро или на остановку автобуса по определенной улице, где поджидали его в фургоне, – добавил Паркер.

– Вы должны были поверить, будто главный преступник погиб, а то бы не вернули деньги в хранилище.

– Зачем направили Кеннеди в «Риц»?

– Мэра? Риск, конечно, был, но требовалось, чтобы все думали только о «Риц-Карлтоне», не о «Леди Риц». А во искупление моего предательства я потом сделал вам подарок – происхождение прозвища «Копатель». Нет, вы и впрямь малый не промах. И как только вам удалось вычислить?

– Что вы и есть шантажист? По вашему почерку. У меня имелся образчик – я сам надиктовал вам обрывки текста, уцелевшие на страницах блокнота.

– Меня это тревожило, – сказал Филдинг. – Но не мог же я ни с того ни с сего вам отказать. Я, правда, постарался изменить почерк.

– Вас выдала точка над строчной «i».

– Ну, конечно. «Слеза дьявола». Всегда споткнешься на какой-нибудь мелочи.

– Не всегда, но как правило.

Филдинг обвел комнату взглядом:

– Но как вы вышли на дом?

– На дом? – Паркер не мог отказать себе в маленьком удовольствии. – Погоня за идеалом, – произнес он и увидел, как с лица убийцы сползает нагловатая ухмылка. – Чтобы удрать, совершив идеальное преступление, вам требовались идеальные паспорта. Вы разыскали лучшего мастера по этой части, а он возьми да и окажись моим другом. Ну, скажем, не другом, а хорошим знакомым.

– Но он же не знал ни моего настоящего имени, ни адреса.

– Вы ему один раз звонили.

– Не отсюда, – попробовал спорить Филдинг.

– Да, из будки дальше по улице, – согласилась Лукас. – Мы установили номер. – Она показала Филдингу его снимок: – Портрет взяли с пленки камеры наблюдения в штаб-квартире ФБР. Ночью показали соседям, и те прямиком направили нас к вашему парадному.

Филдинг выругался и закрыл глаза.

– Я знал, Паркер, что вы крепкий орешек. Нужно было первым делом приказать Копателю позаботиться о вас.

– Уж больно легко вы пожертвовали вашим дружком.

– Копателем? Какой он мне дружок! Да и в любом случае это должно было стать моим последним делом. Мне он больше не был нужен.

Когда Филдинга уводили, он обернулся в дверях:

– Признайтесь, Паркер, я мастер своего дела. В конце концов, едва не сорвал банк.

Паркер покачал головой:

– Решение задачи может быть либо верным, либо неверным. «Едва» не считается.

Но Филдинг все равно улыбался.

Глава десятая

2.20

Рабочие превратили сгоревший автобус в брус спрессованного металла. Патологоанатом увез в карете «скорой помощи» обугленное тело Копателя. Эдвард Филдинг в наручниках и домашних тапочках сидел в центре предварительного заключения.

Паркер попрощался с Кейджем, поискал глазами Лукас и заметил направлявшегося к ним мэра. Они с женой в сопровождении команды репортеров осматривали причиненный Эспланаде ущерб. Мэр подошел к агентам.

– Это вам я обязан коротким сообщением в новостях, агент Кейдж? – поинтересовался Кеннеди.

– Вероятно, лучше было бы не вмешивать сюда политику, – пожал тот плечами.

– Наверное, вы правы. А вы, – обратился Кеннеди к Паркеру, – агент…

– Джефферсон, ваша честь. Том Джефферсон.

– Я слышал о вас. Эксперт по документам?

– Совершенно верно. Я видел, как вы ловко стреляли.

– Не очень-то ловко, – кивнул мэр на сгоревший автобус.

С этими словами Кеннеди взял жену под руку и повел к лимузину.

Маргарет Лукас передала Кейджу какие-то бумаги, посмотрела на сгоревший автобус и пошла к своему «форду-иксплореру». «Неужели так и уедет, не попрощавшись?» – подумал Паркер.

Она открыла дверцу, запустила двигатель, включила печку и, оставив дверцу открытой, откинулась на спинку сиденья.

Паркер застегнул куртку на молнию и направился к ней. Он заметил: она что-то рассматривает, держа в руке. Что-то похожее на старую почтовую открытку. Когда Паркер подошел, она убрала открытку в бумажник.

– Какая ночь, а? – произнесла она.

– Какая ночь, – повторил он и протянул ей руку.

Она крепко ее пожала, и он накрыл ее руку левой ладонью.

– Как малыши? – спросила она. – Вы с ними поговорили?

– В порядке. – Он неохотно разжал руку. Ей тоже этого не хотелось? Трудно сказать. – Вам потребуется отчет?

– Потребуется, – ответила Лукас, – но это не к спеху.

– Напишу за понедельник. Да, чуть не забыл. – Он протянул ей пистолет.

Теперь на Лукас была короткая юбка: ей больше не нужно было прикрывать кобуру на лодыжке. Пока она открывала бардачок и убирала туда пистолет, взгляд Паркера скользнул по восхитительной линии ее ног. Он знал, что она за ним наблюдает, но был не против, чтобы его поймали с поличным.

– Послушайте, а что у вас завтра? – спросил он. – Не хотите поужинать по-пригородному? Это забавно.

Она помедлила в нерешительности, потом улыбнулась, но он сразу понял, что улыбка фальшивая – каменная, под стать глазам.

– К сожалению, нет, – ответила она. – Я занята. Может, как-нибудь в другой раз.

То есть никогда.

– Понятно, – с горечью произнес он. – В другой раз.

– Где ваша машина? – спросила Лукас. – А то подвезу.

– Нет, спасибо. Она тут близко.

– Спокойной ночи, – сказала она.

Он кивнул и пошел к своему автомобилю.

По дороге Паркер остановился взять наличные из банкомата. Дома он застал миссис Кавано спящей на диване. Он ее разбудил, заплатил в два раза больше, чем договаривались, проводил до дверей и постоял, пока она не скрылась в своем доме напротив.

Дети заснули в его постели. У него в спальне стояли телевизор и видеомагнитофон, экран был ярко-синий – косвенная улика того, что они смотрели видак.

Паркер был беспредельно измучен, но чувствовал, что сможет уснуть не раньше, чем через час. Чтобы дать выход напряжению, он завязал мешок с мусором и выкатил в тачке на задний двор, размышляя: «Что за безумный мир – всего час назад в тебя стреляли, и вот ты снова в своем тихом пригороде, весь в домашних заботах».

Поднимая крышку мусорного бака, Паркер бросил взгляд в глубину двора, замер и нахмурился. На снегу выделялись следы. Совсем свежие, заключил он, оставлены несколько минут тому назад. Следы вели к окну комнаты для гостей, затем поворачивали за угол.

У Паркера оборвалось сердце. Он поставил на землю мешок с мусором и крадучись вернулся в дом. Закрыл и запер на замок заднюю дверь. Проверил парадную дверь. Заперта.

Кто оставил следы? Может быть, дети. Или мистер Джонсон искал своего пса. Только и всего. Ничего страшного…

Но через десять секунд он уже названивал в центр предварительного заключения. Представился:

– Я сегодня работал по этому делу с Маргарет Лукас.

– Как же, знаю. Убийца на Эспланаде.

– Верно. Подозреваемый Филдинг не отпущен под залог?

– Под залог? Еще чего. Ему только в понедельник будет предъявлено обвинение.

– Он под замком?

– Ага. Я вижу его по монитору. Сидит на койке. С час назад поговорил по телефону со своим адвокатом, потом вернулся в камеру, в ней и находится. А что такое?

– Видно, мне примерещилось. Показалось, что я увидел Страшилище.

– Страшилище, ха-ха. Что ж, с Новым вас годом!

Паркер положил трубку с облегчением – которое длилось примерно пять секунд.

Говорил с адвокатом? Да во всей стране не найти адвоката, способного в этот час праздничной ночи разговаривать с клиентом, которому предъявят обвинение только через два дня.

Затем он подумал: «Совершенство» – и прошептал:

– Господи!

У Филдинга было предусмотрено буквально все. В том числе наверняка и план побега.

Паркер поднял трубку и нажал первую цифру номера вызова полиции. Телефон не работал.

Шорох за кухонной дверью. Он поднял глаза. На крыльце стоял и смотрел на него в дверное стекло мужчина в темном пальто. На левой руке у него была кровь, на лице – ожоги.

Мужчина поднял автомат с глушителем и нажал на спуск. Паркер едва успел упасть на пол. Ручка и замок задней двери разлетелись под градом пуль.

Копатель не спеша толкнул дверь и вошел в дом.

Копателю хочется поскорее с этим покончить и уйти. Ему нравится на улице. Ему нравится… *щелк*… нравится снег.

Глядите-ка, какая красивая елочка.

Он снова стреляет вдогонку нырнувшему в двери Кинкейду. Попал? Копатель не знает.

Пожалуй, не попал. Он видит, как Кинкейд пробирается в другую комнату, выключает свет, перекатывается по полу.

Копатель думает, что он счастлив. Тот, кто ему приказывает, позвонил с час назад. И не в службу передачи сообщений, а по-настоящему, на сотовый телефон Копателя.

Копателю предстояло убить еще троих. Кого-то по имени Кейдж. Кого-то по имени Лукас. И Паркера Кинкейда. «Его убьешь первым. Понял?»

«Хм-м-м, конечно».

Копатель знает Кинкейда. Этим вечером, только раньше, он был у его дома. У Кинкейда есть маленький мальчик вроде Тая, только Копателю не нравится мальчик Кинкейда, потому что Кинкейд хочет разлучить Копателя с Таем.

«Затем к половине пятого утра подойдешь к центру предварительного заключения, – сказал тот, кто ему приказывает. – Я буду в лазарете, он на первом этаже в задней части здания. Я притворюсь больным. Убьешь всех, кого встретишь, и освободишь меня».

Войдя в гостиную, Копатель замечает, как Кинкейд выкатывается из-под стола и бежит в прихожую. Он дает еще одну очередь вслед Кинкейду, который исчезает в другой части дома. Но он не сбежит, Копатель в этом уверен. Здесь его дети. Отец ни за что не бросит детей.

Копатель в этом уверен, потому что сам он не бросит Тая.

Он входит в гостиную, выставив перед собой автомат.

Уворачиваясь от пуль, Паркер откатился по полу. Он ободрал локти, голова разламывалась от удара об угол кухонного стола.

«Ктоши!» – в отчаянии думал он, продвигаясь на четвереньках к лестнице. Наверх он Копателя не пустит.

Новая очередь. Он повернул от лестницы и нырнул в гостиную. Оружие… Что может его заменить? Зачем только он вернул Лукас пистолет?

Паркер прыгнул за диван. Взгляд его упал на бейсбольную биту – один из новогодних подарков для Робби. Он вцепился в обмотанную лентой рукоятку. Где же он? Где?

Шаги. Тихие-тихие. *Хрусть* – Копатель наступает на осколки стекла и керамики. *Хрусть*. Пауза. Снова – *хрусть*.

Паркер выглянул. Нет! Копатель стоял у подножия лестницы, собираясь подняться. Паркер метнул биту в гостиную, угодив в застекленный шкаф.

Услышав шум, Копатель замер. Потом повернулся и двинулся в гостиную. Когда он приблизился к арке между комнатами, Паркер скользнул из-за дивана и бросился на него.

Копатель успел развернуться, когда Паркер в него врезался, едва не сбив с ног. Он нанес Копателю удар в челюсть, но тот уклонился. Паркер попробовал вцепиться в автомат, однако Копатель его опередил, отдернул оружие. Паркеру ничего не оставалось, как отступить в закуток за диван. Остальные пути были отрезаны.

Копатель попятился, щуря в темноте тусклые глаза.

Паркер заметил, что на полу что-то блестит. Длинный осколок стекла от разбитого шкафа. Паркер схватил осколок.

Убийца обнаружил Паркера. Приблизился, огибая диван.

Паркер подобрался, изготовясь к прыжку.

Копатель обогнул диван, поднял автомат.

Паркер напрягся.

Оглушительно грохнул одиночный выстрел.

Копатель дернулся. Выпустил из рук оружие и повалился ничком с дыркой от пули в затылке.

Что случилось? Паркер лихорадочно соображал.

Он заметил движение в дверном проеме. Мальчик. Чернокожий. С пистолетом. Мальчик медленно приближался к телу, не сводя с него глаз. Как коп в кинофильме, он наставил дуло большого пистолета в спину Копателю. Пистолет ему приходилось держать обеими руками.

– Он моего папаню пришил, – объяснил мальчик. – Прям на моих глазах.

– Дай мне пистолет, – прошептал Паркер.

Мальчик не отводил глаз от Копателя. По щекам у него текли слезы.

– Пришил моего папаню, а меня сюда приволок.

– Позволь, я возьму пистолет. Как тебя звать?

– Я все ждал, чтоб его прикончить. Пушку нашел у него в машине.

– Все в порядке, – сказал Паркер. – Как тебя звать? – Он подался вперед, но мальчик угрожающе наставил на него пистолет. Паркер застыл и попятился. – Положи эту штуку. Прошу тебя. Пожалуйста.

Мальчик его словно не слышал, обводя комнату настороженным взглядом, который на миг задержался на елке.

Паркер поднял руки:

– Не волнуйся. Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто подойду к ней. – Он кивком указал на елку.

Он обошел мальчика и направился к елке. Наклонился, взял предназначенный для Робби подарок, вернулся, опустился на корточки. Вытянул правую руку открытой ладонью кверху, в левой у него был космический корабль из «Звездных войн».

– Махнемся?

Мальчик впился взглядом в пластмассовую игрушку.

– Ух ты, – благоговейно произнес он, отдал Паркеру пистолет и взял игрушечный космолет.

– Подожди меня здесь, я сейчас вернусь, – сказал Паркер.

Мальчик не ответил. Паркер поднял автомат и отнес вместе с пистолетом наверх. Там он засунул их на верхнюю полку стенного шкафа и запер дверцу.

Он уловил движение – Робби выбрался в коридор и подошел к нему.

– Папочка? Мне что-то снилось. Я слышал выстрел. Мне страшно.

– Что ты, Робби. – Паркер усилием воли заставил голос не дрожать. Он обнял сына и вернулся с ним в спальню. – Наверно, всего лишь хлопнула шутиха.

Он услышал шаги снаружи, шум на улице перед домом. Выглянув в окно, он увидел – мальчик бежит по газону, прижимая к груди космический корабль.

«Где его дом?» – подумал Паркер. Но он не мог позволить себе размышлять об этом мальчике. Его собственный сын отнимал все его внимание.

Паркер уложил Робби спать рядом с сестрой. Нужно было вызвать полицию, но он не хотел отпускать руку Робби.

Паркер улегся радом с детьми. Бросил взгляд на часы. Половина четвертого. В десять заявится Джоун с сотрудницей социальной службы. Кошмар. В стенах – дырки от пуль. Стекла в шкафу разбиты. А посреди гостиной – окровавленный труп.

– Папочка, – сонно пробормотала Стефи, – я слышала шутиху. Мама Пити Уилана запретила ему пускать шутихи, а он не послушался.

– Ну и бог с ними, детка. Нас это не касается.

Паркер перевернулся на спину, закрыл глаза. Представил себе, что наговорит в суде Джоун. И что ему делать? Какие оправдания приводить?

Через минуту Паркер Кинкейд уже спал.

Когда он открыл глаза, было без пяти десять. Его разбудили звук хлопнувшей автомобильной дверцы и голос Джоун:

– Рановато, но он, я уверена, возражать не будет.

Паркера поташнивало, в висках стучала кровь. Он выглянул в окно. Джоун и Ричард направлялись к дому в сопровождении невысокой женщины. Сотрудница социальной службы. Они подошли к двери, позвонили. Отступать некуда.

Он остановился на верхней площадке. «Да не пускай ты Джоун, и все», – сказал он себе. Он заставит ее получить судебное предписание. Но это даст ему всего лишь пару лишних часов, а увертка только укрепит Джоун в ее подозрениях.

Он глубоко вздохнул и начал спускаться.

Ну что ему сказать о пулевых отверстиях? О крови? Может, удастся… Паркер, ошеломленный, застыл посреди лестницы.

Дверь открывала – изнутри! – стройная блондинка в белой блузке и длинной черной юбке.

Это и само по себе было удивительно. Но что просто лишило его дара речи, так это безукоризненный порядок в доме.

Ни одного стеклянного осколка. Ни одной дырки от пули ни в одной стене. Сами стены загрунтованы и оштукатурены наново. В углу гостиной на куске белой парусины расставлены банки с краской. Изрешеченное пулями кресло заменено на такое же. Шкаф тоже новый.

Тело Копателя исчезло. На том месте, где оно лежало, красовался новый персидский ковер.

Все обернулись к нему – Джоун, Ричард, соцслужащая и женщина в черной юбке.

– А вот и Паркер, – произнесла Маргарет Лукас.

– Ага, – сказал он через пару секунд.

Лукас загадочно улыбнулась.

– Как спалось? – спросила она и сама подсказала ответ: – Хорошо?

– Да, хорошо.

Лукас снова занялась Джоун:

– Вы, должно быть, жена Паркера.

– Бывшая, – поправила та.

За Джоун вошла работница социальной службы, пухлая брюнетка, и последним – Ричард.

Паркер продолжал спускаться по лестнице. Он не удержался – потрогал стену в том месте, куда, как он четко видел ночью, угодил целый рой пуль. Штукатурка была гладкой, как щечка Стефи.

– Доброе утро, Джоун, – произнес он.

– Привет, Ричард.

Джоун не стала знакомить Паркера с сотрудницей соцслужбы, но та сама подошла к нему и пожала руку. Паркер был слишком ошеломлен и не обратил внимания – представилась она или нет.

Джоун поглядела на Лукас:

– По-моему, мы не знакомы. Вы…

– Джеки Лукас. Я подруга Паркера.

Джеки? Паркер поднял брови, но промолчал.

Джоун окинула подтянутую фигуру Лукас равнодушным взглядом. Но потом она пригляделась к гостиной:

– Ты… что ты тут сделал? Косметический ремонт или еще что? Вчера я ничего не заметила.

– У меня было немного свободного времени, вот я и решил тут кое-что подновить.

Бывшая половина уставилась на Паркера:

– Ты жутко выглядишь. Плохо спал?

Лукас рассмеялась.

– Паркер пригласил меня на завтрак, – объяснила она, – отправился наверх будить детей – и что бы вы думали? Взял и заснул.

Джоун фыркнула: вполне в его духе.

Где же кровь? И битое стекло?

– Не хотите ли кофе? – предложила Лукас гостям. – Со сладкими булочками? Паркер сам их печет.

– Я выпью кофе и съем полбулочки, – согласилась социальный работник.

– Съешьте целую, – сказала Лукас, – они маленькие.

Она пошла на кухню и через миг появилась с подносом. Налила всем по чашечке кофе и спросила Паркера:

– Когда ты вчера вечером вернулся из больницы?

– Хм-м. Точно не помню, но довольно поздно.

– Из больницы? Дети заболели? – трагическим голосом спросила Джоун, косясь на соцслужащую.

– Он навещал приятеля, – объяснила Лукас.

– Какого такого приятеля? – осведомилась Джоун.

– Гарольда Кейджа, – ответила Лукас. – Он поправится: всего лишь сломал ребро. По-моему, так сказали врачи?

– Верно. Сломал ребро, – повторил Паркер. – Поскользнулся и грохнулся.

Дама из службы социальной помощи прихлебывала кофе и ела уже вторую булочку.

– Не дадите рецепт?

– Разумеется, – пообещал Паркер.

– Пойду сварю еще кофе, – сказала Лукас.

– Я тебе помогу, – вызвался Паркер. На кухне он плотно закрыл за собой дверь и обратился к Лукас: – Как? Каким образом вы…

Она рассмеялась:

– Ночью ты звонил в центр предварительного заключения. Сказал, что тебе что-то там примерещилось. Ночной дежурный сразу мне перезвонил. Я попыталась с тобой связаться. В «Белл атлантик» мне сказали, что твоя линия вышла из строя. Около половины четвертого полицейский спецназ округа Фэрфакс был здесь и обнаружил на первом этаже труп, а тебя – спящим на втором. Кто в него стрелял? Кто прикончил Копателя? Это ведь не твоих рук дело?

– Какой-то парнишка. Сказал, что Копатель убил его отца. Копатель его и привез сюда. Почему – не имею ни малейшего представления. Мальчонка убежал. Теперь ответь на мой вопрос. Чье тело было в автобусе?

– Водителя. Мы считаем – сначала Копатель оставил его в живых, затем заставил побежать к задней двери. Он его пристрелил и пустил пулю в канистру с горючим. Когда автобус запылал, Копатель выбрался через окно и скрылся за завесой дыма. Он оказался умнее, чем был на вид.

– Нет, – покачал головой Паркер, – это придумал Филдинг. Это он научил Копателя. Он вовсе не был намерен жертвовать своим подчиненным. Их, похоже, ожидали еще долгие годы делового сотрудничества. Но как же дом? – повел рукой Паркер.

– Все устроил наш чудотворец Кейдж. Позвонил туда-сюда. Мы втянули тебя в эту заваруху, наше дело было ее расхлебать.

С этим Паркер не стал спорить.

– Погоди… Как ты себя назвала? Джеки?

Лукас помялась и ответила:

– Уменьшительное от второго имени. Так меня называли в семье. Я редко им пользуюсь.

На лестнице раздались шаги – глухой топот. Дети спустились в гостиную. Из-за кухонной двери до Паркера с Лукас донеслись их голоса:

– Мамочка, привет!

– Здравствуйте, дети, – сказала Джоун.

– Так вот она какая, твоя жена, – заметила Лукас. – Не очень-то вы с ней похожи.

Что следовало понимать: как тебя угораздило с ней связаться? Паркер рассмеялся. Уместный вопрос, он бы с радостью на него ответил, но на это ушло бы куда больше времени, чем они имели в эту минуту. К тому же ответ должен был стать частью сложного ритуала, в ходе которого ей предстояло самой подбросить ему хотя бы некоторые «ключи» к головоломке Маргарет – или Джеки – Лукас.

А она была самой настоящей головоломкой. Паркер окинул ее взглядом с головы до ног: макияж, украшения, белая блузка нежного шелка. Сегодня от нее пахло настоящими духами, а не душистым мылом.

Она поймала его пристальный взгляд. Опять его застукали. Ну и черт с ним.

– Побуду до ее ухода, – сказала Лукас. – Мне подумалось, привкус настоящей семейной жизни, глядишь, и настроит сотрудницу в твою пользу.

– Чистейшей воды героизм сверх программы, – отреагировал Паркер.

В ответ она пожала плечами с невозмутимостью, достойной Кейджа.

– Послушай, – предложил он, – я знаю, ты занята, но мы с Ктошами собираемся повозиться во дворе.

– В снегу?

– Вот именно. Сперва срубить кусты на заднем дворе, а потом покататься на санках. Не знаю, интересует тебя или…

– Ты меня приглашаешь? – спросила Лукас.

– Мм-м, да.

– Что до моих занятий, так я собиралась прибраться в доме и закончить блузку для дочери одной подруги.

– Значит, принимаешь мое приглашение?

– Пожалуй, да.

Воцарилось молчание. Лукас стояла лицом к окну, ее взгляд устремился к двери. Она прислушивалась к возне и крикам детей. Затем повернулась к Паркеру:

– Кстати, я нашла ответ. На задачу.

– На задачу?

– Про ястребов – сколько их осталось на крыше. Это вопрос с закавыкой. Тут не один ответ, а несколько.

– Умница, – сказал Паркер. – Задача имеет несколько решений. Это первое, что усваивают мастера отгадок.

– Видишь ли, – продолжала она, – невольно заключаешь, что все необходимые факты содержатся в условии, а на самом деле кое-какие факты не упомянуты. Факты касательно природы ястребов.

– И какое же отношение это имеет к задаче?

– Такое, – ответила она, погрозив ему пальцем по-девичьи, чего раньше он за ней не замечал, – что ястребы могли испугаться выстрела. А могли и не испугаться. Потому что, не забудем, они сидели далеко друг от друга. Верно?

– Верно. Продолжай.

– О'кей, фермер сбивает выстрелом одну птицу, но мы не знаем, как поведут себя две другие. Обе могут остаться. Тогда ответ будет – два ястреба. Или один улетит, и тогда на крыше останется один. Или оба улетят, и тогда не останется ни одного. Вот такие три ответа.

– Что ж, ты права относительно неупомянутых фактов.

– Ты что хочешь сказать? – нахмурилась Лукас. – Я правильно ответила или нет?

– Неправильно.

– Но частично все-таки правильно?

– Частично правильных ответов не бывает. Хочешь знать по-настоящему правильный?

Она подумала и сказала:

– Нет. Я еще поломаю над ним голову.

Наступила самая подходящая минута ее поцеловать, что Паркер и сделал. Затем оставил ее разливать кофе, а сам вернулся в гостиную обнять детей и пожелать им доброго утра в первый день нового года.

От автора

Пытаясь решить задачу Паркера, Лукас сделала одно неверное предположение: убитый фермером ястреб упал с крыши курятника. А ведь он мог и не упасть. В задаче спрашивается, не сколько «живых ястребов» осталось на крыше, а просто – «сколько ястребов». Поэтому ответ таков. Осталось три ястреба, если убитый не упал на землю, а два других не улетели. Два, если убитый не упал, а один живой улетел или же если убитый ястреб упал, но оба живые остались. Один ястреб, если убитый не упал, а оба живых улетели или же если убитый упал и один из живых улетел. Ни одного, если убитый ястреб упал с крыши и оба живых улетели.